

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

В. М. Ахмедов

СИРИЙСКИЙ КРИЗИС
И БОРЬБА ИРАНА
ЗА БЛИЖНИЙ ВОСТОК
(1990–2020-Е ГОДЫ)

Москва
2022

ББК 68.1(4)/68.1(8)

A95

Рекомендовано

Ученым советом Института востоковедения РАН

Рецензенты

Н. М. Мамедова, канд. экон. наук, ФГБУН ИВ РАН

А. И. Яковлев, д-р ист. наук, ФГБУН ИВ РАН

Ахмедов, В. М.

A95 Сирийский кризис и борьба Ирана за Ближний Восток (1990–2020-е годы); Ин-т востоковедения РАН. — М., 2022. — 272 с.

ISBN 978-5-907543-91-1

Монография В. М. Ахмедова «Сирийский кризис и борьба Ирана за Ближний Восток (1990–2020-е гг.)» представляет собой инновационное комплексное исследование ближневосточной политики ИРИ в контексте иранской вооруженной операции в САР и Ираке в условиях обострения борьбы за Ближний Восток, вызванного сирийским кризисом. В книге всесторонне исследование причины, характера итоги борьбы Ирана за Ближний Восток на примере политики Ирана в САР, Ираке, Ливане, арабских монархиях Персидского залива. Представленная монография отличается научной новизной, использованием широкого круга источников, документальных, архивных материалов на русском, английском, французском, арабском и персидском языках. Результаты исследования дают представление о новой поведенческой модели Ирана на Ближнем Востоке, в Средней Азии и Закавказье, что важно для обеспечения интересов России на южном направлении. Работа Ахмедова В. М. практически значима для российских внешнеполитических ведомств, может использоваться в курсе профильных лекций. Одновременно, книга рассчитана на широкий круг читателей.

ББК 68.1(4)/68.1(8)

ISBN 978-5-907543-91-1

© Ахмедов В. М., 2022

© ФГБУН ИВ РАН, 2022

Содержание

Введение	5
Глава I. Ирано-сирийский альянс и кризис в САР	19
§ 1. Ирано-сирийский феномен: хроники нетипичного альянса	19
2. Сирийский кризис как фактор изменения политики Ирана на Ближнем Востоке	35
Глава II. Причины и характер военной операции ИРИ в САР и Ираке	45
1. Факторы вооруженного вмешательства ИРИ в САР.	46
2. Мотивы силовой политики ИРИ в Ираке .	52
3. Динамика иранской операции в САР и Ираке. Состав и задачи силовых структур ИРИ	58
4. Борьба ИРИ с «Исламским Государством» в Ираке и САР.	64
Глава III. Специфика взаимодействия Тегерана с Дамаском и Багдадом в кризисных условиях	73
1. Отношения ИРИ с правящим сирийским режимом	74
2. Очерк иранской политики в отношении Багдада	83
3. Ливанская «Хезболла» как инструмент политики ИРИ в САР и Ливане.	91
4. «Шиитский фактор» в вооруженной операции ИРИ в САР	103

§ 5. Особенности взаимодействия ИРИ с курдами и шиитскими общинами Ирака	118
---	-----

Глава IV. Основные итоги военной операции ИРИ в Сирии и Ираке: внутренние и геополитические измерения	125
---	-----

1. Внутренние императивы силовой политики ИРИ на Ближнем Востоке	126
2. Эволюция военной доктрины ИРИ.	135
3. Укрепление иранских позиций в САР и на Ближнем Востоке	140

Глава V. Специфика взаимодействия ИРИ с региональными и международными участниками сирийского конфликта.	154
--	-----

1. Особенности российско-иранского взаимодействия в САР	154
2. Тегеран — Тель-Авив: «война» до победного	176
3. Турецко-иранские отношения в свете проблемы «сирийской нормализации»	186
4. Иран и арабские монархии Персидского залива между сирийским примирением и историческим наследием	194

Заключение	209
Summary	219
Аннотация	224
Библиография	232
Об авторе	266
About the author	268

Введение

Сирийский кризис продолжается около 12 лет и приобрел исключительный характер. В условиях развития гражданского противостояния выстроенная Х. аль-Асадом модель государственного управления оказалась серьезно подорванной. Деформация властной конструкции, основанной на сложной системе сдержек и противовесов, ослабила режим и осложнила урегулирование конфликта на ранних этапах. Эскалация вооруженного противостояния фактически разрушила основные институты государства. Значительные жертвы среди гражданского населения, сотни тысяч погибших, миллионы беженцев, колоссальные разрушения привели к изменению мировоззрения широких масс сирийского населения. Многие районы страны сделались легкой добычей экстремистских группировок. Сирия превратилась в источник международного терроризма. Правящий режим смог удержать власть и установил контроль над большей частью сирийской территории. Б. аль-Асад сохранил институт органов безопасности, который был тщательно отстроен его отцом. Именно специальные службы помогли сирийскому президенту удержать бразды правления и умело играть на противоречиях региональных и международных партнеров, проводя свою линию в управлении Сирией. Несмотря на некоторые успехи Б. аль-Асада по нормализации положения в стране, общая ситуация в государстве и обществе оста-

ется сложной. Военно-политическая обстановка в Сирийской Арабской Республике (САР) отличается лабильным характером. Сущностное содержание развития страны содержит много элементов непредсказуемости. В Сирии сохраняется политическое соперничество, в основе которого лежат внутренние религиозные, идеологические, этнические противоречия. Сегодня Сирия расколота политически на зоны влияния региональных и международных сил. Под вопросом остается сохранение единства территории и перспективы правящего режима. Отсутствие долговременной стабильности в САР затрудняет процесс политического урегулирования и восстановления страны. Подобное развитие событий сложилось в результате гражданской войны в Сирии, в которую оказались активно вовлечены силовым путем крупные международные и региональные державы. Затянувшийся процесс политического урегулирования и социально-экономического восстановления САР вызывает обеспокоенность ближневосточных государств. Кризис в САР, его характер и последствия нарушили региональный баланс сил. Вызванные сирийским кризисом изменения в системе международных отношений на Ближнем Востоке заострили вопросы национальной безопасности и сохранения целостности региональных государств. Вооруженный конфликт в САР и складывающаяся вокруг Дамаска обстановка повысили конфликтный потенциал региона. Кризис в САР спровоцировал критические изменения в региональной системе безопасности и обозначил переломный этап развития Ближнего Востока. Борьба за Сирию обострила ближневосточный конфликт, участники которого рассматривали сирийские события как новую возможность укрепить свои региональные позиции в рамках начавшегося процесса реформирования Ближнего Востока. Сегодня сирийское противостояние постепенно отходит на задний план, отдавая приоритет острому соперничеству ведущих мировых держав и крупных региональных игроков за Ближний Восток. Действительно, за последние годы ближневосточный регион серьезно изменился. Решающим фактором, определявшим в последние годы общие контуры развития политической ситуации на Ближнем Востоке, являлось не столько изменение внешнего антуража ближневосточной политики, сколько региональ-

ные внутривнутриполитические процессы. Сирийский кризис показывал всю степень остроты расколов прежних союзов в регионе. Действительно, ранее созданные альянсы и союзы, подверглись критической ревизии. Исключением, подтверждающим общее правило, служит ирано-сирийский альянс. Его природа кардинально изменилась в результате вооруженного вмешательства Ирана в сирийский конфликт. Однако ирано-сирийский союз сохранил свой стратегический характер. В целом же прежние системы сдержек и противовесов, контролируемый сверху градус конфессиональных и этнических разногласий, привычные инструменты и методы работы больше не действуют и не столь эффективны в плане достижения ожидаемого результата. Оказавшись в фокусе мирового внимания, арабские страны борются за сохранение собственной государственности и национального суверенитета. В ряде стран продолжаются военные действия. Возникновение новых конфликтов, замешанных на старых политических дрожжах, ведет к разрушению политических систем и институтов государства. В результате размываются национальные границы, рушатся суверенитеты, видоизменяется парадигма выстраивания новой государственности, общество обрекается на поиск новой самоидентификации. Попытки заполнения политического и идеологического вакуума идеями воинствующих исламистов формируют общественный запрос на стабильность и умеренность. Сегодня арабский мир сталкивается с отсутствием сильного системного арабского лидера, который смог бы сплотить арабские народы на основе общенационального эндогенного проекта развития и принять вызовы нового миропорядка, складывающегося на Ближнем Востоке. Действительно, сегодня на Ближнем Востоке идет борьба за влияние между крупными региональными игроками в лице Ирана, Турции, Израиля. Политика этих государств мотивируется задачами капитализации силы, соображениями национальной безопасности, возможностью переформатировать региональный баланс сил в собственных интересах. Исходя из указанных параметров, эти страны принимают решение о вооруженном вмешательстве в «слабые» ближневосточные государства. С этой точки зрения поддержание контролируемой нестабильности в ряде стран Ближнего Востока,

таких как Сирия, Ирак, Ливан, Йемен, облегчает им решение указанных задач. Складывающаяся сегодня ситуация на Ближнем и Среднем Востоке диктует необходимость выработки новых подходов к ее оценке и адекватному восприятию быстроменяющихся реалий. Вооруженное вмешательство Ирана в Сирию и Ирак существенно изменило характер борьбы за Ближний Восток. Как показали последние события в Афганистане, Ираке, Сирии, Ливане, Ливии, Тунисе, Йемене, Тегеран претендует на то, чтобы самостоятельно решать вопросы власти, войны и мира на Ближнем Востоке. Действительно, с укреплением позиций Ирана в регионе важные процессы внутренней политики многих арабских стран получили не только новое измерение, но и обрели иную стратегическую перспективу. Сегодня характер наиболее острых конфликтов на Ближнем Востоке и основные параметры их урегулирования в немалой степени определяются политикой Ирана в этом стратегически важном районе мира. Тегеран традиционно стремился к упрочению своих позиций на Арабском Востоке, исходя из соображений обеспечения своих государственных интересов и национальной безопасности. Проводя активную внешнюю политику в Ближневосточном регионе, правящий в Иране режим демонстрировал успешность развития Исламской Республики Иран (ИРИ). Тегеран доказывал универсальность и эффективность исламской модели развития в новых международных условиях. Активная политика Ирана на Арабском Востоке негативно сказывалась на состоянии арабо-иранских отношений, которые приобрели сегодня характер открытого противостояния. Несомненно, Иран несет немалую долю ответственности за ухудшение отношений с арабскими странами. С другой стороны, исторически сложившееся арабо-иранское соперничество наряду с различиями религиозного, этнического и культурного порядка оказывали влияние на сегодняшний характер арабо-иранского взаимодействия. Сегодня, в условиях противостояния Ирана и арабских стран, арабо-иранское историческое наследие сильно политизировано. Складывающаяся ситуация на Ближнем Востоке формирует новые измерения арабо-иранских разногласий. Иногда они могут имплементироваться в виде острой религиозной вражды и рассматриваться обеими сторонами в плоскости

защиты национальной безопасности и сохранения территориальной целостности государств. Дополнительный импульс реализации устремлений Ирана на Ближнем Востоке был во многом придан развитием сирийского конфликта. На протяжении последних десятилетий отношения между САР и ИРИ носили дружественный и партнерский характер. С этой точки зрения сирийско-иранский альянс представлял исключение из общей картины арабо-иранского взаимодействия в регионе на рубеже столетий. В условиях развития сирийского кризиса опорные элементы ирано-сирийского политического конструкта подверглись критическим изменениям или вовсе исчезли. Несмотря на то что Б. аль-Асад укрепился у власти, перспективы президента на властном поприще не были ясны до конца. Они во многом зависели от внешних факторов. В последние десятилетия Иран имел отношения не столько с Сирией, сколько с правящей алавитской элитой. Поэтому в случае ее ухода от власти позиции ИРИ в Сирии могли кардинально измениться и не в пользу Ирана. В течение последних десятилетий Иран проводил активную политику не только в Сирии, но и в Ираке и Ливане. Тегеран внимательно следил за динамикой внутривнутриполитической ситуации в этих странах. Особое внимание уделялось состоянию социума, развитию общественных отношений через призму этнических и конфессиональных признаков. Кризис в САР еще раз подтвердил стратегическую установку ИРИ на то, что Ирак является критическим фактором национальной безопасности Ирана. В Ливане Тегеран уже не мог рассчитывать на прежнюю поддержку Дамаска по защите своих интересов. Многие политические силы Ливана меняли свое отношение к Ирану, пересматривали прежний характер связей с Тегераном. Ирану пришлось по-новому выстраивать отношения с «Хезболлой», которая стала активным участником вооруженного конфликта в Леванте. В этой связи сильным мотивом усиления военного присутствия ИРИ в САР и Ираке были опасения за свою внутреннюю безопасность и территориальную целостность, которые исходили от экстремистских организаций, действовавших на иракской и сирийской территориях. Политика Тегерана была также во многом мотивирована стремлением закрепить характер отношений с Сирией, Ираком и Ливаном как с государствами-

клиентами. Гражданская война в Сирии, ее характер и последствия меняли прежнюю военно-политическую конфигурацию Ближневосточного региона. С этой точки зрения проблемы региональной и внутренней безопасности послужили мощным драйвером иранского участия в САР. Вовлеченность Ирана в сирийские и иракские события была вызвана стремлением Тегерана переформатировать региональную систему безопасности в собственных интересах. Тегеран рассчитывал на то, что его вмешательство в САР и Ирак не позволит изменить региональный баланс сил в интересах соперников ИРИ на Ближнем Востоке. «Докризисная» ближневосточная политика Ирана могла не справиться с решением указанных задач в новой региональной ситуации. Участие Ирана на равных в начавшейся борьбе за Ближний Восток предполагало изменение его военно-политической стратегии. Методы и средства участия Ирана в вооруженном сирийском конфликте корректировались с учетом изменения ситуации в САР и Ираке. Однако матрицей иранской политики на Ближнем Востоке по-прежнему служила политизированная версия шиизма, которая после исламской революции 1979 г. стала основой государственной идеологии и инструментом внешней политики ИРИ. Действительно, многие расчеты Ирана в его политике в регионе строились помимо военной мощи на факторе религиозной и этнической общности. В военной кампании ИРИ на Ближнем Востоке «шиитский фактор» имел два основных измерения — военное и общественно-политическое. В Ираке Иран старался выстраивать отношения не только с шиитами, но и стремился привлечь к борьбе против «ИГ» суннитов и курдов. В отличие от Ирака, в Сирии Тегеран сделал явный акцент на сотрудничестве с алавитами и шиитами. Внутриполитическая обстановка в САР, в Ираке и Ливане характеризовалась острым политическим соперничеством, основанном на религиозных, идеологических, этнических противоречиях, которые иранская дипломатия и разведка искусно использовали для обеспечения интересов ИРИ. Сравнительный анализ войсковой операции ИРИ в САР и Ираке показал, что важными мотивами вооруженной интервенции служила группа факторов. Они были обусловлены особым характером отношений с местной властью, наличием групп населения,

близких в этническом и религиозном отношениях, уровнем внешней угрозы, способностью изменить региональный баланс сил. Силовая политика ИРИ на Арабском Востоке оказывала определенное влияние на внутривластную обстановку в ИРИ, развитие иранской политической системы, ситуацию внутри властных структур, состояние иранского общества. Активизация вооруженного вмешательства Ирана в САР и Ирак изменила характер взаимоотношений ИРИ с Россией, Израилем, Турцией, монархиями Персидского залива. Проблема сирийского примирения во многом определяла параметры внешней политики ИРИ на Ближнем Востоке и служила одним из важных факторов, детерминировавших конфликтный потенциал региона, ключевые параметры ближневосточного урегулирования. Нельзя исключать, что в перспективе политика Ирана в Сирии и Ираке будет во многом определяться характером эволюции политических систем этих стран, динамикой развития политических процессов в них, эволюцией их правящих элит. Заметное влияние на политику ИРИ в Ближневосточном регионе будут оказывать природа трансформации региональных отношений и политика мировых держав на Ближнем Востоке. Возможно, что в случае снижения внимания мировых держав к Ближневосточному региону и ослабления их глубокой вовлеченности в региональные процессы сложатся условия для нормализации арабо-иранских отношений. Эти и многие другие вопросы стали объектом научного исследования в новой монографии Ахмедова В. М. «Сирийский кризис и борьба Ирана за Ближний Восток (1990–2020-е годы)». Изложенные выше положения объясняют причину избрания автором указанной темы исследования. Целью данной работы является комплексное исследование эволюции внешней политики ИРИ и иранской вооруженной операции в САР и Ираке в условиях обострения борьбы за Ближний Восток, вызванной кризисом в САР. Достижение поставленной цели осуществлялось на основе оригинальной теоретической модели, адаптированной к ближневосточным реалиям. Ведущим методом исследования послужил синтез элементов структуралистского, мотивационного, конструктивистского подходов на междисциплинарной основе с использованием инструментов системного, сравнительного, исто-

рического анализа в рамках теорий международных отношений¹. Для углубленного понимания роли силовых структур в сирийском кризисе и исследования мотивов вооруженного участия Ирана в САР и Ираке автор использовал методологические подходы разных школ военной исторической науки². Для достижения поставленной цели автор выделил ряд задач. Их решение объяснило причины иранского вооруженного вмешательства в САР. Особый интерес представляет изучение отношений Ирана с Сирией и Ираком; оценка состояния регионального баланса сил, характера отношений ИРИ с сирийским и иракским режимом; обзор иранских позиций в сирийском и иракском социуме, динамики внутренних процессов в ИРИ; изучение военного потенциала Ирана. Решая поставленные в работе задачи, автор, прежде всего, опирался на уникальный научный опыт и знания Л. М. Кулагиной, которая посвятила более 50 лет своей жизни изучению Ирана. Она неоднократно бывала в Иране. Несколько ее работ переведены на персидский язык. Автор отталкивался от достигнутого уровня научного осмысления истории Ирана в иранском секторе ИВ РАН, политики ИРИ на Ближнем Востоке, общих закономерностей современного развития Исламской Республики. Определенную пользу принесли материалы ближневосточной действительности, хорошо знакомые В. М. Ахмедову в период его

¹ Waltz K. *Theory of International Politics*. Reading, MA; Addison-Wesley Publishing Company. 1979; Stephen M. Walt. *International relations; One World, Many Theories*. Foreign Policy. No 110. Spring, 1998.; Light, M. *Foreign Policy Analysis*. Contemporary International Relations. A Guide, ed. A. J. R. Groom and Margot Light. London: Print Publishers, 1994.

² Бабушкин С. А. *Армия и политика в Андских странах (Венесуэла, Колумбия, Эквадор)*: автореф. дисс. на соиск. уч. степ. докт. полит. наук. М., 1994; Huntington S. P. *The third wave: Democratization in the late twentieth century*. - Norman; L.; Univ. Of Oklahoma press, 1991; Huntington S. P. *The Soldier and the State: The Theory and Politics of Civil-Military Relations*. New York: Random House, 1957; Nordlinger Eric A. *Soldiers in Politics. Military Coups and Governments*. 1977 by Prentice-Hall, Inc., Englewood Cliffs, New Jersey; Morgenthau Hans J. *The Decline of Democratic Politics*. Vol. I. The University of Chicago Press. Chicago, Illinois, USA, 1962; Morgenthau, Hans J. *To Intervene or Not to Intervene*. // *Foreign Affairs*, April 1967. Vol. 45, No. 3; Michael G. Findley and Tze Kwang Teo, *Rethinking Third Party Interventions into Civil Wars: An Actor-Centric Approach*. // *Journal of Politics*. November 2006. Vol. 68, No. 4; Сахин В. И. *Исламская Республика Иран: Власть и Армия*. // Сб. *Иран: прошлое и настоящее*. Москва, 2018.

учебы и работы в арабских странах. Он также использовал опыт командировок в ряд государств Западной Европы в 2004–2019 гг. Конкретизации некоторых деталей исследуемой темы способствовали личные беседы В. М. Ахмедова с представителями разнообразных профессиональных и общественно-политических групп населения Сирии, Египта, Саудовской Аравии, Ливана, Ирана, Турции. Определенным подспорьем в исследовании роли военных в сирийском кризисе стал опыт личного общения автора с представителями офицерского корпуса ряда арабских стран. В рамках избранного метода исследования автор проанализировал эволюцию политики Ирана на Ближнем Востоке на рубеже столетий. Автор обращает внимание на особенности внутреннего положения в Иране и ряде арабских стран, показывает специфику развития политических и управленческих институтов государства в региональном и международном контексте. Изучение природы эволюции арабской политики ИРИ дается с учетом основных характеристик арабских государств и Ирана, а также факторов, влияющих на их поведение. Автор проанализировал ключевые элементы политической структуры этих стран, их идеологию, географию, исторический опыт, демографию и ресурсную базу. В рамках системного подхода изучены факторы, влияющие на возможности выбора зависимых и слабых государств (Ливан, Сирия, Ирак) в условиях сирийского кризиса. В. М. Ахмедов констатировал, что сложившаяся система международных отношений отличается значительным неравенством государств. Большинству небольших арабских стран приходилось выстраивать «отношения зависимости» от крупных региональных и мировых держав, что подрывало их возможности действовать самостоятельно. В контексте конструктивистского подхода автор акцентировал внимание на исследовании роли идентичности, идеологии, нормативной базы, общественного дискурса, в определении поведенческого стереотипа Ирана, Сирии и Ирака. В. М. Ахмедов пришел к выводу, что категории национальной идентичности и идеологии (светской и религиозной) важны с точки зрения изучения некоторых аспектов политики ИРИ в арабских странах, прежде всего в Сирии, Ливане и Ираке. Однако они (категории) сами по себе не могут служить факторами, опреде-

являющимися характером отношений ИРИ с арабскими государствами, в том числе САР, Ираком, Ливаном в условиях сирийского кризиса. В этой связи автор исследовал внутренние категории, определявшие внешнюю политику Ирана, Сирии, Ливана и Ирака. Для исследования динамики арабо-иранских отношений автор рассмотрел с позиций реализма системы власти и безопасности в Иране, Сирии и Ираке, а также делал вывод о том, что в условиях обострения борьбы за Ближний Восток Иран прежде всего заботился о сохранении баланса сил и учитывал виртуальность начала масштабного конфликта с США и Израилем. С учетом избранной темы и метода исследования автор разработал оригинальную исследовательскую концепцию и адекватную ей структуру работы. Это позволило избежать всестороннего рассмотрения обстоятельств сирийского кризиса, который был достаточно подробно изучен в более ранних трудах автора¹. В результате автор сосредоточился на решении основного исследовательского вопроса о войсковой операции ИРИ в САР и Ираке в борьбе за Ближний Восток, в контексте которого были рассмотрены основные параметры сирийских событий. Автор подробно исследовал роль и структуру силовых структур Сирии в кризисных условиях, характер их взаимодействия с иранскими вооруженными силами и шиитскими милициями. Сделан подробный анализ мотивов и факторов вооруженного вмешательства ИРИ в САР и Ирак. Подробно изучены особенности иранской вооруженной операции в этих арабских странах. Рассмотрен характер взаимодействия ИРИ с властями Дамаска и Багдада, природа взаимодействия регулярных иранских сил и специальных войск с милицейскими формированиями, в том числе в борьбе с «Исламским Государством» («ИГ» — запрещено в РФ). Особое внимание автор уделит роли этнических и религиозных факторов в про-

¹ Ахмедов В. М. Сирийское восстание. История. Политика. Идеология. Москва: ИВ РАН, 2018: Akhmedov V. Syrian Crisis. Special Report. 10.04.2019. URL: <https://doc-research.org/wp-content/uploads/2019/04/DOC-expert-speaks-at-a-roundtable-on-Syria.pdf>; Akhmedov V. M. Islamic Phenomena of Syrian Uprising. Lambert Publishing. Academic Publishing. Berlin-Moscow, 2019; Akhmedov V. M. The Syrian Revolution // In J. A. Goldstone et al. (eds.). Handbook of Revolutions in the 21st Century. Springer Nature. Switzerland AG, 2022. P. 707–725.

ведении войсковой операции ИРИ в САР и Иране, Автор дал оценку эволюции военной доктрины ИРИ и подвел итоги вооруженной операции Ирана в указанных арабских странах. В.М. Ахмедов констатировал усиление политической роли военных в САР и Иране как следствие политики правящих элит, делал вывод о том, что высокий уровень участия военных в политике САР и ИРИ определялся расстановкой сил внутри этих государств и их культурно-историческими традициями. Подчеркивается, что в условиях сирийского кризиса в общественном сознании Ирана сложился позитивный образ военных. Большая часть населения ИРИ поддержала военную операцию в САР и Ираке. С позиций теории исследования военно-гражданских отношений¹ сделан вывод о том, что в Сирии и Иране сложилась «пенетрантная» модель управления армией. Исследованы инструменты, с помощью которых сирийский режим добивался личной лояльности армии и органов безопасности. Сделан вывод о том, что в результате внедрения в Вооруженные силы САР и ИРИ соответствующей политической, религиозной идеологии они превратились в идеологические армии. Наряду с профессионализмом и личными качествами политический конформизм, конфессиональные признаки определяли продвижение по службе. Повысилась роль спецслужб и специальных войск для контроля над армией. Отмечается, что в течение последних десятилетий в Сирии и Иране многие ключевые посты в партийно-бюрократическом аппарате занимали бывшие военные. Несмотря на относительную самостоятельность военных в условиях кризиса, сирийская армия находилась под жестким контролем спецорганов с сильно выраженными признаками конфессиональной и земляческой общности. В Иране элитные войска (КСИР) контролировались духовенством в лице духовного лидера ИРИ. В Сирии военные проводили в жизнь собственные политические решения с использованием силы оружия или угрозы его применения. Данный факт предопределил характер развития сирийского кризиса. В Иране участие военных в политике протекало в более умеренных формах. Для углубленного понимания мотивов иранской вооруженной операции, вы-

¹ Eric A. Soldiers in Politics. Military Coups and Governments. Prentice-Hall, Inc., Englewood Cliffs, New Jersey, 1977.

яснения вопроса о вмешательстве армии в политику исследованы особенности социально-политической среды в Иране и САР, в которой действовали военные. Изучение данных вопросов осуществлялось в рамках структуралистского и мотивационного подходов¹. Отмечено, что наряду с социальными и институциональными аспектами активности военных немалую роль играл субъективный фактор и психологическая мотивация действий офицерского корпуса на политической арене. На важность национального характера и национальной модели в поведенческом стереотипе военных указывал Г. Моргентхау². В Иране и ряде арабских стран консолидация и конституирование наций, защита национальных интересов и ценностей, обеспечение национальной безопасности выступали серьезной мотивацией их военной активности, влияли на содержание военной политики государств³. На примере сирийской армии и иранского опыта использования шиитской милиции показано, как национальные особенности людей оказывали влияние на армию. Речь идет прежде всего о порядке комплектования войск, способах их боевых действий, о боевых качествах личного состава, моральном духе армии. Трансформация сирийских Вооруженных сил в условиях кризиса доказала, что этот показатель не остается неизменным. В процессе развития он утрачивает одни и приобретает другие особенности. В ряде случаев определяющее влияние на формирование военной политики ближневосточных государств мог оказывать и личностный фактор. Политическая воля крупных военачальников (Х. аль-Асад в Сирии, К. Сулеймани в Иране) выступала в качестве относительно самостоятельной и важной стороны военного фактора геополитики. Готовность и способность лидера прибегнуть к поддержке проводимого им курса вооруженными методами и применить имеющиеся в его распоряжении вооруженные силы оказывали серьезное влияние на степень полити-

¹ Ахмедов В. М. Философия военно-гражданских отношений на Ближнем Востоке. // Восточный курьер / Oriental Courier. 2021. № 3–4.

² Morgenthau Hans J. The Decline of Democratic Politics. Vol. I. The University of Chicago Press. Chicago, Illinois, USA, 1962.

³ Сажин В. И. Исламская Республика Иран: власть и армия // Сб. Иран: прошлое и настоящее. Москва, 2018.

ческой активности армии и проблемы региональной безопасности. Констатируется, что в Сирии и Иране природа правящей элиты определяла военно-политический курс и выбор военной силы, методы вооруженной борьбы. В контексте сформировавшихся в военной политологии направлений («структурно-функционального», «институционального», «социопсихологического») ¹ сделан вывод о том, что наряду с обеспечением безопасности и интересов на Ближнем Востоке мотивация иранских военных определялась также потребностью совершенствования боеспособности национальных вооруженных сил в условиях реального боя. В работе также рассмотрена политика Ирана в Ливане; исследована роль «Хезболлы» в Ливане и сирийских событиях; дан анализ внутренних факторов политики ИРИ на Ближнем Востоке и влияние военной операции на внутреннюю политику ИРИ; изучены последствия иранской вооруженной активности в регионе в контексте эволюции отношений ИРИ с Россией, Израилем, Турцией, арабскими монархиями Персидского залива. Сказанное выше указывает на неслучайный выбор автором заявленной темы исследования. В современных условиях развития Ближнего Востока предложенная тема отличается актуальностью, новизной, имеет практическую значимость. В последние годы в отечественном и зарубежном востоковедении появилось несколько научных трудов, посвященных кризису в САР, политике Ирана в Сирии и на Ближнем Востоке ². Пробле-

¹ Ахмедов В. М. Философия военно-гражданских отношений на Ближнем Востоке // Восточный курьер / Oriental Courier. 2021. № 3–4.

² Akhmedov V. M. The Syrian Revolution. In J. A. Goldstone et al. (eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century*. Springer Nature. Switzerland AG, 2022. P. 707–725; Долгов Б. В. Сирийское противостояние. Внутренние и внешние факторы (2011–2021 гг.). М.: ЛЕНАНД, 2021, с. 225; Матвеев И. А. Сирия в конфликте. Москва: ИВ РАН. 2020, 496 с.; Katzman K. *Iran's Foreign and Defense Policies*. Washington, D. C.: Congressional Research Service, 2019; Vasiliev, A. *Russia's Middle East Policy: From Lenin to Putin*, Routledge, 2018. P. 384; Juneau T. and Sam R. *Iranian Foreign Policy Since 2001*. Routledge Studies in Middle Eastern Politics, 1ed, 2017. P. 242; Van Dam, N. *Destroying a Nation: The Civil War in Syria*, I. B. Tauris, 2017. P. 267; Fadai L. R. *Russo-Iranian Relations and the Vienna Nuclear Agreement*. Doha: Arab Center for Research and Policy Studies, 2015. P. 16.; Sadeghi, S. Sh., Kamran, L. *The Analysis of the Islamic Republic of Iran's Implication towards the Syrian Crisis*. The Institute of Contemporary Political Studies. Humanitarian and Cultural Studies. Tehran, 2014. Vol. 6, № 1. [In Iranian]; Мамедова Н. М. Политическая система Исламской

мы эволюции внешней политики ИРИ в условиях сирийского кризиса и вооруженной операции ИРИ в САР и Ираке в рамках борьбы Ирана за Ближний Восток остаются практически неисследованными. Вопросы, касающиеся истинных мотивов и причин иранского вмешательства в сирийский кризис, не получили объяснения в отечественном востоковедении. С учетом исключительного характера сирийского кризиса изучение мотивов и политики ИРИ в Сирии и Ираке в кризисных условиях может дать представление о новой поведенческой модели Ирана на Ближнем Востоке. Исследование феномена ирано-сирийского альянса, анализ его сущностного содержания способствует более глубокому пониманию арабо-иранской политической перспективы в регионе. Изучение причин и мотивов Ирана, определивших его решение о вооруженной интервенции в третьи страны, может помочь спрогнозировать поведение ИРИ с учетом складывающейся ситуации не только на Ближнем и Среднем Востоке, но и в Средней Азии и Закавказье. Анализ эволюции феномена иранской модели государственного устройства в условиях кризиса в САР облегчает вычисление алгоритмов иранской политики в регионе. В монографии обоснованы выводы о причинах и характере эволюции внешней политики ИРИ в условиях борьбы за Ближний Восток. Выявлены и обоснованы мотивы и особенности иранского вооруженного участия в САР и в Ираке в условиях сирийского кризиса. Работа В. М. Ахмедова отличается новизной, использованием широкого круга источников на русском, английском, французском, арабском и персидском языках. Монография имеет практическую значимость для российских внешнеполитических ведомств и может быть использована в курсе лекций по востоковедной проблематике.

Республики Иран: особенности и возможности трансформации // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11, № 3; Кулагина Л., Ахмедов В. Новые тенденции в ирано-сирийских отношениях // Иран: история и современность. М., 2014; Юртаев В. И., Краснов К. Г. Внешняя политика Ирана на Ближнем Востоке и американская стратегия «системного сдерживания». // Вестник РУДН. Сер.: Международные отношения. 2016. Т. 16, № 4; Кулагина Л. М. Ахмедов В. М. Основные направления политики ИРИ в арабских странах Ближнего Востока (1990-е — начало 2020-х гг.) ИВ РАН. М.: 2021.

Глава I

Ирано-сирийский альянс и кризис в САР

История арабо-иранских отношений насчитывает несколько тысячелетий и знала немало примеров взаимовыгодных связей и конструктивного сотрудничества. Современный характер арабо-иранского взаимодействия отмечен заметным ростом напряженности и усилением обоюдной враждебности. На протяжении последних десятилетий отношения между САР и ИРИ носят дружественный и партнерский характер. С этой точки зрения сирийско-иранский альянс представляет исключение из общей картины арабо-иранского взаимодействия в регионе на рубеже столетий. Исследование феномена ирано-сирийского альянса, анализ его сущностного содержания может способствовать более глубокому пониманию арабо-иранской политической перспективы на Ближнем Востоке.

§ 1. ИРАНО-СИРИЙСКИЙ ФЕНОМЕН: ХРОНИКИ НЕТИПИЧНОГО АЛЬЯНСА

История сирийско-иранского сотрудничества насчитывает более 50 лет. В основе сирийско-иранского альянса лежала общность позиций по ключевым проблемам Ближнего Востока. Несмотря на внутривнутриполитические трансформации в обеих странах и изменение обстановки вокруг них, отношения между Дамаском и Тегераном крепили и при-

обретали партнерский, дружественный характер. Они базировались на основе общих интересов в деле обеспечения собственной безопасности и стабильного развития в сложных военных и политических условиях на Ближнем Востоке. После обретения Дамаском политической независимости Иран в 1945 г. открыл свое консульство в сирийской столице и установил дипломатические отношения с Сирией. В 1950-х годах Сирия переживала период внутренней нестабильности, череду военных переворотов, частую смену правительств. Дамаск не играл самостоятельной роли в региональной политике, а был объектом борьбы за влияние между Каиром и Багдадом. Теории арабского национализма, панарабизма и партикулярного национализма имели в Сирии сильные и устойчивые позиции. Отчасти это было связано с тем, что в результате колониального передела Леванта Сирия лишилась части своих территорий в Ливане и Трансиордании. Многие сирийские политики считали, что Дамаск может полноценно существовать только в прежних территориальных границах «Биляд аш-Шам» («Великой Сирии»). Сирия была центром арабского мира и родиной арабского национализма. Дамаск разделял арабские националистические настроения в отношении Ирана. Идеи арабского национального движения служили мощным стимулом для укрепления региональной роли Сирии. Дамаск поддерживал арабские требования в отношении Хузистана, Бахрейна, переименования Персидского залива. Сирия рассматривала политику Ирана на Ближнем Востоке как преграду на пути к арабскому единству. Образование ОАР в 1958 г. в составе Египта и Сирии вызвало обеспокоенность Тегерана. Иран квалифицировал этот шаг как изменение баланса сил в интересах радикальных арабских режимов. Приход к власти в САР в марте 1963 г. партии Арабского социалистического возрождения (Баас), ее идеологические и политические установки были настороженно восприняты в шахском Иране¹. Изменение ситуации на Ближнем Востоке в 1970-х годах создало определенные предпосылки для некоторого сближения Дамаска с Те-

¹ См.: Picard E. Lebanon: A Shattered Country, Myths and Realities of the Wars in Lebanon. New York: Holmes & Meir, 1996.

гераном. Арабо-израильская война 1973 г. окончилась для Сирии поражением и утратой части национальной территории. В результате острых идеологических и политических разногласий в партии Баас, которая стояла у власти в Сирии и Ираке, осложнились отношения между Дамаском и Багдадом. В ноябре 1970 г. к власти в Сирии пришел Хафез аль-Асад, который был представителем алавитской общины САР. Тегеран активизировал свою политику в отношении Дамаска. Важным фактором налаживания отношений с Дамаском стал пересмотр шахом внешней политики Ирана на Ближнем Востоке. Основной целью иранской политики в Сирии являлось сдерживание политических амбиций арабских радикалов и Израиля¹. Ирано-сирийские отношения развивались в различных областях экономики и в политической сфере. В 1972 г. Иран принял участие в Международной торговой выставке в Дамаске. В Тегеране проходили лечение несколько десятков сирийских военных, пострадавших во время войны с Израилем. Иран предоставил 150 млн долл. США в виде кредита Дамаску. Летом 1974 г. министр иностранных дел Ирана посетил Дамаск. Одновременно министр иностранных дел САР А. Х. Хаддам совершил визит в Тегеран. В мае 1974 г. министр экономики и финансов САР посетил Иран. Стороны договорились создать ряд совместных предприятий. Иран пообещал оказать Сирии технико-экономическую помощь. В декабре 1975 г. сирийский президент Х. аль-Асад посетил Иран. Шах поддержал сделанное Х. аль-Асадом заявление о необходимости возвращения Израилем оккупированных арабских земель. Во второй половине 1970-х годов ирано-сирийские отношения пережили ряд трудностей. В 1979 г. Египет подписал мирный договор с Израилем. Иран поддержал АРЕ и сохранил контакты с Израилем. В 1975 г. Иран и Ирак подписали Алжирские соглашения и таким образом окончательно решили проблему тальвега в Шатт эль-Араб. Дамаск раскритиковал действия Багдада, назвав их уступкой за счет арабских земель. К моменту исламской революции в Иране отношения между Дамаском и Тегераном носили весьма прохладный харак-

¹ The Scope for Wider relations with Syria // Keyhan International. 28.12.1975.

тер¹. Дамаск и Тегеран были разочарованы позицией друг друга. Дамаск поддерживал ряд иранских оппозиционеров. Садек Готбзаде, который стал после исламской революции министром иностранных дел ИРИ, нашел убежище в Сирии и мог путешествовать по сирийскому паспорту. За несколько месяцев до исламской революции в Иране сирийский режим установил связи с будущим духовным лидером ИРИ, а в дальнейшем официальный Дамаск поддержал Исламскую Республику. Сирия рассчитывала, что перемены в Иране помогут укрепить созданный Дамаском фронт стойкости и противодействия политике США и Израиля на Ближнем Востоке. Сирийский режим надеялся, что Иран сможет сыграть стабилизирующую роль в отношениях САР с АРЕ и сдержать растущую мощь Ирака². Государственное устройство Сирии и Ирана характеризовалось заметными отличиями в политическом и идеологическом плане. В САР государственная идеология носила в основном светский характер. В Иране было создано религиозное государство, в основе которого лежал ислам. Казалось, что подобные различия практически исключали возможность долговременного союза. В практическом плане отмеченные факторы носили во многом внешний, поверхностный, характер. Сирия и Иран были идеологическими государствами. В САР алавитское меньшинство (10% населения) управляло суннитским большинством. Созданный в САР механизм управления носил конфессиональный характер. Он регулировался выстроенной Х. аль-Асадом системой сдержек и противовесов, призванной замаскировать религиозные противоречия в обществе. В Иране действовала разветвленная политическая система управления, которая включала в себя различные государственные институты, парламент, правительство, общественные организации. В обеих странах эти инструменты управления носили во многом фасадный характер. Реальная власть была сосредоточена в руках алавитского меньшинства, шиитского духовенства, армии и служб безопасности. Созданная Х. аль-Асадом

1 Scheller B. The Wisdom of Assad's Waiting Game. London: Hurst & Company, 2013.

2 Кулагина Л. М. Общая оценка внешней политики ИРИ. Иранская революция 1978–1979 гг. Причины и уроки / отв. ред. А. З. Арабаджян. М., 1989.

политическая система и ее основные институты в значительной степени соответствовали интересам основных групп сирийского населения¹. Она обеспечивала широкую общественную базу поддержки режима и социальный мир в стране². Механизм управления отражал сирийские реалии, которые сложились на рубеже 1970–1980-х годов и практически не менялись в течение последующих трех десятилетий. После прихода к власти в ноябре 1970 г. Х. аль-Асада алавитская элита фактически правит Сирией³. Верования алавитов сильно отличались от ортодоксального ислама и классического шиизма. После прихода к управлению САР сирийские алавиты испытывали определенные сложности с легитимацией своей власти на исламской основе. Этим воспользовались Иран и шиитское духовенство, которое обеспечило алавитами религиозную легитимацию. Одним из первых в деле шиитизации алавитов был имам М. аль-Садр⁴. В 1980 г. он издал фетву, где причислил алавитов к шиитам⁵. После исламской революции Иран превратился в активный фактор арабской политики. Сирийско-иранские отношения приобрели новое измерение. Религиозная общность правящего сирийского меньшинства служила одним из ключевых факторов сближения САР с ИРИ. Будучи властным меньшинством в религиозном отношении, сирийский режим всегда внимательно относился к государствам, близким ему в конфессиональном плане. Иран был единственной региональной шиитской державой в подавляющем суннитском окружении. Тегеран проявлял повышенное внимание к государствам, где у власти стояли режимы, близкие ИРИ в конфессиональном отношении. Переломным моментом в сирийско-иранских отношениях стала занятая Дамаском по-

¹ Hinnebusch R. A. Asads Syria and the New World Order: The struggle for regime survival // Middle East Policy, 1995.

² Volker Perthes. The Political Economy of Syria under Asad. L., 1997.

³ Middle East Intelligence Bulletin (MEIB), 2000. V. 2, № 6, july; V. 2, № 7, august.

⁴ Муса Садр — имам ливанских шиитов, родственник по материнской линии аятоллы Хомейни, дядя бывшего заместителя министра иностранных дел ИРИ Мухаммеда Садра. Пропал, по некоторым данным, во время пребывания в Ливии в 1979 г.

⁵ Goodarzi J. Syria and Iran. London: I. B. Tauris, 2009.

зация в ирано-иракской войне 1980–1988 гг. Решение Дамаска поддержать Иран в войне с Ираком на долгие годы вперед определило характер ирано-сирийских отношений. Сирийский президент закрыл сирийскую границу с Ираком в интересах ИРИ¹. Позиция САР показывала, что С. Хусейн не пользуется поддержкой всех арабских стран. Тем самым ставились под сомнение попытки некоторых арабских политиков позиционировать ирано-иракский конфликт как арабо-персидскую войну. За решением Дамаска стояли прагматичные соображения и четкие политические расчеты. В это время сирийский режим столкнулся с мятежом «Братьев-мусульман», который поддерживал Ирак. С. Хусейн оказывал помощь антисирийским силам в Ливане. Ирано-иракская война давала возможность сирийскому режиму справиться с суннитским сопротивлением в лице «братьев», лишив их поддержки извне. Президент САР опасался, что в случае победы Ирака С. Хусейн может стать самым влиятельным арабским лидером и захочет свести старые счеты с Х. аль-Асадом. Поддержка Дамаском Ирана принесла Сирии финансовую выгоду. Дамаск стал получать нефть из Ирана на безвозмездной основе. Одновременно Сирия пользовалась финансовой поддержкой арабских монархий Персидского залива. Ряд арабских монархий рассчитывали на посредничество Сирии в налаживании контактов с Ираном. Арабские монархии Персидского залива не хотели углубления сирийско-иранских отношений, в которых Дамаск играл бы зависимую роль. В период президентства в САР Х. аль-Асада политика Ирана в САР умело регулировалась и контролировалась сирийским руководством. Дамаск не хотел абсолютной победы Ирана, которая могла обеспечить Тегерану ведущие позиции на Ближнем Востоке. Это могло повредить сирийским позициям в регионе. На фоне неудач Ирака в войне с Ираном в 1982–1983 гг. встал вопрос о смене власти в Багдаде. Дамаск поддерживал кандидатуру военного-баасиста, а Иран выступал за аятоллу Бакира аль-Хакима, лидера иракских исламистов. В ноябре 1980 г. на арабском саммите в Аммане Дамаск поддержал проиракскую резолюцию. Позиция САР внесла неко-

¹ Mohsen Milani, *Why Tehran Won't Abandon Assad (ism)* // *Washington Quarterly*, 2013. Vol. 36, No. 4.

торое напряжение в отношении с ИРИ. Агрессия Израиля в Ливане 1982 г. дала Ирану предлог для усиления там своих позиций за счет размещения на ливанской территории сил Корпуса стражей исламской революции (КСИР), которые помогли в создании ливанской «Хезболлы». Х. аль-Асад пропустил через сирийскую территорию 500 офицеров КСИР, которые и создали ливанскую «Хезболлу»¹. В период правления Х. аль-Асада Дамаск контролировал деятельность Ирана и подконтрольных ему шиитских организаций в Ливане². Дамаск пытался ограничить влияние Ирана в Ливане до такого уровня, который бы не представлял угрозы интересам Сирии в этой арабской стране³. Сирийский президент хотел укрепить фронт борьбы с Израилем с ливанской территории. Долговременный эффект его политики имплементировался в беспрецедентном укреплении иранских позиций в Ливане в 2000-х годах, которые (иранские позиции) Дамаск уже не мог контролировать как прежде. События начала 1990-х годов кардинально изменили обстановку на Ближнем Востоке. Результаты окончившейся ирано-иракской войны не означали полной и безусловной победы Ирака. Однако сам факт иракского превосходства⁴ усилил региональные амбиции С. Хусейна. В августе 1990 г. Ирак напал на Кувейт. Основным мотивом служило стремление Ирака занять доминирующее положение в регионе. Кувейтский кризис стал определенным испытанием для сирийско-иранских отношений. Когда началась операция США по освобождению Кувейта («Буря в пустыне»), Дамаск увидел в этом возможность упрочить свои региональные позиции. Сирия вошла в состав антисаадамовской коалиции. В ответ Запад молчаливо согласился с особой ролью Сирии в Ливане⁵. В резуль-

¹ Milani, Mohsen Why Tehran Won't Abandon Assad(ism) // Washington Quarterly. 2013.Vol. 36, No. 4.

² Абдельхей С. Умная сила во внешней политике. Исследование инструментов внешней политики Ирана в отношении Ливана (2005–2013). Бейрут, 2014 (на араб. яз.).

³ Goodarzi J. Syria and Iran. London: I. B. Tauris, 2009.

⁴ «Иракское превосходство» было во многом обеспечено политическим нажимом США на Иран.

⁵ Тоцкая Е. П. Роль Исламской Республики Иран в региональных политических процессах // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2014. No1(2), — С. 365–369.

тате позиции сторонников жесткой линии в Иране Тегеран придерживался нейтралитета в кувейтском кризисе. Дамаск убедил Тегеран не оказывать помощь Ираку. В сентябре 1990 г. Х. аль-Асад посетил Иран. Сирийский президент зондировал возможность присоединения ИРИ к коалиции. В итоге Сирия добилась того, что Иран не стал помогать Ираку. В 1990 г. во время визита в Дамаск министра обороны ИРИ было заявлено, что Иран примет участие в модернизации сирийских вооруженных сил. Иран заручился сирийским посредничеством в налаживании отношений с Королевством Саудовская Аравия (КСА). Сирия добилась того, что Иран стал рассматриваться как вероятный участник будущей системы безопасности в Персидском заливе. После распада СССР и его фактического ухода как активного игрока с политической арены Ближнего Востока США получили возможность проводить политику глобального доминирования на Ближнем Востоке и перекройки политической карты региона в своих интересах. В 1991 г. США инициировали проведение в Мадриде мирной конференции по Ближнему Востоку с целью установления на своих условиях нового миропорядка в регионе. Х. аль-Асад обратился с посланием к американской администрации и выразил стремление поддержать американские мирные инициативы, обозначил готовность САР вступить в мирные переговоры с Израилем. Этот шаг Сирии осложнил иранскую политику в отношении Дамаска. Иран опасался, что отход Дамаска от фронта стойкости и противодействия может оставить его один на один с Западом и Израилем в борьбе за Палестину. Эта ситуация выявила ряд спорных моментов в политических отношениях Ирана и САР. По своим политическим взглядам Х. аль-Асад был типичным сирийским националистом. Он заботился исключительно об интересах своей страны. Несмотря на известный прагматизм, внешняя политика Ирана содержала достаточно сильный религиозный компонент исламской солидарности. Палестинская проблема и отношения с Израилем служили одним из важных аспектов легитимации власти внутри страны и ее внешней политики на Ближнем Востоке. Поэтому любые уступки по указанным вопросам рассматривались Тегераном как эвентуальная угроза подрыва основ правящего в Иране режима.

В условиях отсутствия прогресса на сирийско-израильских переговорах Дамаск опасался маргинализации своей политической роли в регионе. В сложившейся ситуации Сирия решила активизировать связи с Ираном. В 1997 г. Х. аль-Асад посетил Тегеран. В 1999 г. иранский президент М. Хатами прибыл с визитом в Дамаск. В 2001 г. президент САР Б. аль-Асад совершил свой первый визит в Тегеран, в ходе которого было принято решение о придании стратегического характера сотрудничеству двух стран. Бурные события внутривосточной жизни Ливана вслед за убийством в 2005 г. ливанского премьера Р. Харири привели к выводу сирийских войск из Ливана. Война «Хезболлы» с Израилем летом 2006 г. и острое внутривосточное противоборство 2008–2009 гг. заметно усилили роль этой шиитской организации в политической жизни Ливана. Тегеран начал постепенно доминировать в Ливане. «Хезболла» стала основным инструментом Ирана в реализации его политики в Леванте и сдерживании Израиля¹. После прихода к власти в Дамаске в июне 2000 г. Б. аль-Асада политика Ирана в Сирии прошла несколько этапов. До начала «Арабской весны» и событий в САР в марте 2011 г. Б. аль-Асад пытался развивать отношения с Западом и арабскими монархиями Персидского залива, не меняя характера связей с Тегераном. Запад и арабские монархии, прежде всего королевство Саудовская Аравия (КСА), обуславливали финансовую и экономическую помощь Дамаску пересмотром характера отношений с Ираном. Изменился характер отношений Сирии с Россией. Объем российской поддержки Сирии резко сократился. Иран фактически заместил собой Россию в Сирии. После свержения режима С. Хусейна в Ираке США рассматривали варианты изменения режимов в Сирии и Иране. В складывающейся обстановке Дамаск не мог лишиться поддержки Ирана. Тегеран воспользовался изменением регионального баланса сил и активизировал проникновение во все сферы жизни сирийского государства и общества. Наряду с сотрудничеством в политической сфере Тегеран активизировал торгово-экономические связи с Дамаском. Торгово-экономическое сотрудничество меж-

¹ См.: Akhbarzadeh S. Why Iran Needs Hizbullah // Muslim World. 26.02.2016.

ду Сирией и Ираном началось в 1995 г. с ноты о взаимопонимании. К середине 2000-х годов, по данным сирийского Министерства экономики и торговли, торгово-экономические связи двух стран регулировались более чем 40 отдельными договорами и соглашениями, которые определяли порядок сотрудничества сирийских и иранских организаций и компаний в различных отраслях экономики, торговле, строительстве, транспорте, связи, туризма. Дамаск и Тегеран подписали соглашения о сотрудничестве в научно-технической, административной, таможенной, финансовой сферах. Были заключены соглашения о совместной разработке и добыче нефти в Сирии, сооружении энергетических проектов¹. Широкий спектр развития экономических отношений между двумя странами стал возможным в результате экономических успехов, достигнутых в ИРИ за несколько последних десятилетий. В целях обеспечения продовольственной безопасности иранские власти уделяли много внимания развитию сельскохозяйственных производств, освоению новых посевных площадей, строительству плотин и водохранилищ. Это привело к увеличению доли сельского хозяйства в ВВП. Промышленное производство стало одним из основных секторов экономики. Особое внимание уделялось созданию собственной автомобильной промышленности и станкостроению. Тегеран заботился о развитии экспортных производств, чтобы снизить зависимость от нефти и газа в структуре иранского экспорта, которая в середине 2000 г. составляла 75%². В результате проводимых в Иране экономических реформ многие иранские товары стали конкурентоспособными. Дамаск был заинтересован в использовании некоторых иранских технологических разработок для развития собственной экономики. Иран был готов открыть свои рынки для экспорта ряда наименований сирийских товаров, что могло дать дополнительный толчок развитию местных сирийских производств. Однако товарооборот двух стран оставался весьма незначительным. Структура сирийского экспорта в Иран практически не менялась на протяжении последних десятиле-

¹ Тишрин. 12.07.2007.

² Сирийское агентство новостей. САНА. Дамаск. 19.07. 2007.

тий. Сирия ограничивалась поставками в Иран хлопка, скота, моющих препаратов, растительных масел и некоторых продуктов питания. Иранский импорт в САР был более диверсифицирован, а его состав значительно динамичнее. Иран экспортировал в Сирию широкую номенклатуру товаров, начиная от фисташек и заканчивая автомобилями. В структуре иранского экспорта была достаточно велика доля техники, разнообразного промышленного оборудования¹. Торговые отношения между Сирией и Ираном регулировались Соглашением от марта 1996 г. В ноябре 1997 г. был принят соответствующий Закон № 241. В начале 2006 г. Иран и Сирия подписали соглашение о предоставлении режима наибольшего благоприятствования в двусторонней торговле. Чтобы ускорить вступление в действие этого соглашения, во время визита сирийского премьер-министра в ИРИ в 2007 г. был подписан ряд дополнительных документов, регламентирующих двустороннюю торговлю². Несмотря на это, торговля с Ираном имела для Сирии отрицательный баланс. Иран экспортировал в САР в 2004 г. товаров на сумму в 55 млн долларов США. Сирия в ответ смогла поставить в Иран товаров на сумму около 3 млн долл. США. Сирийский импорт в Иран был на порядок меньше сирийского экспорта и составил 1% всего товарооборота САР³. По данным Министерства экономики и торговли САР, общий объем товарооборота двух стран в 2005 г. составил 100 млн долл. США. В 2006 г. этот показатель удвоился и составил 200 млн долл. США. Такой значительный рост объяснялся прежде всего увеличением размера иранских капиталовложений в сирийскую экономику и частичным осуществлением некоторых иранских проектов в Сирии. Одной из причин слабости и разбалансированности торговли двух стран служила высокая стоимость транспортных расходов. Транспортировка значительной доли товаров осуществлялась через турецкую территорию. По некоторым данным, стоимость провоза тонны товара составляла около 100 долл. США. В этой связи иранские

¹ Тишрин. 12.07.2007.

² Сирийское агентство новостей. САНА. 19. 02. 2007.

³ Nobelnews. 17–19. 07. 2007.

и сирийские специалисты изучали возможность строительства железной дороги через территорию Ирака, которая свяжет Дамаск и Тегеран и поможет удешевить накладные расходы. В канун сирийских событий отмечалось значительное оживление торгово-экономических связей между Сирией и Ираном, что было связано с укреплением двусторонних политических связей и выведением их на уровень стратегического сотрудничества. В 2006 г. САР и ИРИ заявили о планах роста товарооборота до 500 млн долл. США. Иран планировал увеличить объем капиталовложений в САР до 5 млрд долларов США к 2009 г. Для реализации этих планов была создана совместная сирийско-иранская комиссия под руководством министра экономики САР А. Лутфи и министра строительства ИРИ М. Саиди. Изучались возможности создания зон свободной торговли с Ираном. Иранская сторона добивалась упрощения процедуры заключения контрактов с сирийскими партнерами и большей прозрачности в оформлении торговой документации. Предлагалось ускорить работы по упорядочиванию взаимного налогообложения. Планировалось предоставить большую свободу частному сектору в вопросах развития торгово-экономического сотрудничества. Общий объем иранских капиталовложений в сирийскую экономику составлял в середине 2000-х годов около 1 млрд долл. Особое внимание Иран уделял инвестициям в такие отрасли сирийской экономики, как энергетика, водоснабжение, добыча нефти и газа, транспорт и связь. В 2007 г. Иран выдвинул ряд предложений по новым инвестиционным проектам в САР, которые представляли собой дополнительный шаг в расширении сирийско-иранского сотрудничества в различных областях экономики. Среди них строительство завода по производству цемента стоимостью 200 млн долл. США и производственной мощностью до 1 млн тонн цемента в год. Начались работы по сооружению двух зернохранилищ в Хасаке, в рамках проекта создания 10 зернохранилищ емкостью до 100 тыс. т каждое. Велась работа по модернизации электростанции в Баньясе стоимостью 60 млн долл. Среди новых иранских проектов строительство завода «Сиамко» по производству автомобилей стоимостью 60 млн долл. Продолжались работы по проекту сооружения ав-

тозавода в Хомсе. Готовилась техническая документация на строительство крупнейшего на Ближнем Востоке стекольного завода. Разрабатывались проекты создания в САР новых нефтеперерабатывающих производств, строительства ниток нефтепроводов из Ирана в Сирию, линий электропередач через иракскую территорию. Стоимость подписанных контрактов на выполнение проектов в энергетической сфере достигала 150 млн долл. США¹. Однако большинство этих проектов оставалось на бумаге. Тегеран не торопился ускорять выполнение проектов по ранее заключенным контрактам. Иран уделял больше внимания качеству выполняемых работ². К лету 2007 г. удалось частично завершить строительство нефтеперегонного завода в Баньясе. Общая сумма выполненных работ составила 8 млн долл. США. В ряде сирийских городов были построены электростанции на 20 млн долл. США; завершен проект орошения полей в Халебе (Алеппо) стоимостью 12 млн долл. США; построен завод по переработке масел в провинции Дамаск на сумму 7 млн долл. США; выполнен значительный объем работ по созданию трансформаторных подстанций высокого напряжения в ряде сирийских городов³. В 2007 г. Иран планировал открыть автомобильный завод «Сидико» в Хомсе стоимостью в 50 млн долл. США. Это был совместный проект частного сектора двух стран. Доля САР составляла 20%, а Ирана — 80%. Одним из важнейших проектов стоимостью в 30 млн долларов США было строительство водоканала для отвода воды из Маскене в южные районы Халеба для орошения больших сельскохозяйственных площадей. Ожидалось, что этот проект будет выполнен в течение 2008–2009 гг.⁴ Для Сирии этот проект имел особое значение в условиях перебоев с электроэнергией в северных районах страны. Дамаск был обеспокоен дефицитом собственных водных ресурсов. Подобная ситуация была связана с продолжающейся оккупацией Израилем Голанских высот и планами Турции по сооружению каскада плотин

¹ Nobelnews. 17–19. 07. 2007.

² Ibid.

³ Сирийское агентство новостей. САНА. 19.02.2007.

⁴ Там же.

в верховьях Тигра и Евфрата. Наряду с развитием торгово-экономических связей между Ираном и Сирией расширялись и двусторонние контакты в области туризма. До начала сирийских событий Сирию ежегодно посещало около 500 тыс. иранских паломников и туристов¹. Иран и Сирия развивали сотрудничество в научной сфере. Летом 2007 г. иранский министр науки и технологий М. Захеда встретился с сирийским премьер-министром Н. Отри в Дамаске. Они обсудили пути расширения научного сотрудничества, проведение совместных исследований и обмена технологиями². М. Захеда также встретился с президентом Дамасского государственного университета (ДГУ) В. Муалла и выразил готовность иранской стороны оказать помощь ДГУ во всех областях науки и технологии. М. Захеда объявил о планах создания иранского университета в САР как международного филиала Тегеранского университета, где будут преподавать иранские и сирийские ученые³. Политические и экономические отношения между Сирией и Ираном и их стратегическое сотрудничество способствовали развитию разносторонних связей между двумя государствами. Наряду с целым пакетом соглашений в торгово-экономических, культурных, научно-технических областях большое значение имела материальная и техническая поддержка Ираном военного потенциала Сирии как своего главного партнера и союзника на Ближнем Востоке. Наряду с обменом визитами на высшем уровне в 2000 г. участились контакты представителей военных ведомств. Были достигнуты соглашения по вопросу углубления военно-технического сотрудничества (ВТС) и подписан ряд соответствующих протоколов. В ответ Дамаск обещал продолжить предоставлять свою территорию в качестве транзита для поставок оружия из Ирана «Хезболле» в Ливане. Одним из важных результатов ратификации договора о совместной обороне и сотрудничестве между САР и ИРИ в ноябре 2005 г. стало создание двух совместных ра-

¹ Сирийское агентство новостей. САНА. 19.02.2007.

² Иранское агентство новостей. IRNA. 10.07.2007.

³ Сирийское агентство новостей. САНА. 19.02.2007.

диолокационных станций на севере Сирии и Голанских высотах¹. Иранские советники получили доступ к секретным разработкам ракетного вооружения САР. Иран профинансировал закупки САР 33 устаревших «МИГ-23» и запасных частей в Белоруссии, из которых на авиационном заводе в Халебе были сконструированы 24 новых самолета². В сирийско-иранском соглашении 2006 г. шла речь о финансировании Ираном сирийских закупок оружия в России, Китае, на Украине и об обучении сирийских офицеров в Иране. Сирийские ВВС смогли увеличить количество часов тренировочных полетов и заключили контракт с Россией на модернизацию 36 орудий для вертолетов «Ми-25», 24 из которых были поставлены в САР накануне событий марта 2011 г..³ Иран выразил готовность профинансировать закупку у России современных истребителей и ряда необходимых компонентов для укрепления сирийских средств ПВО. САР также заключила контракт с ИРИ о развитии системы ракетного оружия дальнего радиуса действия, обладающего возможностью поражать цели на израильской территории. В марте 2007 г. Сирию посетила военная делегация из Ирана во главе с министром обороны М. Неджаром. Во время визита был подписан протокол о военном сотрудничестве, согласно которому предполагалось предпринять дополнительные меры по развитию и укреплению сотрудничества в сфере совместной обороны и безопасности для поддержания региональной стабильности в интересах двух стран⁴. Во время визита М. Неджар заявил, что Иран готов предоставить все свои оборонительные возможности в распоряжение САР, а также окажет помощь в сфере производства вооружений и укреплении оборонительных возможностей Сирии. М. Неджар также ознакомился с военными и промышленными объектами Сирии⁵. Ми-

¹ Anthony H. Cordesman. Israel and Syria: The Military Balance and Prospects of War, CSIS. 15.08.2007. URL: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/media/csis/pubs/070815_cordesman_israel_syria.pdf (дата обращения: 04.02.2021).

² Cooper, Tom. Air Power in Decline // Key.Aero, 18.05.2017.

³ Ibid.

⁴ IRNA. 12.03.2007.

⁵ Тишрин. 13.03.2007.

нистр обороны САР Х. Туркмани подчеркнул, что отношения двух стран носят стратегический характер. Х. Туркмани отметил активное сотрудничество двух армий и укрепление их оборонительных возможностей с целью «срыва заговоров врагов, направленных на подрыв позиций Ирана и Сирии в регионе»¹. В апреле 2007 г. военная делегация Сирии провела переговоры с министром обороны ИРИ и командующим КСИР. В декабре 2006 г. на сирийской территории началось строительство базы КСИР². Делегация посетила также военные базы на территории ИРИ и ознакомилась с военными возможностями Ирана³. Действительно, Сирия и Иран были заинтересованы в укреплении двусторонних связей. Ослабление сирийско-иранского партнерства могло отрицательно сказаться на сирийско-иранских позициях на Ближнем Востоке. Дамаск и Тегеран могли бы лишиться контроля над такими организациями, как «Хезболла», «ХАМАС», «Исламский джихад», являвшимися важными факторами региональной политики САР и ИРИ. Во время визита иранского президента в САР в июле 2007 г. его сопровождала высокопоставленная военная делегация во главе с министром обороны ИРИ М. Неджаром, в состав которой входили более 20 офицеров иранского Генштаба и КСИР⁴. Во время этого визита М. Ахмединежад и Б. аль-Асад подписали протокол об укреплении стратегического сотрудничества между Ираном и Сирией. На совместной пресс-конференции М. Ахмединежад заявил, что Иран и Сирия были, есть и всегда будут союзниками и партнерами. Они представляют мощный объединенный фронт против США и Израиля, — подчеркнул иранский президент⁵. В канун сирийских событий сотрудничество между Сирией и Ираном существенно окрепло, расширилось в различных областях, включая ВТС, безопасность, экономику и научно-техническую сферу. Сирийско-иранские отношения стали важным компонентом по-

¹ Ан-Нахар. 11.03. 2007.

² Аш-Шарк Аль-Аусат. 22.12.2006.

³ IRNA. 21.04.2007.

⁴ Al-Markaziya News Agency. 23.07.2007.

⁵ Mehr. 20.07.2007.

литической ситуации на Ближнем Востоке, и без их учета вряд ли было возможно прогнозировать развитие межгосударственных отношений в регионе и перспективы создания системы безопасности на Ближнем Востоке.

2. СИРИЙСКИЙ КРИЗИС КАК ФАКТОР ИЗМЕНЕНИЯ ПОЛИТИКИ ИРАНА НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

События «Арабской весны», на волне которых возник кризис в САР, были по-разному восприняты в Дамаске и Тегеране. Новый 2011 г. Сирия встретила в относительно спокойной обстановке. Революционные события в Тунисе и Египте не могли испортить праздничное настроение правящей сирийской элите. В январе–феврале 2011 г. режим Б. аль-Асада был твердо уверен в том, что Сирия обладает особым иммунитетом против революций. Иран приветствовал революцию в Египте и Тунисе. В Тегеране полагали, что свержение недружественных арабских режимов укрепит иранские позиции на Ближнем Востоке. Иранское руководство пыталось представить революционные арабские движения как продолжение исламской революции 1979 г., чтобы подчеркнуть верность избранного властью политического курса¹. Действительно, после свержения режима Х. Мубарака в Египте Тегеран заметно улучшил свои отношения с этой крупнейшей страной арабского мира. События на Бахрейне явились для Ирана первым неприятным сюрпризом «Арабской весны»². Сирийский кризис стал тяжелым испытанием для ближневосточной политики ИРИ. После первых недель с момента начала революционных событий в САР руководители Тегерана и «Хезболлы» испытывали опасения в способности сирийского режима справиться с протестным движением. Сирийские руководители мало прислушивались к иранским советникам и экспертам «Хезболлы», которые рекомендовали спешно приступить к созданию отрядов народного ополчения для сдерживания протестных движений. В марте 2011 г. появились сообщения о том, что

¹ IraNews. 31.01.2011.

² Ramazani R.K. The Foreign Policy of Iran 1500–1941: A Developing Nation in Word Affairs. Charlottesville: University of Virginia Press, 1966.

«Хезболла» и Иран начали перемещать свое оружие со складов в Сирии, главным образом на юг Ливана. Озабоченности Ирана и «Хезболлы» подкреплялись «легкомысленным» отношением сирийской элиты к происходящему в стране¹. Правящая партия арабского социалистического возрождения (ПАСВ) проводила организационные мероприятия и готовилась к предстоящему весной 2011 г. XI съезду. В руководстве армии и спецслужб оживленно обсуждали январские указы главнокомандующего о новых назначениях, увольнениях и повышениях. Согласно отчетам МВФ, состояние национальной экономики не внушало серьезных опасений². Демонстрации протеста в Дамаске 15 марта 2011 г. не получили должной оценки властей, несмотря на развитие событий в Тунисе, Египте, Ливии, Йемене. Арестованные в ходе них граждане были вскоре отпущены. Представители власти были не склонны драматизировать события в Деръа (17–18 марта) и Латакии (25 марта), где пролилась кровь и были использованы ударные части сирийских сил правопорядка³. Сирийский президент и его гражданские советники полагали, что суррогатные реформы в социальной и экономической сфере, которые запоздали на 5–7 лет, могут погасить народные протесты. Тем более на первых этапах сирийских событий протестующие не требовали смены режима и отставки Б. аль-Асада. Сирийское правительство не уделило должного внимания проблеме сотен тысяч голодных и обездоленных сельских провинциалов, которые заволокли пригороды столичных сирийских центров. Позднее эти страты сирийского общества стали той взрывоопасной субстанцией, где разгорелся пожар гражданской войны. Характерной чертой сирийского кризиса являлся традиционный для Сирии разрыв между городскими центрами и провинцией. Провинция сыграла ключевую роль в начале сирийских событий⁴. Провинциальные центры стали источником

¹ Из бесед автора с представителями ливанской «Хезболлы». Москва, март–апрель 2011 г.

² The National. 29.12.2011.

³ Foreign Policy. 07.04.2011.

⁴ Dusen Van M. Political Integration and Regionalism in Syria // The Middle East Journal. 1972. No. 2.

сирийского кризиса, где постепенно складывались его предпосылки и формировались условия его развития. В значительной степени подобная ситуация сложилась в результате падения авторитета армии и сил безопасности в провинции среди массы населения. Сказалось так же и сложное экономическое положение, в котором оказалась Сирия накануне событий. В результате нескольких лет засухи урожаи сократились к 2010 г. Вызванное им падение доходов ударило по населению провинциальных центров. В провинции стал остро ощущаться дефицит основных продуктов питания. В итоге около 1 млн фермеров разорилось. Значительная часть населения провинций устремилась в города в поисках работы и пропитания¹. Население этих районов оказалось особенно восприимчивым к радикальным идеям. Постепенно роль «умеренного» ислама ослабевала. Население стало оценивать политику режима в отношении событий и методы решения конфликта с экстремистских позиций. Подобная ситуация стала питательной средой для распространения среди массы населения идей радикального ислама. Меры силового характера только укрепляли радикальное мировоззрение населения. Все это послужило определенного рода матрицей для распространения джихадистских идей как местного, так и иностранного происхождения. В результате национально-патриотические настроения стали все больше принимать радикальный характер, а светский компонент практически исчез, уступив место радикальным исламистским идеям. Значительная часть сирийцев, которые сражались против режима аль-Асада, не были до революции политически активны и не имели ярко выраженной идеологической и религиозной повестки. Многие испытывали серьезные трудности с самоидентификацией (в религиозно-идеологическом плане) и окончательно не определились в своих политических предпочтениях. Будучи без оружия, лишённые поддержки извне, они постепенно устремились к тем, кто одерживал победы над режимом аль-Асада, и вступали в их вооруженные отряды, тем более за весьма приличную зарплату. Тегеран был обеспокоен тем, что

¹ Akhmedov V. Syrian Crisis. Special Report. 10.04.2019. URL: <https://doc-research.org/wp-content/uploads/2019/04/DOC-expert-speaks-at-a-roundtable-on-Syria.pdf>. (дата обращения: 02.09.2021).

мирные протесты в Сирии достаточно быстро переросли в гражданскую войну, которая поставила страну на грань территориального раскола, утраты национальной идентичности и катастрофически сказалась на ситуации в Леванте¹. Лозунги свободы, плюрализма, демократии, которые отражали требования широких слоев сирийского населения, оказались выхолащены и постепенно трансформировались в религиозные призывы экстремистского характера. Это привело к подмене изначально сформулированных целей протестного движения задачами установления религиозного государства. Подобная трансформация была во многом связана с целым рядом факторов, в том числе с ростом милитаризации сирийского конфликта, слабой перспективой урегулирования кризиса политическим путем, неспособностью международного сообщества вывести мирные переговоры из тупика. Значительные жертвы среди гражданского населения, сотни тысяч погибших, миллионы беженцев, колоссальные разрушения — всё это вело к изменению мировоззрения широких масс сирийского населения. Вышедшие на передний план междоусобной борьбы религиозные, конфессиональные, этнические, земляческие аспекты в сочетании с беспрецедентной интернационализацией конфликта и активным вовлечением в него разновекторных и разновесных инациональных вооруженных формирований подорвали сложившуюся при Х. аль-Асаде сложную систему сдержек и противовесов². Сирийский кризис вывел на политическую арену новые социальные силы в стране, расколол прежде единое сирийское общество,

¹ Human Rights Council, Report of the United Nations High Commissioner for Human Rights on the Situation of Human Rights in the Syrian Arab Republic. United Nations General Assembly, A/HRC/18/53. 15.09.2011. P. 8.; Human Rights Watch, 'We Live as in War': Crackdown on Protesters in the Governorate of Homs. New York, November 2011. URL: <https://www.hrw.org/report/2011/11/11/we-live-war/crackdown-protesters-governorate-homs-syria> (дата обращения: 12.08.2021); Human Rights Watch, Attacks on Ghouta: Analysis of Alleged Use of Chemical Weapons in Syria, New York, September 2013. URL: <https://www.hrw.org/report/2013/09/10/attacks-ghouta/analysis-alleged-use-chemical-weapons-syria> (дата обращения: 12.08.2021); Human Rights Watch, World Report 2019: Syria, Events of 2018, New York, 2019. P. 554–561.

² Ахмедов В. М. Современная Сирия. История. Политика. Экономика. 2-е изд. М., 2010.

трансформировал конфессиональную карту Сирии. Сирийский социум утратил свой прежний единый характер и оказался расколотым по национальным и конфессиональным признакам. В результате гражданской войны прежняя политическая система государства и его основные институты были фактически разрушены¹. Они оказались не способны играть самостоятельную роль в управлении конфликтом². Несмотря на победные реляции официального Дамаска об успехах правительственных войск перспективы сохранения у власти режима аль-Асада внушали Ирану все меньше оптимизма. В августе 2012 г. глава Высшего совета национальной безопасности Ирана С. Джалили встретился с Б. аль-Асадом в Дамаске. В Сирию С. Джалили прибыл как личный представитель А. Хаменеи. В ходе состоявшихся бесед С. Джалили заявил, что происходящее в Сирии не является только ее внутренним делом и Исламская Республика не позволит разрушить ось исламского сопротивления. Советник А. Хаменеи А. А. Велятии охарактеризовал Сирию как «золотое кольцо» исламского сопротивления и дал ясно понять, что ИРИ отдаст все силы для спасения сирийского режима. Упомянутые выше официальные лица представляли интересы военно-клерикальной группировки в иранском руководстве и во многом отражали позицию влиятельной группы в правящей элите Ирана³. После начала сирийских событий Запад и консервативные арабские режимы потребовали смены власти в Дамаске. Турция и арабские монархии Персидского залива поддержали сирийскую оппозицию. Особую обеспокоенность Ирана вызывала активность арабских монархий Персидского залива. Саудовская Аравия и Катар открыто призывали к финансированию и вооружению сирийской оппозиции. Они допускали иностранное вторжение в Сирию с целью свержения президента Б. аль-Асада. Тегеран рассматривал Сирию как единственную арабскую страну, «противостоящую» Израилу. Дамаск отверг западные предложения о прими-

¹ См.: Volker Perthes. The Political Economy of the Syrian Succession. Survival, 2001. 43.1; Seale P. Asad of Syria. The Struggle for the Middle East. London, 1988.

² Quilliam N. Syria and the New World Order. London, 1999.

³ аль-Ахбар 22.08.2012; SANA. 07.08.2012.

рении с Израилем и решение проблемы Голанских высот за счет союза с ИРИ. САР продемонстрировала крепость союза с ИРИ¹. Египет и Иордания предприняли ряд дипломатических демаршей против режима аль-Асада через ЛАГ и стремились надавить на Совет Безопасности ООН, чтобы изменить позицию России и Китая. Сирийские события отрицательно сказывались на позициях Ирана в Ливане и Ираке. Правительство Н. аль-Малики предупредило руководство Ирана, что эскалация вооруженного конфликта в Сирии повышает вероятность вооруженной интервенции в эту страну и в конечном итоге может привести к падению в Ираке шиитской власти². В апреле 2012 г. министр иностранных дел ИРИ А. Салехи заявил, что ситуация в Сирии должна быть урегулирована «благоразумно и без иностранного вмешательства». Иран категорически отвергал любые формы иностранного вмешательства во внутренние дела Сирии³. Усилившаяся с 2012 г. борьба за Сирию в действительности отражала пролонгацию неразрешенных ближневосточных конфликтов. Их участники рассматривали внутренний кризис в Сирии как возможность изменить баланс сил в регионе, одновременно укрепив там свое влияние в рамках начавшегося процесса переформатирования Ближнего Востока. Действия противоборствующих сторон зачастую облекались в религиозную форму борьбы за веру. Это давало возможность максимально быстро мобилизовать массы населения в свою поддержку. Защита единоверцев и отпор инациональным силам была неплохим оправданием иностранного участия в вооруженном конфликте. Указанные выше обстоятельства дезориентировали и децентрализовали местные власти, раскололи как вооруженную оппозицию, так и правительственные силовые структуры, выдвинув на передовые позиции радикальных исламистов. Политическая оппозиция не сумела сплотить силы вооруженного сопротивления на единой патриотической основе и политической платформе. Силовые меры режима по подавлению восстания

¹ Hamdani, Hossein. The beginning of the Syrian crisis according to the narrative of the martyr Hossein Hamdani. 26.12.2016. URL: <https://fa.alalamtv.net/>. (на перс. яз.).

² Ас-Сияса. 11.09.2012.

³ ИТАР ТАСС. 25.04.2012.

привели к ликвидации на его ранних этапах светской оппозиции. Это дало мощный импульс к возрождению и выходу на политическую авансцену прежде загнанных режимом в провинцию религиозных организаций (салафиты-джихадисты) и появлению новых («Ан-Нусра», «ИГ»). Эти и подобные им организации разительно отличались по своим идеологическим установкам, заявленным целям и методам действий от известных исламистских организаций («Братья-мусульмане», ливанская «Хезболла», «ХА-МАС»). Прежние методы, использовавшиеся Тегераном для взаимодействия с экстремистскими организациями, оказались бесполезны в отношении «новых исламистов». «Новые исламисты» пропагандировали чуждые Ирану идеологию, мировоззрение и практиковали методы действий крайне экстремистского характера. В итоге Сирия фактически превратилась в один из центров международного терроризма. История, историческое наследие играют иногда значимую роль в определении параметров развития основных политических процессов на Ближнем Востоке. В условиях обострения региональной обстановки политические оценки происходящих событий зачастую делаются вне рамок временного континуума, а исторические реминисценции играют большую роль в принятии тех или иных решений. Часть иранского духовенства и сторонники жесткой линии в армии и госаппарате были склонны рассматривать сирийские события именно с этих позиций. В Сирии, где 75% населения исповедовали ислам суннитского толка, главной движущей силой народных восстаний были сунниты. Сирийский кризис открыл путь для их возвращения к власти, которую они сохраняли в своих руках практически без перерыва с момента возникновения халифата Омейядов в 661 г. н. э.¹ При этом изначально ислам суннитского толка содержал много элементов, которые условно можно было назвать светскими, демократическими. Вернее, он был более восприимчив к их осмыслению². Перехват власти суннитским сопротивлением в САР мог «обнулить» все прошлые достижения Ирана в Ле-

¹ Подробнее об этом периоде в истории Сирии. см.: Бартольд В. В. Работы по истории ислама и арабского халифата. М., 1966. Т. 4. С. 156–162.

² Подробнее об этом, см.: Коран / пер. и комм. И. Ю. Крачковского. М., 1963. С. 501–647.

ванте и на Ближнем Востоке в целом. Победа суннитского сопротивления в САР ставила под сомнение эффективность государственной модели, созданной в ИРИ, и была чревата дестабилизацией внутривластной ситуации в стране. У многих представителей правящей иранской элиты обострились чувства горечи и унижения в связи с развалом империи Сасанидов (VII в. н. э.) под напором арабских завоеваний, тем более что в протестном сирийском социуме сложилась принципиально новая ситуация. В мировоззрении социальных групп населения, стоявших в авангарде вооруженной борьбы, возобладало представление о правящем режиме как об «оккупационном», вступившем в преступный сговор с «сефевидами» с целью порабощения арабских народов и их подчинения инациональному господству. Первоначальные лозунги — «Ля аль-амрикийя, ва ля аль-ихванийя» («Нет американцам и “Братьям-мусульманам”»), с которыми протестующие выходили из мечетей крупных городов каждую пятницу, изменились на антииранские призывы самого непристойного характера¹. Превращение Сирии в плацдарм для террористических организаций, прежде всего «ИГ», представляло реальную угрозу иранским позициям в Ираке. Роль периферии оказала специфическое влияние на религиозные аспекты восстания, напоминавшие о бедуинском характере и сельской атрибутике. Этим объяснялось такое распространение ислама салафитского толка по сравнению со скромной ролью традиционного суфийского вероучения². Салафитские идеи расцвели прежде всего в условиях провинциальных центров. Так называемый цивилизационный ислам, присущий элитарным городским слоям — буржуазии, торговцам, интеллигенции, военным, — играл второстепенную роль в среде гражданских и военных участников вооруженного движения. Это становилось очевидным на примере весьма скромного присутствия суфийского элемента в отрядах вооруженной и гражданской оппозиции. По мере укрепления вооруженных исламистских группиро-

¹ Из бесед автора с руководящими представителями сирийской оппозиции. Москва, Берлин, Рим, Катар, 2011–2019.

² Abdurrahman al-Haj. Salafiya and salafists in Syria: from al-Islam to al-Jihad // Al-Jazeera. Special Report. 20.05.2013 (in arabic).

вок, базирующихся на принципах ислама, использующих религиозную символику и базовые установления исламского государства, стала меняться публичная риторика командиров отрядов вооруженной оппозиции. Этот поворот в сирийском кризисе сопровождался обострением конфессиональной розни между суннитами, алавитами и шиитами, с одной стороны, и национальным расколом между арабами и курдами — с другой. Одновременно усиливалось внешнее вмешательство в сирийский кризис, которое также шло по двум направлениям. Одна часть международного сообщества фактически поддерживала суннитское сопротивление, другая — активно защищала режим аль-Асада, который опирался на алавитов и внешнюю шиитскую поддержку. Природа сирийско-иранских отношений регулировалась суммой факторов и особых обстоятельств. Характер сирийско-иранского альянса определялся динамикой политических систем обеих стран, их идеологических и политических установок, мировоззрением правящих элит. Отношения между САР и ИРИ были подвержены влиянию внешних факторов в лице политики мировых держав в регионе и динамики межарабских и региональных связей. Большую роль играл фактор Израиля и политика еврейского государства в Леванте. В условиях развития сирийского кризиса опорные элементы ирано-сирийского политического конструкта подверглись критическим изменениям или вовсе исчезли. Созданные Ираном в первой декаде XXI столетия персонифицированные позиции (доверительного характера) в ключевых институтах сирийского государства, руководстве силовых структур, партийно-правительственном аппарате заметно сократились. Для защиты интересов ИРИ в Сирии и на Ближнем Востоке в целом уже было недостаточно использовать ошибки и просчеты врагов и друзей Тегерана в регионе¹. На протяжении трех десятилетий до начала сирийских событий Иран в целом преуспел в своей политике в Ближневосточном регионе. Тегеран смог укрепить сложившийся региональный баланс сил с учетом иранских интересов. Свержение режима С. Хусейна в Ираке избавило Иран от опасного соперни-

¹ Из бесед автора с официальными представителями посольства ИРИ в Москве. Москва, 2013 г.

ка в регионе. Тегеран упрочил союз с Сирией и создал сложную сеть отношений на Арабском Востоке в собственных интересах. В Ираке ИРИ опиралась на политические силы из религиозных (шиитских) партий, которые поддерживали Иран. В Ливане свою главную ставку Иран делал на «Хезболлу». Во второй половине 2000 г. организация превратилась в решающий фактор ливанской политики. Тегеран установил тесные контакты с шиитскими и иранскими общинами в арабских монархиях Персидского залива. В условиях обострения сирийского конфликта и усиления борьбы за Сирию Иран первым пришел на помощь Сирии, оказав ей финансовую и политическую поддержку. Действия ИРИ в Сирии были отчасти продиктованы соображениями внутреннего порядка, приоритетом которых служили вопросы безопасности и обретения статуса исламской ядерной державы наподобие Пакистана. С этой точки зрения Иран мог рассматривать Сирию как «козырную карту» в более крупной геополитической игре. Сирийский кризис вызвал обострение борьбы за Ближний Восток между региональными и мировыми державами. Политика этих государств мотивировалась задачами капитализации силы, соображениями национальной безопасности, возможностью переформатировать региональный баланс сил в собственных интересах. Исходя из указанных параметров, эти страны принимали решение о вооруженном вмешательстве в «слабые» ближневосточные государства. С этой точки зрения «докризисная» ближневосточная политика Ирана могла не справиться с решением задач в новой региональной ситуации. Участие Ирана на равных в начавшейся борьбе за Ближний Восток предполагало изменение его военно-политической стратегии. Речь шла прежде всего о смене ее вектора и объекта приложения усилий. Следовало также скорректировать методы и средства решения поставленных задач в интересах защиты национальной безопасности и иранских позиций в регионе. Вызванные сирийским кризисом изменения странового и регионального характера открыли иранской дипломатии и разведке новые возможности в борьбе за Ближний Восток.

Глава II

Причины и характер военной операции ИРИ в САР и Ираке

Проблема участия Ирана в сирийских событиях до сих пор не решена. Многие эксперты задаются вопросом, что послужило истинной причиной вмешательства Ирана в САР. Большинство считает, что данное решение ИРИ было продиктовано непростым характером ирано-арабских отношений, который, в свою очередь, детерминировался культурным и цивилизационным соперничеством, различиями этнического и конфессионального характера. Как показывает сегодняшняя практика международных отношений, прекращение «холодной войны» не положило конец политике с позиции силы. Подобный стереотип поведения характерен и для крупных региональных игроков, включая Иран, Турцию, Израиль и ряд арабских стран. Решение Ирана направить в САР свои войска стало для многих неожиданным и противоречило прежней военной доктрине ИРИ. Занятая Тегераном позиция в отношении сирийского конфликта кардинально отличалась от традиционной политики и действий ИРИ в регионе. После ирано-иракской войны 1980–1988 гг. Иран практически избегал прямого вооруженного участия в региональных конфликтах, тем более дислокации своих войск на территории третьих стран. Как правило, Тегеран ограничивался проведением акций точечного характера и логистической поддержкой

своих союзников на Ближнем и Среднем Востоке. Кризис в САР еще раз подтвердил стратегическую установку ИРИ на то, что Ирак является критическим фактором национальной безопасности Ирана. Обе страны имеют протяженную общую границу. Их объединяют тесные этнические и конфессиональные связи. Примечательно, что природа ирано-иракских отношений имеет свои особенные черты. Они проистекают из специфики этнического и религиозного разнообразия двух народов, истории их взаимодействия. Присутствие в Ираке значительного числа иранцев и большая шиитская община оказывали влияние на политику иракских властей в отношении Ирана. В отношениях Тегерана и Багдада вопросы определения национальной идентичности всегда играли более значимую роль, чем в политике Ирана в отношении других арабских государств¹. С учетом исключительного характера сирийского кризиса изучение мотивов и политики ИРИ в Сирии и Ираке может дать представление о новой поведенческой модели Ирана на Ближнем Востоке в обозримой перспективе.

1. ФАКТОРЫ ВООРУЖЕННОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА ИРИ в САР

В отличие от Ирака, сирийский конфликт не представлял прямую угрозу ИРИ. Кризис в САР не был результатом атак на иранскую территорию, не угрожал иранскому суверенитету и территориальной целостности. В Ираке и Афганистане, где обострение внутренней ситуации могло представлять потенциальную угрозу безопасности ИРИ, Сирия не вызвала особой обеспокоенности Тегерана с этой точки зрения². Иран не имел общей границы с САР. В рамках своей политики на Ближнем Востоке Иран рассматривал слабость внутренней государственной структуры как возможность для укрепления собственных позиций в арабских странах (Ливан, Йемен) и регионе в це-

¹ См.: Аль-Ганжа Х. Доктринальный фактор и его роль в руководстве внешней политикой Ирана в отношении Ирака 2003–2013. Амман, 2016 (на араб. яз.).

² Juneau, Thomas. Iran's Costly Intervention in Syria: A Pyrrhic Victory // *Mediterranean Politics*, 2020. Vol. 25, No. 1.

лом¹. С этой точки зрения Тегеран был заинтересован в поддержании определенного градуса внутренней напряженности в САР. Более того, Иран допускал определенную дестабилизацию внутренней ситуации в САР, что давало ему возможность укреплять свое присутствие и влияние в этой арабской стране. В начале сирийских событий Иран старался не афишировать свое участие в сирийском конфликте, опасаясь негативной реакции в иранском социуме. В широких массах иранского населения борьба ИРИ за сохранение режима аль-Асада не пользовалась особой поддержкой. За два года до начала сирийских событий в Иране произошли народные волнения, которые успешно были подавлены иранскими властями². В то же время сирийский кризис открывал новые возможности для иранской политики в регионе. Решение Ирана вмешаться в сирийские события было продиктовано рядом факторов. Несмотря на то что Иран является идеологическим государством, его решения определялись в первую очередь чисто прагматическими соображениями. Идеология служила инструментом мобилизации сторонних сил для поддержки иранского участия в сирийских событиях. Проблемы региональной и внутренней безопасности послужили мощным драйвером иранского участия в САР. Основным мотивом вмешательства ИРИ в САР стало его стремление изменить баланс сил на Ближнем Востоке в свою пользу. Вовлеченность Ирана в сирийские события была вызвана стремлением Тегерана переформатировать региональную систему безопасности в собственных интересах. Тегеран рассчитывал, что его вмешательство в САР не позволит изменить региональный баланс сил в интересах соперников ИРИ на Ближнем Востоке. ИРИ хотела укрепить свои позиции в САР, превратив ее в надежный плацдарм для своих операций в Ливане и Палестине. Фактор географии играл не последнюю роль в определении решения о вмешательстве в САР. Общая граница САР с Ираком и Ливаном обеспечивала возможность постоянного доступа к шиитским общинам указанных

¹ Juneau, Thomas. Iran's Costly Intervention in Syria: A Pyrrhic Victory // *Mediterranean Politics*, 2020. Vol. 25, No. 1.

² Worth, Robert F. and Nazila Fathi. Protests Flare in Tehran as Opposition Disputes Vote. *New York Times*. 13.06.2009. URL: <https://www.nytimes.com/>.

стран¹. Действуя с сирийских позиций, Иран минимизировал затраты на поддержку «Хезболлы» в Ливане и союзных ему организаций в Ираке. Сухопутный путь в Ирак и Ливан через сирийскую территорию расширял иранское геополитическое пространство. Иран начал военную операцию в САР в целях сохранения своих позиций в этой арабской стране. Удержание САР в орбите своего влияния означало для Тегерана наращивание стратегической глубины в регионе². В контексте иранской перспективы на Ближнем Востоке свободный доступ к сирийской территории играл важную роль в сохранении иранского влияния и поддержании регионального баланса сил на Ближнем Востоке в интересах ИРИ. Одно время Иран пытался наносить ракетные удары по израильским позициям на Голанских высотах с сирийской территории³. Если бы Тегеран смог организовать на Голанских высотах второй фронт против Тель-Авива в сочетании с возможностями «Хезболлы» на северных границах Израиля, это давало бы шанс ИРИ и ее союзникам пробить израильскую противоракетную оборону. В этом случае Израилю было бы затруднительно организовать обстрел иранской территории без угрозы для собственной безопасности. Иран рассматривал размещение своих вооруженных сил на сирийской территории как достаточно эффективное средство для сдерживания Израиля и США в регионе. Участие «Хезболлы» в сирийских событиях и возможность прямого управления организацией сыграли немалую роль в решении Тегерана вмешаться в САР. Массированное присутствие в САР шиитских милицейских формирований сняло опасения Тегерана, что в случае конфликта с Израилем и США Иран может оказаться в одиночестве⁴. Шиитские милицейские формирования, мобилизованные Ираном для борьбы

¹ Mohsen Milani. Why Tehran Won't Abandon Assad(ism) // Washington Quarterly. 2013. Vol. 36, No. 4.

² Hamdani, Hossein. The beginning of the Syrian crisis according to the narrative of the martyr Hossein Hamdani. 26.12.2016. URL: <https://fa.alalamtv.net/> (на перс. яз.).

³ См.: International Crisis Group, Golan Heights and South/West Syria. June 12.06.2019. URL: <https://www.crisisgroup.org/>.

⁴ Hubbard, Ben. Iran, Deeply Embedded in Syria, Expands 'Axis of Resistance' // New York Times, 19.02.2018.

в САР, сыграли важную роль в изменении баланса сил на Ближнем Востоке в пользу Тегерана. Иран создал и укрепил обширную сеть своей клиентуры в стратегически важных для него региональных государствах, превратив их в реальную силу против недружественных ему стран. Иран обеспечил своим сателлитам весомые позиции в ключевых институтах власти, прежде всего в армии и органах безопасности. Давние связи Ирана с алавитским режимом в САР также сыграли важную роль в принятии Тегераном решения вмешаться в сирийский конфликт. Забота о сохранении правящего в САР режима была вызвана опасениями ИРИ возможным расширением активности «Исламского Государства» («ИГ» — запрещено в РФ) в Ираке и проникновением «ИГ» на иранскую территорию. В этом плане САР и правящий режим представляли интерес для обеспечения безопасности ИРИ. Вмешательство ИРИ в САР (как и в Ирак) шло под лозунгом борьбы с терроризмом и защитой шиитских святынь. Потенциальная угроза в лице «ИГ» не играла определяющей роли в принятии ИРИ решения об участии в сирийском кризисе. В то же время опыт борьбы Ирана с «ИГ» в Ираке и САР показал, что без должного контроля и внешнего моделирования внутренняя слабость этих государств может стать потенциальной угрозой для безопасности ИРИ. Тегеран смог изменить ход событий в САР, обернув проигрышную для сирийского режима ситуацию в пользу Б. аль-Асада. Военная операция в САР позволила ИРИ создать новые шиитские милицейские формирования в регионе и укрепить свой контроль над ними¹. Реальные внешние угрозы, к отражению которых готовилась иранская армия, служили определенным стимулом вмешательства в САР. Иран хотел, чтобы его Вооруженные силы (ВС) совершенствовали свой боевой опыт в условиях вооруженного конфликта в САР. Участие в сирийском конфликте давало ИРИ уникальную возможность приобретения опыта боевых совместных операций двух абсолютно разных си-

¹ См.: Abdulrahim Raja and Faucon Benoit, Iran Moves to Cement Its Influence in Syria // Wall Street Journal, 26.03.2019; Jamal Ahmad Shuja. The Fatemiyoun Army: Reintegration into Afghan Society. Washington, D. C.: United States Institute of Peace, March 2019; Alfoneh, Ali. Using Syria as a Training Ground: The Case of the Pakistani Zeinabiyoun Brigade. Arab Gulf States Institute in Washington. 17.07.2018. URL: <https://agsiw.org/>.

ловых подразделений (КСИР — «Артеш»), которые разительно отличались по своим тактическим задачам и социальному уровню личного состава¹. Впервые после ирано-иракской войны Иран продемонстрировал в новых региональных реалиях свои возможности вести широкомасштабные военные операции за пределами национальной территории. С экономической точки зрения Сирия служила обременением для Тегерана, который тратил значительные ресурсы на поддержание сирийской экономики в интересах сохранения режима. Иран пытался компенсировать свои затраты за счет приобретения выгодных контрактов на реконструкцию САР. Участие «Хезболлы» частично снижало транспортные затраты Тегерана на поддержку организации по сухопутным и водным каналам. В целом экономические факторы играли второстепенную роль в принятии ИРИ решения об интервенции в САР. Определенное значение в принятии ИРИ решения об участии в сирийском кризисе имело историческое наследие Ирана и сохраняющийся в поколениях иранцев горький осадок от падения империи Сасанидов (224–651 гг. н. э.)² и иностранных интервенций. Несмотря на это, соображения национального престижа играли второстепенную роль в качестве мотивации иранского вторжения в Сирию. Сирийский кризис стал наиболее значимым конфликтом в новейшей истории Ирана после ирано-иракской войны. Иран вложил в сирийскую кампанию огромные средства с времен войны с Ираком. В результате поддержки сирийского режима Иран понес некоторые репутационные издержки. Укрепление позиций сирийского режима благодаря участию российских Военно-космических сил (ВКС) и борьбы с «ИГ» дало Тегерану возможность представить внутри страны и на международной арене свое участие в сирийском конфликте как поддержку легитимного режима и борьбу с международным терроризмом. Тот факт,

¹ См.: Dina Esfandiary and Ariane Tabatabai. Iran's ISIS Policy // International Affairs, 2015. Vol. 91, No. 1; Khamenei, Ali. The Selected Speeches. 25.06.2016 (на перс. яз.); Pourdasatan, Amir. Details of the presence of the Iranian army in Iraq and Syria. According Narrative of the Chief Commander of Artesh. Fararu. 21.01. 2018, URL: <https://fararu.com/fa/news/> (на перс. яз.).

² См.: Girshman R. L'Iran: Des origins a L'Islam. Paris: Payot, 1951; Jafri H. M. Origins and Early Development of Early Islam. London, 1979.

что Иран отказался от своей обычной практики логистической и советнической поддержки своих региональных союзников и направил в Сирию войска Корпуса стражей исламской революции (КСИР) и «Артеш» (регулярные войска), свидетельствовал о значимости Сирии в региональных раскладах иранской политики на Ближнем Востоке. По словам духовного лидера ИРИ А. Хаменеи, те, кто отправился в Ирак и Сирию под предлогом защиты исламских святынь от «такфиристов», на деле защищали свои города¹. В конечном итоге Иран выиграл от своего полномасштабного участия в сирийском конфликте в политическом, военном, идеологическом плане. Иран не только сохранил свои позиции в Леванте, но и заметно укрепил и расширил свое влияние в стратегическом плане на Ближнем Востоке и повысил свою значимость в международном сообществе. Иранская политика в условиях кризиса в САР сохранила стратегический характер ирано-сирийского альянса. Однако его будущее остается сегодня под вопросом. Несмотря на то что Б. аль-Асад укрепился у власти, перспективы президента на властном поприще неясны до конца, они во многом зависят от внешних факторов. В последние десятилетия Иран имел отношения не столько с Сирией, сколько с правящей алавитской элитой. Поэтому в случае ее ухода от власти позиции ИРИ в Сирии могут кардинально измениться, и не в пользу Ирана². К тому же под вопросом остается сохранение единства сирийской территории. Сегодня Сирия расколота политически на зоны влияния. В отличие от Турции, Иран после участия Военно-космических сил России (ВКС РФ) не имеет своего территориального анклава в САР. США, Израиль и Саудовская Аравия выступают против сохранения иранских позиций в Сирии. Начиная с 2018 г. Россия стала постепенно убеждать Иран изменить характер своего присутствия в Сирии. Нельзя исключать сделки между Россией, Израилем, рядом арабских монархий о будущем Сирии, в которой не будет места Ирану. Однако избавиться от иранского присутствия в Сирии и Ливане будет не так просто. В течение нескольких последних

¹ Khamenei, Ali. The Selected Speeches. 25.06.2016 (на перс. яз.).

² Кулагина Л., Ахмедов В. Новые тенденции в ирано-сирийских отношениях. Иран: история и современность. М., 2014. С. 252–257.

десятилетий Иран проводил активную политику не только в Сирии, но и в Ираке и Ливане. Тегеран внимательно следил за динамикой внутривосточной ситуации в этих странах. Особое внимание уделялось состоянию социума, развитию общественных отношений через призму этнических и конфессиональных признаков.

2. Мотивы силовой политики ИРИ в ИРАКЕ

Основными мотивами вооруженного вторжения в Ирак стали соображения национальной безопасности и геополитические факторы. Идеологические факторы играли второстепенную роль. Идеология служила инструментом мобилизации новых рекрутов для пополнения шиитских милицейских формирований в Ираке. В отличие от Сирии, в иранском руководстве не наблюдалось каких-либо разногласий в отношении участия ИРИ в Ираке. Самым сильным мотивом иранского вторжения в Ирак были опасения за свою внутреннюю безопасность и территориальную целостность, которые исходили от экстремистских организаций, действовавших на иракской территории. Начиная с 1979 г. иранская интервенция в Ирак была движима соображениями безопасности ИРИ. Иран также использовал нестабильное внутреннее положение в Ираке. Как и в случае с рядом других арабских стран, Тегеран учитывал данный фактор при принятии решения о вмешательстве во внутренние дела страны. В то же время, в отличие от САР, нестабильность в Ираке напрямую отражалась на внутренней ситуации в Иране. Поэтому, несмотря на то что иранские силы к моменту начала сирийских событий уже находились в Ираке, появление «ИГ» побудило Иран усилить свое военное присутствие в Ираке. Деятельность «ИГ» в Ираке могла привести к дезинтеграции страны, что, в свою очередь, было способно негативно сказаться на территориальной целостности самого Ирана. К тому же «ИГ» представляло потенциальную стратегическую угрозу иранской территории. Способность «ИГ» к быстрой мобилизации, стремительным атакам, захвату и удержанию значительных территорий, контролю населения, грубой силе вызывало особую обеспокоенность в Тегеране. Общая гра-

ница с Ираком и наличие больших групп населения, объединенных общими этническими и религиозными корнями, только усиливали опасения Ирана за свою территориальную целостность и внутреннюю безопасность. Исторические реминисценции также оказывали влияние на решение Тегерана вмешаться в Ирак. Подобно «ИГ» С. Хусейн также негативно относился к шиитам Ирака и рассматривал Иран наряду с США и Израилем как враждебное государство¹. Память о войне с Ираком служила одним из мотивов иранского вторжения в Ирак. Иран рассматривал юнионистские устремления иракских курдов и «Моджахедин аль-Хальк» как угрозу своей территориальной целостности и внутренней безопасности. Решение ИРИ усилить свое военное присутствие в Ираке определилось двумя «парадоксальными» факторами. Иран стремился укрепить центральную власть Багдада, чтобы он мог эффективно сохранять территориальную целостность страны². Иран был тесно связан с шиитскими милициями, которые поддерживал в борьбе с «ИГ». Иран рассчитывал создать альтернативную систему управления Ираком на случай, если действующим иракским властям не удастся удержать контроль над страной. Одновременно Иран стремился избежать в Ираке суннитского доминирования в механизме управления, чтобы обеспечить ИРИ доступ в коридоры власти Ирака³. На решение Ирана усилить свое военное присутствие в Ираке повлиял тот факт, что прежняя тактика ИРИ в противодействии террористическим организациям типа «аль-Каиды» абсолютно не работала в отношении «ИГ». Так, стремясь сдержать «аль-Каиду», Тегеран предоставлял свою территорию для отправки денежных средств и боевиков организации в третьи страны. В условиях сирийского кризиса иранский инструмент «тактического сотрудничества» с «ИГ» оказался бесполезен⁴. Иранское

¹ Murray, Williamson, Kevin Woods. The Iran-Iraq War: A Military and Strategic History, New York: Cambridge University Press, 2014.

² Arango, Tim, Iran Dominates in Iraq After U.S. 'Handed the Country Over' // New York Times. 15.07.2017. URL: <https://www.nytimes.com/>.

³ Takeyh, Ray. Iran, Israel and the Politics of Terrorism // Survival, 2006. Vol. 48, No. 4.

⁴ См.: Byman, Daniel, "Unlikely Alliance: Iran's Secretive Relationship with Al-Qaeda. IHS Defense, Risk and Security Consulting, July 2012.

вторжение в Ирак было во многом предопределено геополитическими соображениями и состоянием регионального баланса сил. Вооруженная интервенция укрепила способность ИРИ перестроить региональный баланс сил в свою пользу, превратив Ирак в своего союзника. Иран стремился утвердить свой статус как влиятельного игрока в борьбе с «ИГ», что дало бы возможность Тегерану противостоять США и выдержать бремя американских санкций. Одновременно Иран выводил Ирак из-под влияния США и Саудовской Аравии¹. С геостратегической точки зрения интервенция в Ирак обеспечивала ИРИ беспрепятственный доступ через северо-западные районы Ирака в Сирию и Ливан, где Тегеран мог поддерживать и контролировать «Хезболлу» и сдерживать Израиль. Если бы «ИГ» удалось дезинтегрировать Ирак на отдельные анклавы (суннитский, шиитский и курдский), то в этом случае динамика регионального баланса сил сложилась бы не в пользу ИРИ и вызвала региональную дестабилизацию, прежде всего в курдских районах Ирана, Сирии и Турции. Указанные перспективы подталкивали Иран к вооруженному вмешательству, чтобы не допустить развития подобного сценария и одновременно упрочить свои позиции на Ближнем Востоке². Фактор регионального баланса сил в равной мере оказывал влияние на решение Тегерана вмешаться в Ирак. Взаимодействие Тегерана с Багдадом после свержения режима С. Хусейна стало одним из мотивов иранского вооруженного вмешательства. Несмотря на то что в период с 2003 по 2010 г. Тегеран и Багдад подписали более 100 соглашений о сотрудничестве, иранская военная кампания в Ираке не обуславливалась исключительно взаимными обязательствами в соответствии с подписанными договорами³. Решение Тегерана было во многом мотивировано стремлением закрепить характер отношений с Ираком как с государством-клиентом. С самого начала кризиса в Ираке по-

¹ Iran and Iraq's military capabilities contra America. 14.03.2019. URL: <https://www.javanonline.ir/>. (на перс. яз.).

² Pollack, Kenneth M. Iran in Iraq. Washington, D. C.: Atlantic Council, December 2017.

³ Esfandiary, Dina, and Ariane Tabatabai. Iran's ISIS Policy // International Affairs. 2015. Vol. 91, No. 1.

литика Тегерана строилась в интересах укрепления иракской государственности до известных пределов. Как и в случае с Ливаном и САР, Иран не хотел допустить выхода Ирака из орбиты своего влияния и стремился сохранить статус Ирака как государства-клиента. Подобно Ливану и Сирии, утрата связи с государствами, где во власти находились шииты (или близкие к ним в религиозном плане — алавиты), означало для ИРИ утрату регионального влияния¹. Наличие в Ираке близких Ирану в конфессиональном отношении групп населения сыграло заметную роль в решении Тегерана усилить свое военное присутствие в Ираке. В первой трети 2000-х годов в Ираке проживало 20 млн шиитов, которые составляли от 60 до 75% населения страны. Ирак, таким образом, являлся вторым после Ирана крупным шиитским государством на Ближнем Востоке. В самом Иране 90–95% населения (свыше 80 млн человек) являлись шиитами². После мятежа «ИГ» в 2014 г., Иран перебросил в Ирак свои войска. В числе их приоритетных задач была защита святых мест (Неджеф и Кербела). Наличие в Ираке близких Ирану в этническом и конфессиональном плане групп населения служило важным мотивом усиления военного присутствия ИРИ в Ираке. Эти общины сыграли важную роль в планировании ИРИ своих военных операций в Ираке и других странах Ближнего Востока. Они существенно облегчили действия Ирана в этих государствах и способствовали успеху Ирана в САР. В отличие от Ирака подобные этнические и религиозные группы Сирии не имели поддержки международного сообщества. Внутренние параметры сыграли также серьезную роль в деле принятия Тегераном решения о вооруженной интервенции в Ирак и Сирию. Так, 86% иранцев считали «ИГ» угрозой Ирану, из них 63% рассматривали «ИГ»

¹ См.: Pollack, Kenneth M., *Iran in Iraq*. Washington, D. C.: Atlantic Council, December 2017.; Nima Adelkhah. *Iran's Revolutionary Guards and Iraq's Security Breakdown* // *Terrorism Monitor*, 2014. Vol. 12, No. 14, July 10.

² См.: Eisenstadt, Michael, Michael Knights, and Ahmed Ali. *Iran Influence in Iraq: Countering Tehran's Whole-of-Government Approach*. Washington, D. C.: Washington Institute for Near East Policy, April 2011. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/>.; Pew Research Center, *Mapping the Global Muslim Population: A Report on the Size and Distribution of the World's Muslim Population*. Washington, D. C., October 2009. URL: <https://www.pewforum.org/>.

как серьезную опасность для ИРИ, 85% иранцев считали, что «ИГ» представляет угрозу для всего региона, 53% иранцев заявили о высокой степени опасности «ИГ» для Ирана¹. Среди части иранского духовенства и военного истеблишмента распространялись конспирологические теории о причастности США к созданию «ИГ» с целью подорвать позиции ИРИ в Ираке и свергнуть режим аль-Асада в Сирии². Таким образом, военная операция Ирана в Ираке и Сирии как бы становилась ответом на озабоченности иранского населения. В 2016 г. когда КСИР направил в Ирак свои подразделения, около 90% населения ИРИ поддерживали действия ИРИ в защиту иракских курдов и шиитов. Несомненно, настроения в иранском социуме оказывали определенное влияние на власть и одновременно использовались ею для легитимации своих зарубежных операций. Однако определяющего влияния на принятие решений гражданское общество в Иране никогда не имело. Механизм принятия военнополитических решений в ИРИ носил сугубо закрытый характер. В его работе был задействован весьма узкий круг лиц, многие из которых не являлись публичными фигурами. Поскольку «ИГ» формировалась в период иранского присутствия в Ираке, можно предположить, что соображения национального престижа не играли решающей роли в принятии ИРИ решения об интервенции в Ирак для борьбы с организацией. Несмотря на то, что фактор этнической и конфессиональной общности влиял на принятие ИРИ решения о вооруженной интервенции, это вовсе не означало его доминирующего характера. Отношения ИРИ с шиитскими общинами не всегда складывались ровно, как показали события в Ираке и САР. Более того Иран мог успешно договариваться с суннитскими организациями типа «Исламского джихада» и «ХАМАС», преследуя чисто политические цели. Действия

¹ Zogby Research Services. Today's Middle East: Pressures and Challenges, Washington, D. C., November 2014.

² См.: Erdbrink, Thomas. For Many Iranians, the 'Evidence' Is Clear: ISIS Is an American Invention // New York Times, 10.09.2014.; Adelkhah, Nima. Iran's Revolutionary Guards and Iraq's Security Breakdown // Terrorism Monitor, 2014. Vol. 12, No. 14, July 10; Adelkhah, Nima. Iranian Intervention in Iraq Against the Islamic State: Strategy, Tactics, and Impact // Terrorism Monitor. 2015. Vol. 13, No. 2, January 23.

ИРИ в Венесуэле, Судане и на Балканах демонстрировали, что религиозный фактор служил подспорьем для иранской политики в этих государствах. Однако истинная мотивация ИРИ исходила из других соображений. С военной точки зрения значимость религиозной, культурной, языковой общности объяснялась отсутствием у ИРИ сильного военно-воздушного флота, что предполагало проведение операций силами Сухопутных и отчасти Военно-морских сил. Соображения внутренней безопасности и поддержания благоприятного регионального баланса сил также играли решающую роль при принятии Ираном решения о проведении военной операции. Иран не мог допустить быть окруженным кольцом недружественных ему государств, особенно в непосредственной близости от своих границ. Тем не менее Иран полагал, что сильные государства могут потенциально угрожать ему. Поэтому в рамках указанных параметров безопасности Иран стремился к некоторой дестабилизации внутреннего положения даже в союзных ему странах. С другой стороны, нестабильность должна была носить контролируемый характер и не превращаться в хаос, ведущий к дезинтеграции соседней Ирану страны, что угрожало территориальной целостности ИРИ. Поэтому данный фактор носил двойственный характер. Указанный баланс не всегда удавалось соблюдать с учетом бурно развивающихся региональных событий и того обстоятельства, что Иран не мог предусмотреть и проконтролировать весь ход развития военно-политических процессов в регионе. Фактор внешней угрозы как мотив начала ИРИ вооруженной операции также носил неоднозначный характер. Зачастую он открывал для ИРИ новые возможности. Таким образом, в основе принятия ИРИ решения о начале вооруженной интервенции лежали следующие группы факторов: это особый характер отношений с властями государства-реципиента иранской военной помощи, наличие групп населения, близких в этническом и религиозном отношениях, фактор внешней угрозы, способность изменить региональный баланс сил. Стоит полагать, что с учетом приобретенного в САР и Ираке опыта, который изменил иранскую военную доктрину, Иран в будущем не ограничится логистикой и советнической поддержкой своих союзников в регионе. С этой точки зре-

ния изучение причин и мотивов Ирана, определивших его решение о вооруженной интервенции в третьи страны, может отчасти способствовать прогнозированию поведения ИРИ с учетом складывающейся ситуации не только на Ближнем и Среднем Востоке, но и в Средней Азии и Закавказье.

3. Динамика иранской операции в САР и Ираке. Состав и задачи силовых структур ИРИ

Иранское участие в сирийских событиях прошло несколько этапов. После силового подавления сирийскими властями протестных движений весной 2011 г. начался первый этап иранского участия в сирийском конфликте. В этот период Тегеран ограничивался материальной и гуманитарной поддержкой сирийского правительства¹. Иранская помощь носила дискретный характер, в основном сводилась к советническим функциям. Истинный характер иранской поддержки сирийского режима в этот период не до конца ясен. Можно предположить, что поведение ИРИ в отношении своего сирийского союзника незначительно отличалось от принятой модели действий после исламской революции 1979 г.² На данной фазе развития сирийского кризиса Иран оказывал сирийскому режиму материально-техническую помощь, обеспечивал его средствами связи и некоторыми видами вооружений³. По мере развития кризиса, военных успехов сирийской оппозиции Тегеран наращивал уровень своей поддержки правящего в САР режима. В начале 2012 г. начался второй этап иранской операции в САР. Иран приступил к размещению на сирийской территории своих войсковых подразделений. В мае 2012 г. КСИР впервые публично признал факт наличия в Сирии своих боевых подразделений⁴.

¹ Tisdall, Simon, Iran Helping Syrian Regime Crack Down on Protesters, Say Diplomats. The Guardian. 08.05.2011. URL: <https://www.theguardian.com/>.

² Charbonneau, Louis. Exclusive: Iran Flouts U. N. Sanctions, Sends Arms to Syria: Panel, Reuters, May 16.05.2012. URL: <https://www.reuters.com/article/>.

³ Gordon, Michael R. Iran Supplying Syrian Military via Iraqi Airspace. New York Times. 04.09.2012. URL: <https://www.nytimes.com/>.

⁴ Black, Ian. Iran Confirms It Has Forces in Syria and Will Take Military Action If Pushed. The Guardian, September 16.09.2012. URL: <https://www.theguardian.com/>.

Первоначально КСИР составил основу иранского военного контингента. В течение 2013 г. Тегеран заметно нарастил свое военное присутствие в САР, в том числе привлек ливанскую «Хезболлу»¹. Вопрос о наращивании иранского военного присутствия в САР стал предметом непростых дебатов в кулуарах высшего военного и политического руководства Ирана. Окончательное решение о силовом участии ИРИ в сирийских событиях явилось компромиссом между военным и гражданским руководством Ирана. Президент Ирана Х. Рухани выступал за ограниченное иранское присутствие на территории САР. Он опасался возможных внутренних осложнений и проблем на переговорах по ядерной проблеме. Командующий корпусом «аль-Кодс» генерал К. Сулеймани был явным сторонником масштабированного военного участия ИРИ в сирийских событиях². В начале 2014 г. Иран направил в САР несколько сотен своих военных советников из корпуса «Аль-Кодс» — специального подразделения КСИР — под командованием генерала К. Сулеймани. В этот же период Иран поставил в САР свои ПЗРК типа «Фалак-1» и «Фалак-2»³. В Сирии на постоянной основе находилось около 70 высокопоставленных офицеров «Аль-Кодс». В их задачу входило логистическое обеспечение операций сирийской армии и сбор разведывательной информации⁴. С появлением в САР Исламского Государства («ИГ» — запрещено в РФ) и первых потерь среди иранских военных позиция Ирана изменилась⁵. В этот период началась третья фаза иранской военной интервенции в САР. Основную роль в этом процессе играли подразделения КСИР. Появление «ИГ» в САР облегчило Тегерану поиск легитимных оснований своего военного присутствия в Сирии. Для внутреннего и внешнего потребления

¹ Louis Charboneau, Exclusive: Iran Steps Up Weapons Lifeline to Assad. Reuters, 13.03.2013. URL: <https://www.reuters.com/article/>.

² Sherlock, Ruth. Iran Boosts Support to Syria. The Telegraph, February 21, 2014.

³ Saul, Jonathan, and Parisa Hafezi. Iran Boosts Military Support in Syria to Bolster Assad, Reuters, February 20, 2014. URL: <https://www.reuters.com/>.

⁴ Sherlock, Ruth. Iran Boosts Support to Syria. The Telegraph, February 21, 2014.

⁵ Sharafedin, Bozorgmehr. Death Toll Among Iran's Forces in Syrian War Passes 1,000. Reuters, November 22, 2016. URL: <https://www.reuters.com/>.

Иран использовал эвентуальную угрозу «ИГ» расширить и укрепить свое присутствие в тылу ИРИ¹. В то же время обвинения сирийского режима в использовании не конвенционных видов оружия против мирных жителей, осложняло действия ИРИ в САР². По мере развития боевых действий Иран приступил к размещению на сирийской территории части своих армейских подразделений, известных как «Артеш»³. Армейские части «Артеш» в Сирии были представлены подразделением «рейнджеров» и силами «Саберин» (отряд снайперов). Военное командование ИРИ отрицало факт полноценного участия частей «Артеш» в сирийском конфликте. Командование «Артеш» утверждало, что в Сирию были направлены представители нескольких подразделений для поддержки сил «Аль-Кодс» и других иранских военных в САР. Командующий «Артеш» Ахмед Реза Пурдастан утверждал, что бойцы «Артеш» прикомандированы к «Аль-Кодс» и действуют в тесной координации с КСИР⁴. А. Р. Пурдастан объяснял малую численность подразделений «Артеш» в САР тем, что командование не видит в «ИГ» явной угрозы для безопасности ИРИ⁵. Направление в Сирию «Артеш» имело целью дать возможность его бойцам пройти обкатку в реальных боевых условиях и повысить уровень оперативно-тактической подготовки для противодействия основному про-

¹ Zogby Research Services, *Today's Middle East: Pressures and Challenges*, Washington, D. C., November 2014.

² Almkhtar, Sarah. *Most Chemical Attacks in Syria Get Little Attention. Here Are 34 Confirmed Cases*. New York Times, April 13.04.2018. URL: <https://www.nytimes.com/>.

³ См.: Pourdasatan, Amir. *Details of the presence of the Iranian army in Iraq and Syria. According Narrative of the Chief Commander of Artesh*. Fararu. 21.01. 2018. URL: <https://fararu.com/fa/news/> (на перс. яз.); The untold story of bombing ISIS positions by army fighters. 21.09.2017. URL: <https://www.tasnimnews.com/fa/news/1396/06/30> (на перс. яз.).

⁴ *Details of the clash between the green helmets of the army and the terrorists in Aleppo. Killing 200 Takfiris*. 12.04.2016. URL: <https://www.tasnimnews.com/> (на перс. яз.); Pourdasatan, Amir. *Details of the presence of the Iranian army in Iraq and Syria. According Narrative of the Chief Commander of Artesh*. Fararu, 21.01. 2018, URL: <https://fararu.com/fa/news/> (на перс. яз.).

⁵ *Details of the clash between the green helmets of the army and the terrorists in Aleppo. Killing 200 Takfiris*. 12.04.2016. URL: <https://www.tasnimnews.com/> (на перс. яз.).

тивнику ИРИ в лице Израиля и США¹. По другим данным, армейские подразделения ИРИ численно превосходили элитные части, которые выполняли советнические функции. Иран увеличил численность подконтрольных ему шиитских милиций, прежде всего из числа боевых подразделений «Хезболлы» и других формирований. К началу 2014 г. Иран усилил свое военное присутствие в САР за счет бригад «Аль-Фатимийюн» (Афганистан) и «Аз-Зейнабийюн (Пакистан)². Участие российских ВКС в сирийском конфликте в сентябре 2015 г. обеспечило воздушную поддержку действий наземных сил ИРИ и шиитских милиций и существенно укрепило позиции сирийского режима. В сентябре 2015 г. Иран заметно увеличил свое военное присутствие в САР. В отличие от первых четырех лет сирийского конфликта боевые иранские подразделения сместили акцент в своих действиях с советнических функций в сторону ведения боевых операций. В этом же году в Сирию были направлены около 7 тыс. контрактников из «Басидж» (Силы народного ополчения) и отрядов «Фатехин» (спецподразделения «Басидж»). Одновременно в Сирии сражались тысячи бойцов шиитских милиций, подготовленных Ираном³. Иранские военные выступали за необходимость обкатки наиболее боеспособных подразделений национальных Вооруженных сил (ВС) в условиях реальных боевых действий. Они утверждали, что различные подразделения иранских ВС нуждаются в приобретении опыта совместных операций и координации действий⁴. В практическом плане расширение стратегической глубины войсковых операций иранских ВС, приобретенный в ходе их проведения опыт рассматривался Тегераном как определенная гарантия безопасности перед лицом ре-

¹ For how long Iranian army will stay in Syria? 23.04.2016. URL: <https://www.tasnimnews.com/>. (на перс. яз.).

² Clarke, Colin, and Phillip Smyth, The Implications of Iran's Expanding Shi'a Foreign Fighter Network. CTC Sentinel, 2017. Vol. 10, No. 10.

³ См.: Bassam, Laila. Assad Allies, Including Iranians, Prepare Ground Attack in Syria: Sources. Reuters, October 01.10.2015. URL: <https://www.reuters.com/>; Sam Dagher and Asa Fitch, Iran Expands Role in Syria in Conjunction with Russia's Airstrikes. Wall Street Journal, October 02.10.2015.

⁴ The untold story of bombing ISIS positions by army fighters. 21.09.2017. URL: <https://www.tasnimnews.com/> (на перс. яз.).

ального противника, особенно в случае конфликта с Израилем и США. Когда сирийский кризис приобрел характер гражданской войны, Иран стал быстро наращивать свое военное присутствие в САР¹. Ряд экспертов считают, что подобные действия ИРИ преследовали цель скорректировать структуру своих вооруженных сил и дать новому поколению иранских военных возможность приобрести опыт боевых действий в условиях реального вооруженного конфликта. Тегеран получил возможность привлечь части регулярной армии «Артеш», которые проводили совместно с КСИР боевые операции против вооруженной сирийской оппозиции и террористических организаций типа «ИГ». Усиление в последние годы позиций КСИР в иранских силовых структурах ослабило регулярные армейские подразделения «Артеш». В течение последних десятилетий иранское руководство пыталось изменить принципы военного строительства и повысить авторитет «Артеш». Однако КСИР прочно удерживал командные позиции в ВС ИРИ и имел доступ к новейшим видам вооружений². В условиях сирийского конфликта ситуация внутри иранских ВС стала меняться. По словам командующего «Артеш», сухопутные части иранской армии настаивали на своем участии в боевых действиях в САР. Согласно заявлениям иранского военного руководства, в сирийской кампании принимали участие добровольцы. Они в основном занимались советнической деятельностью³. На практике «Артеш» и КСИР совместно обучали правительственные войска в лице Сирийской Арабской Армии (САА). При этом «Артеш» действовал под контролем «аль-Кодс», который отвечал за подготовку и обучение ВС САР⁴. В 2016 г. по-

¹ Black, Ian. Iran Confirms It Has Forces in Syria and Will Take Military Action if Pushed. The Guardian, 16.09.2012. URL: <https://www.theguardian.com/>.

² Artesh and Sepah have the best level of interaction. 18.04.2018. <http://jame-jamonline.ir/online/>. (на перс. яз.).

³ Pourdasatan, Amir. Details of the presence of the Iranian army in Iraq and Syria. According Narrative of the Chief Commander of Artesh. Fararu. 21.01.2018. URL: <https://fararu.com/fa/news/> (на перс.яз.); The untold story of bombing ISIS positions by army fighters. 21.09.2017. URL: <https://www.tasnimnews.com/>. (на перс.яз.).

⁴ Pourdasatan, Amir. Details of the presence of the Iranian army in Iraq and Syria. According Narrative of the Chief Commander of Artesh. Fararu. 21.01. 2018. URL: <https://fararu.com/fa/news/> (на перс.яз.);

сле консультаций КСИР и Генерального штаба Вооруженных сил (ГШ ВС) ИРИ «Артеш» смог направить в САР специальную, 65-ю, воздушную эскадрилью¹. Авиация «Артеш» в основном занималась транспортными перевозками и не участвовала в боевых операциях². Это специфическое «досье» вооруженного участия ИРИ в сирийском конфликте затрагивало также несколько подразделений КСИР и «Басидж». КСИР направил в САР ряд своих частей. Корпус «аль-Кодс» осуществлял общее командование и мониторинг деятельности всех подразделений иранских ВС и шиитских милиций в САР. Специальное подразделение КСИР — батальон «Саберин» — также было направлено в САР. «Басидж» направил всех своих добровольцев в САР, а также получил возможность обкатать в боевых условиях свое новое подразделение «Фатехин», которое было создано в 2009–2010 гг. предположительно для подавления «Движения зеленых» в ИРИ в 2009 г.³ В целях более углубленной тренировки своих военных Иран пользовался любой возможностью. Иранские военные участвовали совместно с российскими военными и подконтрольными РФ сирийскими вооруженными отрядами в боевых операциях. Одновременно подразделения иранских ВС проводили совместные операции с шиитскими милициями «Фатимийун» и «Зейнобийун». Общее командование всеми иранскими силами и шиитскими милициями в САР осуществлял К. Сулеймани вплоть до своей гибели в январе 2020 г.⁴ Особое внимание К. Сулеймани уделял шиитским милициям, действия которых пытался контролировать, используя возможности «аль-Кодс» и КСИР в целом. Характерно, что ряд спецподразделений «Артеш» также получили возможность командования шиитскими милициями прежде

¹ Advising dispatch rangers from 65th Airborne Brigade to Syria. Ground Force Rangers settled in Syria. 16.04.2016. URL: <https://www.tasnimnews.com/>. (in Iranian).

² Pourdasatan, Amir. Details of the presence of the Iranian army in Iraq and Syria. According Narrative of the Chief Commander of Artesh. Fararu. 21.01.2018. URL: <https://fararu.com/fa/news/> (на перс. яз.).

³ Сегодня соседние Сирии государства вынуждены говорить с Ираном. Мы распространили наше победоносное влияние по всей стране. 21.10.2016. URL: <https://www.tasnimnews.com/>. (на перс. яз.).

⁴ Sardar Soleimani's appearance alongside the Fatemiyoun fighter's desert frontline in Syria. 28.03. 2018. URL: <https://www.yjc.ir/>. [на перс. яз.].

всего бригадами «Фатимийюн»¹. Отсутствие более широкого круга источников по теме участия подразделений иранских ВС осложняет получение объективной информации о характере иранского вооруженного участия в САР. В целом можно уверенно говорить об участии подразделений КСИР, «Артеш», «Басидж». Однако весьма затруднительно точно определить их общую численность, состав, характер взаимодействия и степень вовлеченности в сирийский конфликт.

4. БОРЬБА ИРИ с «Исламским Государством» в ИРАКЕ И САР

Укрепление позиций «Исламского Государства» («ИГ») в Ираке и Сирии и начало военной операции сил международной коалиции существенно изменили баланс сил на Ближнем Востоке и бросили определенный вызов политике Ирана по сохранению своего влияния в ближневосточном регионе. Тегеран не мог пройти мимо того факта, что «ИГ» пыталось распространить свое влияние за пределы Ирака и Сирии, в частности в Ливане (Триполи), Палестине (Газа), а также ряде стран Арабского Магриба². «Исламское Государство» превратилось в региональную силу в начале 2014 г. До этого времени организация прошла ряд трансформаций. Она брала начало от созданной Абу Мусаб аль-Заркави группы «Джамаат ат-Таухид ва-ль-Джихад», которая являлась иракским филиалом «аль-Каиды». В 1998 г. А. аль-Заркави установил связи с руководством «аль-Каиды». У. Бен Ладен снабдил его средствами на создание тренировочных лагерей в провинции Герат (Афганистан). Считается, что аль-Заркави выезжал в Северный Ирак через Иран. В Ираке он дал обет верности («байа») Бен Ладену после американского втор-

¹ Pourdasatan, Amir. Details of the presence of the Iranian army in Iraq and Syria. According Narrative of the Chief Commander of Artesh. Fararu. 21.01. 2018, URL: <https://fararu.com/fa/news/>(на перс. яз.);

² Akhmedov V.M. Syria Islamists versus Geneva 2 // URL: <http://www.throwwww.com/a/2ydo>; Syria-Iraq: how could be so wrong about so much? URL: <http://yallasouria.worldpress.com/>.

жения в Ирак¹. С середины 2000-х годов «ИГ» превратилось в одну из мощных террористических организаций². Жесткие действия аль-Заркави против других «джихадистов» в сочетании с его отрицательным отношением к шиитам служили предлогом постоянного раздора с «аль-Каидой»³. «ИГ» достигло пика могущества к 2007 г. Несмотря на достигнутые успехи и захват части иракской территории, «ИГ» не смогло наладить там систему управления и обеспечить защиту населения. В течение 2006–2008 гг. суннитский мятеж во главе с «ИГ» и «аль-Каидой» был подавлен и унес жизни более чем 10 тыс. бойцов⁴. «ИГ» срочно перегруппировало свои силы. Глава организации Абу Бакр аль-Багдади создал «Совет шуры», который использовал удачно сложившуюся политическую ситуацию в регионе на рубеже 2010–2011 гг. для восстановления сил организации. Вывод американских войск создал вакуум безопасности в Ираке. Это дало «ИГ» возможность частично установить контроль над провинцией аль-Анбар (Ирак). Начавшиеся в САР события обеспечили приток экстремистов в Ирак и открыли сирийско-иракскую границу. Не случайно среди высшего командного состава «ИГ» можно было встретить бывших высокопоставленных военных из армии С. Хусейна, которые переехали из Ирака в Сирию. На момент начала сирийских событий на территории Сирии (в районах «аль-Гуты») находилось, по разным оценкам, от 1 до 1,5 млн иракских беженцев, которые спасались от иностранной оккупации Ирака⁵. К середине 2011 г. А. аль-Багдади создал в Сирии «Джабхат ан-Нусра», — сирийский филиал «аль-Каиды». Растущее разочарование политикой правительства Н. аль-

¹ Zack Gold. Al-Qaeda in Iraq (AQI): An Al-Qaeda Affiliate Case Study. Arlington, Va.: CNA. October 2017, p. 4; Kirdar M. J. Al Qaeda in Iraq. Washington, D. C.: Center for Strategic and International Studies, June 2011.

² Mapping Militant Organizations. The Islamic State. Stanford University, updated June 2018. URL: <https://cisac.fsi.stanford.edu/>.

³ Wright, Lawrence, ISIS's Savage Strategy in Iraq. New Yorker, June 16, 2014. URL: <https://www.newyorker.com/news/>.

⁴ Kirdar, M. J. Al Qaeda in Iraq. Washington, D. C.: Center for Strategic and International Studies, June 2011.

⁵ Данные получены из бесед автора с сирийскими коллегами. Дамаск. Апрель–май, 2007 г.

Малики обеспечило поддержку «ИГ» частью иракского населения¹. Появление «ИГ» на границах Ирана представляло для ИРИ реальную угрозу его национальной безопасности². Иран увеличил численность своих подразделений в Ираке. Критическим моментом в эволюции «ИГ» стал захват в 2013 г. города ар-Ракья (САР). «ИГ» распространило свое влияние на восточные районы САР и западные провинции Ирака. К концу 2014 г. «ИГ» контролировало 100 тысяч км² в САР и Ираке с населением более 11 млн человек. Характерно, что общий размер территории этих стран составлял 625 тыс. км² с населением около 54 млн человек. Таким образом, «ИГ» контролировало 16–20% территории и населения двух стран. Несколько основных факторов послужили вмешательству «ИГ» в сирийские события: война, которую вел сирийский режим против суннитского сопротивления; обстановка хаоса гражданской войны, которая позволяла «ИГ» установить свое политическое и военное присутствие в населенной преимущественно суннитами Сирии. После первых трех лет вооруженной борьбы в Сирии основные институты государства оказались разрушены либо существенно ослабли. Данное обстоятельство способствовало тому, что значительные участки территории страны сделались легкой добычей различного рода экстремистских группировок. Создание мощной базы «ИГ» в Сирии к весне 2013 г. обеспечило успех этой вооруженной группировки в Ираке и явилось показателем слабости других вооруженных отрядов, сражавшихся в Сирии против Б. аль-Асада. На первых этапах, Тегеран в основном ограничивался советнической деятельностью. Иран оказывал всестороннюю поддержку курдским вооруженным отрядам и шиитским милициям типа «Асаиб Ахль аль-Хак» и «Катаиб Хезболла»³. В деятельности «ИГ» Тегеран усматривал угрозу не только его позициям в Ираке, но и нацио-

¹ McCants, William, "Who Is Islamic State Leader News, 08.03.2016. URL: <https://www.bbc.com/news/world/>.

² Esfandiari, Golnaz. IS Propaganda Increasingly Targeting Iran and Its Sunnis. Radio Free Europe/Radio Liberty, 06.06.2017. URL: <https://www.rferl.org/>.

³ Humud, Carla, Christopher Blanchard, Jeremy Sharp and Jim Zanotti. Iranian Assistance to Groups in Yemen, Iraq, Syria and the Palestinian Territories. Memorandum to Senator Mark Kirk. Washington, D. C.: Congressional Research Service, 31.07.2015.

нальной безопасности и внутренней стабильности ИРИ¹. Тегеран перебросил в Ирак несколько полков КСИР, летом 2014 г. направил туда дополнительно около 2 тыс. новых подразделений². В их задачу входила вербовка бойцов из курдов и шиитов, формирование из них милиций, их обучение и подготовка к борьбе с «ИГ». Основную роль в обеспечении интересов ИРИ в Ираке играл КСИР и лично К. Сулеймани. К. Сулеймани имел доверительные отношения с руководством курдских и шиитских общин Ирака. Основное внимание уделялось подготовке местных милиций для борьбы с «ИГ»³. Примечательно, что, несмотря на реальную угрозу «ИГ» внутренней безопасности ИРИ, иранское военное присутствие в Ираке было значительно слабее, чем в САР. В какой-то степени это объяснялось присутствием в Ираке сил международной коалиции, которая вела борьбу с «ИГ». Это давало возможность ИРИ высвободить часть сил для защиты сирийского режима. По этой же причине Иран в начале сирийских событий придерживался в Ираке общепринятой военной стратегии в отличие от САР. Иран в основном выполнял в Ираке советническую миссию. Для иранских военных было очевидно, что значительная часть национальных Вооруженных сил САР практически небоеспособна. Потери их личного состава превышали все разумные пределы. Планы сирийского режима выправить сложившуюся ситуацию за счет призыва на службу резервистов потерпели провал даже в таких лояльных режиму районах, как Тартус и Латакия (САР). Для борьбы с «ИГ» в САР Иран использовал свои возможности в ливанской «Хезболле», предпринял ряд активных военно-политических шагов, которые могли бы обеспечить сохранение позиций Ирана в Леванте при любом развитии ситуации в регионе. Одновременно Иран «запустил» в Сирии проект, в рамках которого он намеревался создать «параллельную» сирийским правительственным войскам военизированную

¹ Esfandiary, Dina, and Ariane Tabatabai // Iran's ISIS Policy. 2015. International Affairs, Vol. 91, No. 1.

² Adelkhah, Nima. Iran's Revolutionary Guards and Iraq's Security Breakdown. Terrorism Monitor. 2014. Vol. 12, No. 14.

³ Soufan, Ali, Qassem Soleimani and Iran's Unique Regional Strategy // CTC Sentinel. 2018. Vol. 11, No. 10.

структуру, состоявшую из новых специализированных вооруженных формирований. Политика ИРИ в Сирии являлась своеобразным ответом Ирана на быстрый и мощный рост «ИГ» в САР и Ираке¹. Мятеж «Исламского Государства» и взятие Мосула (Ирак) в 2014 г. заставили Тегеран начать серьезно изучать вопрос об усилении своего военного присутствия в Ираке. В 2014 г. «ИГ» сумело полностью овладеть ар-Ракьа, значительной частью Дейр аз-Зора и стратегическими участками территории Алеппо, а также установить контроль над несколькими пропускными пунктами на границе Сирии и Ирака. Летом 2014 г. организация заявила о создании халифата на оккупированных территориях. А. аль-Багдади публично провозгласил себя халифом². По разным оценкам, численность «ИГ» в Сирии в 2014 г. составляла приблизительно от 7 до 10 тыс. бойцов и имела тенденцию к стремительному росту. Организация контролировала от 30 до 40% сирийской территории. В Ираке «ИГ» смогло нанести поражение превосходящим силам иракской армии и захватило немало число современных вооружений, транспорт, средства связи, освободило из тюрем несколько тысяч своих сторонников. Под контролем «ИГ» оказались части Фалуджи, Тикрита и Рамади на западе Ирака. В целом «ИГ» контролировало в Ираке территорию сопоставимую по своим размерам с Иорданией с ее 5-миллионным населением³. Постепенно «ИГ» захватывало все большие территории и ресурсы в Сирии и Ираке, и пыталось установить там если не свое государство (в его традиционном понимании), то укрепить власть и ввести собственные порядки и нормы жизни в собственной трактовке шариата и мусульманского права. Государство, которое стремилось построить «ИГ» и которое должно было послужить реализации его планов, располагалось в стратегически значимом регионе мира. В отличие от Афганистана и Йемена, Сирия и Ирак находились в непосредственной

¹ Syrian partition // URL: http://suriyedenhaber.blogspot.ru/2014/11/readings_10.html/.

² Rubin, Alissa J. Militant Leader in Rare Appearance in Iraq. New York Times, 05.07.2014. URL: <https://www.nytimes.com/>.

³ Itani F. Losing Syria and Iraq to Jihadists. Issue in Focus. Atlantic Council, 27.06.2014.

близости к Ливану, Иордании, Саудовской Аравии, Турции, Израилю и обеспечивали доступ «джихадистам» к нефтегазовым ресурсам, оружию, криминально-финансовым сетям, через которые они могли пополнять свой личный состав, боевой арсенал и финансовые запасы. Определенную озабоченность Тегерана вызывали идеологические установки и политические планы «ИГ», в рамках которых декларировалась идея восстановления «Халифата», что находило определенную поддержку не только среди большого количества населения арабских государств, но также среди части правящей элиты Турции. Характерно, что немалая часть правящей турецкой Партии справедливости и развития (ПСР) и ее националистически настроенной оппозиции обнаруживали много общего в расчетах возможной конвертации этой идеологической «химеры» в совершенно конкретные политические шаги на основе набирающей популярность в определенных политических кругах Турции идеи «неосманизма». Естественно, подобная ситуация не могла не представлять угрозу планам Тегерана в регионе Ближнего и Среднего Востока. «ИГ» бросало вызов сложившейся на протяжении последних десятилетий системе государственности в регионе, ломая структуру национального суверенитета и размывая национальную идентичность ближневосточных государств, возникших в результате англо-французского передела османского наследства на Ближнем Востоке в первой половине XX столетия. В случае успешной реализации хотя бы части планов «ИГ» на захваченных территориях это могло представлять реальную угрозу сохранению внутренней стабильности и национального суверенитета ИРИ, в составе которого представлены различные этносы и конфессии. «Исламское Государство» сумело активно внедриться в ткань арабских протестных движений, которые в свое время поддерживал Иран, чтобы укрепить свои позиции в регионе. С другой стороны, в Сирии «ИГ» сражалось не только против режима аль-Асада, но и против Запада и поддерживаемых им сил сирийской вооруженной оппозиции. В то же время «ИГ» стремилось к свержению существующих арабских режимов в других странах, рассматривая политику их правителей в рамках своих «такфиристских» установок как несправедливую и несоответствующую нормам

«истинного» ислама. С этой точки зрения «ИГ» могло представлять потенциальную угрозу стабильности Саудовской Аравии и ряда других арабских монархий Персидского залива. С учетом складывающейся в регионе ситуации «ИГ» рассматривалось в иранском руководстве как потенциальная угроза или соперник планам Тегерана по укреплению своего идеологического и политического влияния в регионе. С другой стороны, угроза «ИГ» для арабских монархий Персидского залива и его антизападные настроения импонировали некоторым сторонникам жесткой линии в руководстве ИРИ. Они рассчитывали использовать борьбу с «ИГ» в диалоге с Западом по ядерному вопросу, а также вынудить США признать Тегеран частью вновь создающейся системы региональной безопасности на Ближнем Востоке. В этой связи нельзя было исключать того, что при определенных изменениях политической конъюнктуры в регионе «ИГ» могло начать рассматриваться в Тегеране не только в качестве соперника, но и как временный «попутчик» для использования в реализации своих стратегических планов на Ближнем Востоке. Однако достаточно быстро в иранском руководстве поняли, что договариваться с «ИГ» бесперспективно. После мятежа «ИГ» Тегеран нанес несколько авиационных ударов по позициям организации¹. В Ираке Иран в основном использовал ракетное вооружение и БПЛА. Позднее Тегеран применял подобную тактику и в САР. В отличие от Сирии, где состояние внутренней нестабильности не сильно беспокоило Иран, ситуация с Ираком носила принципиально иное измерение с точки зрения безопасности ИРИ. Поэтому если в Сирии Иран сражался с «ИГ», чтобы сдержать его проникновение на территорию Ирака, то в Ираке Тегеран вел борьбу с «ИГ» до его полного уничтожения². В 2016 г. Министерство безопасности и разведки ИРИ обнародовало планы «ИГ» нанести террористические атаки по 50 объектам на иранской территории, используя для этого около 100 кг взрывчатых веществ³.

¹ Bombing ISIS in Iraq and Syria with army drones. 21.11.2018. URL: [https://www.tabnak.ir/](https://www.tabnak.ir/>(на иран.яз.))(на иран.яз.)

² Khamenei, Ali. The Selected Speeches. 25.06.2016. (на перс.яз.).

³ Iran Raids Takfiri Lair in Tehran. Press TV, June 22, 2016. URL: <http://www.presstv.com/Detail/>.

Иран также сорвал планы «ИГ» мобилизовать курдских боевиков для диверсий на иранской территории. Атака «ИГ» летом 2017 г. на здание парламента ИРИ и мавзолей аятоллы Хомейни побудила Тегеран нанести по позициям организации несколько авиационных ударов¹. После успешных атак «ИГ» на иранские объекты внутри страны решение Тегерана вторгнуться в Ирак только окрепло². Некоторые эксперты полагали, что угроза «ИГ» для безопасности ИРИ была несколько преувеличена. К тому же Иран часто использовал борьбу с терроризмом как предлог для вторжения на чужую территорию. Действия международной коалиции облегчили Ирану задачу в укреплении своего влияния в Ираке и борьбе с «ИГ». Ирану оставалось использовать часть своих сухопутных войск и шиитских милиций для решения поставленных задач. К тому же такая тактика позволяла Ирану позиционировать себя как независимую региональную державу, которая поддерживает местное сопротивление (в основном из шиитских милиций). На практике К. Сулеймани, который руководил всей операцией Ирана в Ираке и Сирии, смог с большей эффективностью добиться поставленных задач, чем некоторые члены международной коалиции. В итоге Иран остановил атаки «ИГ» против своих объектов, в то время как организация продолжала наносить удары по контингентам западных сил в Ираке и сражаться в Сирии. Иными словами, Иран выиграл информационную войну в борьбе с международным терроризмом в лице «ИГ»³. Иран послал мощный сигнал региональным державам, что в отличие от арабских монархий Персидского залива он в одиночку способен добиваться поставленных целей, обеспечивать собственную безопасность и поддерживать региональный «статус-кво». В то же время, до начала антитеррористической операции в САР российских ВКС ни силы международной коалиции, ни режим аль-Асада, ни Иран не смогли нанести решающе-

¹ Tabatabai, Ariane M. ISIS Hits Iran: Terror Comes to the Islamic Republic. Foreign Affairs, 04.07.2017.

² Erdbrink, Thomas, and Mujib Mashal. At Least 12 Killed in Pair of Terrorist Attacks in Iran. New York Times, 07.06.2017. URL: <https://www.nytimes.com/>.

³ How far is ISIS from Iran's borders? Map and pictures. 30.03.2016. URL: <https://www.yjc.ir/>. (на перс.яз.).

го поражения «ИГ». С 2015 г. «ИГ» стало постепенно терять контроль над захваченными территориями¹. После ослабления угрозы «ИГ» в 2018 г. и выхода США из ядерной сделки с ИРИ Иран вновь переключил основное внимание на противодействие американским войскам в Ираке. В самой Сирии в 2022 г. отмечалась некоторая дестабилизация ситуации в провинциях Дейр эз-Зор, Ракъа, в приграничных с Иорданией пустынных районах. Это было связано в первую очередь с активизацией там деятельности «Исламского Государства». В 20-х числах июня 2022 г. на интернет-ресурсах, близких к «ИГ», появилась информация об успешных атаках организации на подразделения Сирийской Арабской Армии (САА), ее 5-го корпуса, бригад «ан-Нимр», Сирийских Демократических Сил (СДС). По тем же данным, «джихадисты» использовали ракетное вооружение типа ПРУ и ПЗРУ. Боевики «ИГ» устраивали засады на официальных гражданских представителей сирийского режима. В ходе операции «ИГ» в провинции ар-Ракъа было убито более 10 гражданских лиц. Несмотря на серьезные потери, «ИГ» сумело сохранить часть позиций, демонстрирует способность к выживанию и восстановлению сил. «ИГ» использует тактику мобильных групп и действует в основном в горных и пустынных районах страны, не представляя серьезной угрозы правящему в САР режиму. Тем не менее сам факт деятельности этой террористической организации, показывает, что силам международной коалиции не удалось полностью покончить с «ИГ». Учитывая прежний опыт деятельности «ИГ» в САР и Ираке, сохраняется эвентуальная угроза попыток «ИГ» восстановить свои утраченные позиции в случае развития неблагоприятных тенденций в Сирии. Как показывает практика борьбы с «ИГ», никто до конца не знает потенциал этой организации, истинные источники ее подпитки и мотивы ее спонсоров².

¹ Jones, Seth G., James Dobbins, Daniel Byman, Christopher S. Chivvis, Ben Connable, Jeffrey Martini, Eric Robinson, and Nathan Chandler, *Rolling Back the Islamic State*, Santa Monica, Calif.: RAND Corporation, RR-1912, 2017. URL: <https://www.rand.org/>.

² Иссам, В. Откуда «ИГ» осуществляет операции в Сирии? 23.06.2022. URL: <https://www.alquds.co.uk/> (на араб. яз.).

Глава III

Специфика взаимодействия Тегерана с Дамаском и Багдадом в кризисных условиях

Решение Тегерана о вмешательстве во внутренние дела той или иной страны, уровень и характер иранской вовлеченности определялось рядом факторов. Особый характер отношений с правящим режимом и лояльность его представителей политике ИРИ в регионе служили важным элементом механизма принятия решений. Этническая и религиозная общность являлась другим важным мотивом иранского вмешательства. В регионе было не так много стран с лояльными Тегерану режимами и близким Ирану в этническом отношении населением. В то же время во многих арабских государствах проживали конфессиональные сообщества, разделявшие религиозную доктрину Ирана. Указанные факторы предполагали наличие специфической социальной среды в этих странах, их особый характер отношений с другими региональными государствами, занимали важное место в региональной политике Тегерана. Обычно Тегеран ограничивался направлением в эти страны советнических миссий, избегая вооруженной интервенции, если это не задевало напрямую интересов безопасности ИРИ. Кризис в САР, его характер и последствия меняли традиционные установки иранской политики на Ближнем Востоке. Методы и средства участия Ирана в вооруженном сирийском конфликте корректировались на каждом новом этапе сирийского кризиса. Однако матрицей иранской политики

на Ближнем Востоке по-прежнему служила политизированная версия шиизма, которая после исламской революции 1979 г. стала основой государственной идеологии и инструментом внешней политики ИРИ¹.

1. Отношения ИРИ с правящим сирийским режимом

Значимость правящего в САР режима определялась его позицией в отношении региональной роли ИРИ с момента исламской революции 1979 г. С учетом стратегического характера сирийско-иранских отношений Иран не мог допустить смены режима в САР, на который Тегеран опирался в неблагоприятном арабском окружении². С самого начала сирийских событий Иран, безусловно, поддержал сирийские власти. По мере развития конфликта и роста иранских затрат Тегеран стал рассматривать вариант сохранения САР в качестве своего регионального союзника в случае эвентуального ухода Б. аль-Асада. Вне зависимости от нахождения Б. аль-Асада у власти Сирия сама по себе представляла интерес для ИРИ в силу своей геостратегической значимости³. В условиях сирийского кризиса отношения Ирана к правящему в САР режиму неоднократно менялись и прошло несколько этапов. В начале 2011 г. Иран стремился сохранить своего единственного арабского союзника в регионе. В 2012 г., когда позиции правящего в САР режима заметно ослабли, Иран стал задаваться вопросом, стоит ли сохранение Б. аль-Асада у власти затраченных усилий. В этот период ряд представителей иранского руководства стали подыскивать альтернативу Б. аль-Асаду в интересах сохранения САР в орбите иранского влияния. В итоге Тегеран оказался в сложном положении. Иран уже понес немало издержек, поддержав Б. аль-

¹ Long D. E. US-Saudi Relations: Evolution, Current Conditions, and Future Prospects. *Mediterranean Quarterly*. Summer 2004. Vol. 15, № 3.

² We have not sold soldiers in Syria. ISIS has been formed against Iran in Syria. Iranian Students News Agency. 05.10.2016. <https://www.isna.ir/>. (на перс. яз.).

³ Thomas Juneau, *Iran's Costly Intervention in Syria: A Pyrrhic Victory* // *Mediterranean Politics*, 2020. Vol. 25, No. 1.

Асада, и не мог найти адекватную ему замену, которая была бы готова обеспечить иранские интересы в САР. Активизация «ИГ» в САР и участие ВКС РФ ознаменовали начало третьего этапа в отношениях ИРИ с правящим сирийским режимом. Несмотря на все трудности, режим выстоял и даже укрепил свои позиции. Многие государства отказались от мысли смены режима в САР и стремились восстановить с ним отношения¹. Первоначальные расчеты ИРИ на непродолжительность военной операции в САР рухнули в результате интернационализации конфликта и его перерастания в гражданскую войну. Отношение ИРИ к правящему в САР режиму определялось в первую очередь соображениями сохранения иранских позиций в САР и в регионе в целом. Тегеран также был озабочен поддержанием внутренней стабильности и обеспечением безопасности ИРИ. В этой связи, характерная для первого этапа безусловная поддержка аль-Асада претерпела определенные трансформации в контексте развития событий в САР. В 2013 г. появились данные о том, что режим якобы использует химическое оружие против мирных жителей. Это вызвало массовые протесты в большинстве стран, прежде всего США. Вашингтон официально призвал Б. аль-Асада оставить свой пост. Надежды ИРИ на быструю победу над оппозицией по типу событий в ИРИ 2009 г. быстро улетучились. Иран оказался перед лицом реальной угрозы быть втянутым в долговременный конфликт с большинством стран Ближнего Востока и ведущими странами Запада². Россия еще не приняла участие в сирийском конфликте. Иран и «Хезболла» были единственными наземными силами, которые обеспечивали поддержку режима и несли большие потери в живой силе и технике. В этот период Тегеран стремился к тому, чтобы любая замена Б. аль-Асада могла бы сохранить приоритет ирано-сирийских связей, позволить ИРИ беспрепятственно действовать на территории САР и обеспечивать поддержку ливанской

¹ Kinda Makieh. UAE Reopens Syria Embassy in Boost for Assad // Reuters, 27.12.2018.

² Mohsen Milani. Why Tehran Won't Abandon Assad(ism) // Washington Quarterly, 2013. Vol. 36, No. 4.

«Хезболлы»¹. В 2013 г. Иран и «Хезболла» приступили к созданию широкой сети шиитских милиций, основной задачей которых являлось сохранение позиций ИРИ в случае смены режима². Политика ИРИ в этот период ясно демонстрировала глубинные интересы Ирана в регионе. Тегеран, возможно, невольно показал, что для Ирана в конечном итоге важнее соображения собственной безопасности и сохранения государственного суверенитета, территориальной целостности, нежели удержание режима аль-Асада и поддержка «Хезболлы». Несмотря на это, Иран по-прежнему придерживался линии на сохранение правящего в САР режима. Одновременно в Тегеране разрабатывали варианты сохранения иранских интересов в случае смены власти в САР. По данным ряда сирийских оппозиционных источников, бывший глава Национальной коалиции сирийских революционных и оппозиционных сил (НКСРОС) М. аль-Хатыб совершил в 2014 г. визит в Иран для того, чтобы сблизить позиции Тегерана с суннитской оппозицией. Иранская сторона предложила план переходного периода, рассчитанный на два года, согласно которому Б. аль-Асад в течение двух лет остается во главе государства, после чего проводятся парламентские и муниципальные выборы, а Б. аль-Асад делегирует ряд своих властных полномочий новому премьер-министру. При этом силы режима и оппозиции в течение означенного периода продолжают удерживать контроль над принадлежащими им районами Сирии. Сам М. аль-Хатыб отрицал факт своего визита в Иран и то, что иранцы выходили на него с какими-либо предложениями по Сирии. Вряд ли иранский план можно было бы признать реалистичным. Нельзя исключать того, что иранские предложения имели скрытой целью усилить раскол в рядах сирийской оппозиции и одновременно продемонстрировать позитивное отношение Тегерана к проблеме сирийского урегулирования. Однако тот факт, что Иран мог вообще предложить подобный план сам по себе косвенно свидетельствовал, что Тегеран отдает себе

¹ Juneau, T. Iran's Costly Intervention in Syria: A Pyrrhic Victory. *Mediterranean Politics*, 2020. Vol. 25, No. 1.

² DeYoung, Karen and Warrick, Joby. Iran, Hezbollah Build Militia Networks in Syria in Event That Assad Falls, Officials Say // *Washington Post*, 10.02.2013.

отчет в том, что Б. аль-Асад самостоятельно не может обеспечить борьбу с вооруженной оппозицией даже на подконтрольных ему территориях, не говоря уже об освобожденных районах¹. В конечном итоге Иран сделал ставку на шиитские милиции, максимально увеличив их численность в САР. За образец были взяты принципы организации, характерные для сил «Басидж»². Рост числа шиитских милиций в САР позволял ИРИ несколько сократить численность своих войск и вернуться к традиционной схеме проведения военных операций. В сложившихся условиях Тегеран тщательно взвешивал свои шансы с точки зрения сохранения военного присутствия в Сирии. В Иране ясно понимали, что если Тегеран выведет свои войска из САР и режим аль-Асада падет, то ИРИ лишится надежного союзника в Леванте и утратит канал связи с «Хезболлой», Иран будет выглядеть как слабое государство и единственной наградой за поддержку сирийского режима и понесенные затраты станет унижение. Если Иран продолжит сражаться в Сирии, то вряд ли ему удастся найти такую замену Б. аль-Асаду, которая бы смогла сохранить стратегический характер двусторонних отношений. С точки зрения иранской перспективы в регионе единственным выходом было продолжить сражаться в Сирии, несмотря на затраты и неизбежные репутационные потери. Активизация «ИГ» в САР опосредованно облегчила Ирану выбор дальнейшего пути. Сама по себе эта организация не представляла прямой угрозы для безопасности ИРИ. Однако ее активность в САР потенциально угрожала позициям Ирана в Ираке. Противодействие «ИГ» в Сирии давало возможность ИРИ позиционировать себя внутри страны и за рубежом как ответственного международного партнера в борьбе с терроризмом³. В иранской пропаганде Б. аль-Асад представлял как борец с террористами. Его поражение и уход от власти означали бы победу международного терроризма и распростра-

¹ FP, 09.03.2014. URL: <http://goo.gl/OfYqmy>

² См.: DeYoung, Karen, and Joby Warrick. Iran, Hezbollah Build Militia Networks in Syria in Event That Assad Falls, Officials Say // Washington Post, 10.02.2013.

³ См.: Haddad, A. If Iran didn't fight in Iraq Syria would fall in the hands of ISIS. 23.04.2019. URL: <https://www.tasnimnews.com/>. (на перс. яз.); Iran is in serious danger. ISIS has to be controlled in Syria and Iraq. 01.06.2015. URL: <https://www.mashreghnews.ir/> (на перс. яз.).

нение хаоса во всем регионе. Данная установка постоянно муссировалась в заявлениях иранского руководства и лидеров ливанской «Хезболлы» в интересах легитимации своего присутствия в Сирии¹. В рамках этой идеологемы Иран и «Хезболла» вели борьбу с «такфиристами». Таким образом, подъем «ИГ» в Сирии сыграл в пользу Ирана. Участие российских Военно-космических сил (ВКС) в сирийском конфликте стало мощным мотивом для ИРИ в сохранении сирийского режима. Москва обеспечила сильную воздушную поддержку режима и иранских наземных операций против отрядов вооруженной оппозиции. Участие России в сирийском конфликте опосредованно способствовало выводу ИРИ из международной изоляции. Постепенно ситуация стала меняться в пользу Б. аль-Асада и ИРИ. Позиции режима вопреки ожиданиям многих экспертов (в том числе и в Иране) быстро крепились. После сражения за Мосул (Ирак) Тегеран передислоцировал часть своих войск в САР². Когда вопрос о смене режима был снят с переговорной повестки по Сирии, иранская вовлеченность в сирийский конфликт приобрела новое измерение. Тегеран сконцентрировался на вопросах участия иранских компаний в реконструкции сирийских стратегических объектов и укреплении своих позиций в САР. Во многом это было связано с кадровыми перестановками в сирийских силовых структурах, произведенных Б. аль-Асадом в 2019–2022 гг. Очевидно, что Б. аль-Асад в определенной мере зависел от Ирана. Тегеран помог ему сохранить власть и режим, при этом Б. аль-Асад имел определенную свободу действий в решении ключевых вопросов внутренней и внешней политики Сирии. Несмотря на бесконечные разговоры о его политической слабости, неспособности самостоятельно управлять страной, сирийский президент вот уже 12 лет сохраняет власть в условиях кризиса. Более того, он смог добиться победы над вооруженной и политической оппозицией, взял под контроль государства практически всю территорию страны, сохранил территориальную целостность Сирии и обе-

¹ If we did not help Syria definitely, the war would be drawn inside the country. 27.09.2017. URL: <https://www.mashreghnews.ir/news/> (на перс.яз.).

² The untold story of bombing ISIS positions by army fighters. 21.09.2017. URL: <https://www.tasnimnews.com/>. (на перс.яз.).

спечил ее частичный суверенитет. Одним из важных инструментов, которым пользуется сирийский президент в сохранении режима, являются сирийские специальные службы. В условиях кризиса большинство государственных институтов САР оказались разрушены. Однако Б. аль-Асад смог сохранить институт органов безопасности, который был тщательно отстроен его отцом. Именно специальные службы помогли сирийскому президенту удерживать бразды правления и умело играть на противоречиях региональных и международных партнеров, проводя свою линию в управлении Сирией. Другой опорой президента служила алавитская община, которой негласно руководил совет алавитских шейхов. Несмотря на то что далеко не все алавиты были согласны с политикой Б. аль-Асада, они были вынуждены поддерживать его. Как сказал один из представителей алавитского окружения президента, «...мы вынуждены его поддерживать, чтобы жить дальше и увидеть момент его ухода из власти... Такова история нашей общины и наша судьба...»¹. Как и его отец, Б. аль-Асад уделял самое пристальное внимание положению внутри сирийских спецслужб. Он регулярно проводил кадровые чистки их личного состава при малейшем подозрении на снижение градуса лояльности и личной преданности того или иного офицера, начиная с руководителей среднего звена и заканчивая высшим руководящим составом. Проведенные летом 2019 г. кадровые перемещения в высшем командном составе сирийских органов безопасности поставили в тупик многих зарубежных экспертов. Некоторые из них полагали, что сирийский президент теряет контроль над своим главным «секретным» оружием в борьбе за власть в пользу Ирана. Этим изменениям был придан характер плановых замен. Они были оформлены в виде обычных приказов по армии, которые президент традиционно издает ежегодно в январе и июле. Вопросы вызвал тот факт, что кадровые перестановки затронули наиболее значимые и боеспособные службы, в операциях которых участвовали иранские военные советники. На деле Б. аль-Асад искусно продемонстрировал, как можно с одобрения своего союзника укрепить

¹ Из бесед автора с сирийскими партнерами. Дамаск. Апрель 2001 г.; Доха. Май 2017 г.

собственные позиции в ядре сирийских спецслужб и повысить свой авторитет в ближайшем окружении. Позиции Ирана в сирийских спецслужбах являлись предметом постоянной озабоченности президента. Он испытывал законное беспокойство, что Тегеран может оказывать выгодное ему влияние на принятие решений внутри сирийских служб безопасности. Б. аль-Асад постоянно пытался снизить влияние Тегерана на сирийские спецслужбы и укрепить внутри них свой узкий круг сугубо доверенных лиц, которые верны и лояльны исключительно ему одному. В итоге генерал-майор Али Мамлюк был назначен главой Бюро национальной безопасности (БНБ) САР. А. Мамлюк — суннит, его предки — выходцы из районов Северного Кавказа. Кифах Мильхем (алавит, Тартус) возглавил Управление военной контрразведки (УВКР) ВС САР. Это две важнейшие спецслужбы САР. Руководство Разведкой ВВС САР («Джавийя») было доверено генерал-майору Гасану Исмаилу (алавит, Тартус). Традиционно во главе УВКР САР и «Джавийи» стояли алавиты. Это наиболее мощные службы САР, которые следят за порядком в ВС САР. Во главе Управления общей разведки (УОР) САР был поставлен Хусам Лука (суннит, Халеб). Одновременно, командующий элитной 25-й дивизией спецвойск, которая больше известна как «Tiger Forces», генерал Сухейл Хассан (большой друг России и Ирана) был фактически удален из ближайшего окружения президента и отстранен от механизма принятия решений. В начале 2021 г. президент поставил во главе Специального военного бюро Талала Махлюфа (алавит), а Амер аль-Хамави (алавит) возглавил личный офис Б. аль-Асада. Вместе с четырьмя указанными службами эти структуры образуют мощный «пул» поддержки президента внутри армии и органов безопасности. В некотором смысле можно было говорить об обновлении круга лояльности и личной преданности президенту внутри армии и органов безопасности САР. Руководство Департамента политической безопасности (ДПБ) МВД САР было поручено Насеру Али (суннит). На деле перестановки 2019 г. знаменовали собой завершение очередного этапа президентских усилий по созданию своего круга лояльности внутри правящего клана и органов безопасности. Дальнейшие действия Б. аль-Асада стали демонстрацией того,

как он умеет сохранять контроль над режимом за счет постепенного сокращения влияния Тегерана на внутрирежимные процессы. По оценке ряда экспертов, Б. аль-Асад опасался, что на каком-то этапе он может оказаться бесполезным для Тегерана, и его попытаются сместить с поста президента САР. Такой сценарий развития событий сегодня выглядит нереалистичным. Тегеран нуждается в Б. аль-Асаде и не имеет достаточных сил для организации переворота внутри страны. Как только произойдет нечто напоминающее попытку устранения Б. аль-Асада от власти, ответственность ляжет на Иран. Тегеран тут же лишится всех своих позиций и контрактов в Сирии. Поэтому в интересах Ирана охранять Б. аль-Асада и внимательно следить за тем, чтобы ничего подобного не произошло. Единственная опасность для Б. аль-Асада могла исходить из его ближайшего родственного, силового, алавитского окружения. Вероятно, сам Б. аль-Асад хорошо осознавал сложившуюся ситуацию и вполне был способен управлять ею. По оценке одного из высокопоставленных перебежчиков из близкого окружения президента, Б. аль-Асад планировал дальнейшие перестановки в силовом корпусе без согласования с Тегераном. Новые кадровые назначения должны были затронуть прежде всего руководство УВКР САР, «Джавийю», ряд дивизий спецвойск. УВКР САР могла стать первым объектом кадровых изменений в сирийских спецслужбах. Это единственный орган, который уполномочен контактировать с подконтрольными Ирану шиитскими милициями. В конце 2018 г. Б. аль-Асад своим приказом утвердил УВКР САР в качестве единственного куратора проиранских милиций, освободив «Джавийю» от исполнения этих функций. Президент вряд ли намеревался долго сохранять УВКР САР как влиятельного посредника в контактах с Ираном, который (УВКР САР) мог оказаться более преданным Тегерану, чем ему лично. Б. аль-Асад не испытывал ни малейших сомнений в особых способностях иранцев приобретать себе друзей в сирийских спецслужбах. Срок пребывания в должности нынешнего главы УВКР САР генерала К. Мельхема оканчивался в 2022 г. Это же касалось и главы «Джавийии» генерала Г. Исмаила. Глава УОР САР Х. Искандер был ограничен в своих полномочиях и в основном отвечал за процессы примирения и ситуа-

цию на юге Сирии. Такого рода «функционал обязанностей» уже делал его потенциальным кандидатом на увольнение как не справляющегося с решением поставленных задач (которые на деле сегодня не решаемы в принципе. — А. В.). Среди новых назначений в 2022–2023 гг. может оказаться генерал Малик Хабиб. Б. аль-Асад, возможно, хотел бы видеть его во главе так называемого отделения «Бадиа» в составе УВКР. Он хорошо зарекомендовал себя в качестве командира дивизии этого подразделения. Для режима важно установить свой контроль над районами, где расположены основные нефтегазовые поля и месторождения Сирии. К тому же в этом регионе (Дейр эз-Зор) по-прежнему сохраняются недобитые отряды «ИГ». Режим хочет продемонстрировать, что сам способен сражаться и победить «джихадистов». Новое назначение М. Хабиба с повышением в звании до генерал-майора призвано дать сигнал администрации США о готовности режима к совместным действиям в этом районе. Назначение в 2021 г. близкого соратника Б. аль-Асада Талала Махлюфа на должность главы Военного бюро в Президентском дворце имело знаковый характер. Это одна из важных позиций в силовых структурах САР. Военное бюро фактически обеспечивает принятие решений о проведении военных операций. Командовавший до этого ДРГ САР Т. Махлюф связан родственными узами с Б. аль-Асадом и его братом Махером. Назначение А. аль-Хамави на пост главы личного офиса президента было призвано показать, что Б. аль-Асад придерживается практики кадровых назначений в спецслужбах САР, меняя алавита на алавита, суннита на суннита. Произведенные и планируемые Б. аль-Асадом замены в основных спецслужбах страны свидетельствовали о сохранившейся у Б. аль-Асада логике кадровых назначений как защиты от возможных попыток переворота. Перестановки в силовом корпусе страны могли способствовать его очищению от коррумпированных и нелояльных элементов. Режим стремился продемонстрировать внутри страны и за рубежом свою способность полностью управлять сирийскими силовиками и при необходимости ограничить влияние на них внешних сил.

2. Очерк иранской политики в отношении Багдада

Иранская политика в Ираке прочно вписана в исторический контекст ирано-иракских отношений. Богатое историческое наследие и географическая близость сформировали определенную общность культурных, этнических, языковых, религиозных традиций двух стран¹. В наши дни неоднозначное отношение многих иракцев к иранскому присутствию в Ираке имеет глубокие исторические корни. После распада Османской империи и установления английского протектората над Ираком в ирано-иракских отношениях возникли определенные проблемы². В основном они были связаны с положением иранских подданных в Ираке. Периодически власти Ирака закрывали иранские школы и высылали часть иранских граждан из страны, рассматривая их как угрозу своей национальной безопасности. В 1970 г. Ирак опасался, что, воспользовавшись арабо-израильской войной 1973 г., Иран может открыть второй фронт на юге. Растущее в этот период влияние шиитского духовенства в Иране и Ираке и создание вооруженных шиитских формирований вызывало обеспокоенность Багдада. Находящийся в ссылке в Неджефе (Ирак) аятолла Хомейни оказывал большое влияние на шиитских духовных лидеров Ирака, таким как М. ас-Садр, М. аль-Бакир, М. ас-Садек. Образование исламской партии «ад-Даава» также настораживало иракские власти³. Начиная с исламской революции, Иран был активно вовлечен во внутренние дела Ирака. Действия ИРИ представляли угрозу светской идеологии баасизма и практике арабского национализма, которые лежали в основе государственного устройства Ирака и его региональной политики. Ирак, где большинство населения было представлено шиитами, проявлял беспокойство активностью Ирана, тем более что права шиитов в Ираке были некоторым образом ущемлены. С. Хусейн пытался придать

¹ См.: Marr P. The Modern History of Iraq. Boulder, CO: Westview Press, 1985.

² См.: Котлов Л. Н. Национально-освободительная борьба народов Ирака накануне восстания 1920 г. Очерки по истории арабских стран. М., 1959.

³ См.: Borzon D. Iraq Conflict Is a Battle for Identity // Los Angeles Times. 16.04.2007.

«светский» характер шиитским святыням Ирака, превратив их в музеи. В результате подобных действий и под влиянием исламского духовенства иракские шииты радикализировались. После кризиса с американскими заложниками Тегеран оказался в международной изоляции¹. В такой ситуации началась ирано-иракская война 1980–1988 гг. Ирак был поддержан большинством арабских стран, прежде всего Саудовской Аравией, Кувейтом и ОАЭ. США и СССР открыто не вмешивались в ход военных действий и соблюдали нейтралитет². В условиях внутренней борьбы за власть в Иране его Вооруженные силы оказались ослаблены и морально дезориентированы. Иранская армия испытывала острый дефицит продовольствия, обмундирования и боеприпасов. Поэтому в начале военных действий Иран терпел поражение и не мог остановить продвижение иракских войск вглубь иранской территории. Это позволило Ираку одержать ряд важных побед на начальном этапе военных действий. Ирак осуществил свою давнюю мечту в районе Шатт эль-Араб и Хузистане. С. Хусейн денонсировал Алжирские соглашения 1975 г. и заявил о намерении освободить от иранского господства три острова в Персидском заливе. С 1982 г. иранские войска стали постепенно усиливать свои позиции на фронте и вскоре освободили Хузистан и другие занятые иракскими войсками территории³. После указанных событий иракские шииты активизировали попытки добиться мира с Ираном. В Иране умеренные и светские силы также поддерживали идею мира. Многие военные эксперты предостерегали Иран от вторжения на территорию Ирака. Они полагали, что в этом случае Иран может поставить себя в невыгодное положение в исламском мире. Однако с учетом идеологием иранского духовенства, которое рассматривало войну как борьбу «справедливости и неправды», эти усилия не имели успеха.

¹ Кириченко В. П. Трансграничная конфессиональная общность и национальное государство: шииты и власть в Ираке в годы правления Саддама Хусейна (1979–2003) // Россия и мусульманский мир. 2015. No 11.

² См.: Васильев А. М. Война в Ираке: региональные и глобальные последствия // Вестник РАН. 2004. Т. 74.

³ См.: Hiro, D. The Longest War: Iran-Iraq Military Conflict. New York, 1991.

Иран рассчитывал на свое население, численно превосходящее иракцев и его революционный запал. На самом деле Иран нуждался в современном оружии. Однако, большинство стран помогали Ираку, опасаясь распространения радикального ислама в случае победы Ирана¹. В 1984–1986 гг. война стала принимать иной характер. Танкерная война в Персидском заливе, угрозы блокировать экспорт нефти, неудачные попытки закрепиться на иракском острове Фао не смогли обеспечить Ирану перевес сил в войне с Ираком. После очередного провала Ирана взять Басру (Ирак) стало ясно, что силы соперников примерно равны, и никто из них не может одержать убедительную победу. После того, как США открыто встали на сторону Ирака, Иран был вынужден пойти на компромисс и договориться о прекращении военных действий. В 1988 г. СБ ООН принял резолюцию № 598 о прекращении огня. В ходе войны с Ираком (1980–1988 гг.) С. Хусейн стремился захватить часть юго-западных районов Ирана. Иракский лидер опасался революционных призывов иранского духовенства, обращенных к иракским шиитам, и политики экспорта исламской революции². Иран развивал связи с курдами и шиитами в целях ослабления Багдада и предотвращения угрозы иранской национальной безопасности³. Иран атаковал также позиции курдов и «Моджахедин аль-Хальк», которые сражались на стороне Багдада⁴. Высланные в период войны иракские шииты создали в Иране Высший совет исламской революции в Ираке, который позднее стал известен как Высший исламский совет Ирака (ВИСИ). После свержения С. Хусейна в 2003 г. они вернулись в Ирак. Многие из них стали руководителями шиитских милиций и членами нового

- ¹ Примаков Е. М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX — начало XXI века). М., 2012.
- ² Murray, Williamson, and Kevin Woods, *The Iran-Iraq War: A Military and Strategic History*. New York: Cambridge University Press, 2014.
- ³ Eisenstadt, Michael. Iran and Iraq. in Robin Wright, ed., *The Iran Primer: Power, Politics, and U. S. Policy*, Washington, D. C.: United States Institute of Peace, 2010.
- ⁴ См.: Tarzi, Amin, and Darby Parliament, *Missile Messages: Iran Strikes MKO Bases in Iraq. Nonproliferation Review*, Summer 2001. URL: <https://www.nonproliferation.org/>; Iddon, Paul. *Iran Bombarded Iraq Throughout the 1990s. War Is Boring*, 23.07.2018. URL: <https://warisboring.com/>.

иракского правительства¹. После американского вторжения в Ирак в 2003 г. Тегеран фактически «заморозил» свою политику в отношении Багдада. Иран опасался, что может стать следующим объектом нападения США. В Иране не исключали, что возникший в результате американского военного вторжения хаос в Ираке может затронуть и Иран. Тегеран не хотел распада Ирака по этническим и конфессиональным признакам. В Тегеране полагали, что это может негативно отразиться на иранском обществе. Иран также не был уверен в том, что новое иракское руководство, несмотря на большой процент шиитов в нем, будет лояльно Тегерану и станет его союзником. Действительно, новое руководство Ирака не изменило прежнюю позицию по Шатт эль-Араб и Алжирским соглашениям 1975 г. Мирный договор между двумя странами так и не был подписан. Более того, власть шиитского большинства в Ираке сделала иракских суннитов враждебными в отношении Ирана². К середине 2000-х годов позиция США и ряда арабских стран изменилась в отношении правительства в Багдаде. Иракские сунниты бойкотировали парламентские выборы 2005 г. В итоге они получили незначительное число мест в правительстве. На свое поражение иракские сунниты ответили силовым путем. Их действия были поддержаны ОАЭ, Катаром, Турцией. Постепенно Иран активизировал свою деятельность на иракской территории. Тегеран оказывал советническую, логистическую поддержку шиитским милициям, которые сегодня известны как Народные мобилизационные силы, в сражении с армией США³. К началу 2006 г. США стали проявлять озабоченность растущим сотрудничеством между шиитским правительством Ирака и Ираном. США попытались убедить

¹ Eisenstadt, Michael. *Iran and Iraq*. in Robin Wright, ed., *The Iran Primer: Power, Politics, and U. S. Policy*. Washington, D. C.: United States Institute of Peace, 2010.

² Parasiliti, A. T. *Iran and Iraq: Changing relations and Future Prospects*. In Amirahmadi Houshang, and Nader Entessar, eds. *Iran and the Arab World*. New York: St. Martin's Press. 1993.

³ U.S. Army, *The U. S. Army in the Iraq War: Vol. I, Invasions, Insurgency, Civil War 2003–2006*, Carlisle Barracks, Pa.: U. S. Army War College Press, 2019; U. S. Army, *The U. S. Army in the Iraq War: Vol. II, Surge and Withdrawal 2007–2011*; Carlisle Barracks, Pa.: U. S. Army War College Press, 2019.

иракских суннитов проявить большую гибкость в отношении властей с тем, чтобы принять более весомое участие в управлении страной и сбалансировать конфессиональный характер режима. Несколько членов партии «Баас» было выпущено из тюрем. Однако позиция арабских стран была не столь гибкой. Большинство из них открыто поддерживали иракское сопротивление в различных его проявлениях. Например, многие иракские баасисты нашли убежище в королевстве Саудовская Аравия (КСА). Позиция арабских стран объяснялась тем, что после вывода значительной части американских войск из Ирака в 2011 г., Иран превратился в одну из самых влиятельных сил в Ираке¹. Подобная ситуация способствовала постепенному выводу Ирака из-под влияния арабской уммы. Однако даже во время правления Нури аль-Малики (2006–2014), который имел репутацию проиранского лидера, ни одна из застарелых проблем в отношениях двух стран так и не нашла своего решения. Даже в экономическом плане Ирак был ближе к Турции и тесно сотрудничал с ней. Параметры взаимоотношений Ирана с иракскими властями и обществом носили весьма сложный характер и кардинально изменились в период нахождения на посту премьер-министра Ирака Н. аль-Малики. Последний хотя и зависел от Ирана, сумел существенно ослабить его влияние в Ираке в 2008 г. Однако после 2010 г., когда единственным средством для Н. аль-Малики вернуть себе власть в Ираке стал Иран, иракский премьер вынужден был допустить массированное иранское вмешательство во внутренние дела Ирака. Даже во время наступления «ИГ» характер отношений Ирана с иракскими властями не изменился. Иран не доверял иракским вооруженным силам и органам безопасности. С точки зрения Тегерана, было бы непростительной ошибкой поручить им борьбу с «ИГ». В то же время Иран был вынужден поддерживать центральную власть в Багдаде, чтобы не допустить дезинтеграции Ирака. Такая поддержка носила дозированный характер, чтобы не вызвать значительного усиления власти в Ираке. Тегеран опасался, что в этом случае Багдад попытается снизить иранское влияние в Ираке. Иран осознавал все

¹ Pollack, Kenneth M. *Iran in Iraq*. Washington, D. C.: Atlantic Council, December 2017.

риски выстроенной им конструкции взаимоотношений с Ираком как государством-клиентом. Несмотря на религиозную общность, укоренившийся в иракском общественном сознании ген арабского национализма и иракского партикуляризма мог в определенных обстоятельствах сыграть против ИРИ. На парламентских выборах 2018 г. в Ираке победил коалиционный блок из «садристов» и прокоммунистических элементов. Ряд экспертов рассматривали результаты выборов в качестве своеобразного сигнала о начале постепенного отхода Багдада от Тегерана. После утверждения на пост премьер-министра (А. Мехди) и президента (С. Бархама) все стало на свои места. Оба фигуранта властной иракской элиты были согласованными кандидатурами США и Ирана и пользовались их доверием¹. После майских выборов 2018 г. в парламент М. Садр претендовал на роль серьезного политического брокера. Однако его возможности в политическом механизме управления были ограничены. М. Садр никогда не был близок к Ирану. В 2008 г. он скрывался в Куме от преследований иракских властей. Однако уже к 2017 г. он позиционировал себя как арабского националиста, способного разрешить конфессиональные разногласия в Ираке и даже в Персидском заливе. В июле 2017 г. он посетил КСА, где был принят наследным принцем Мухаммедом Бен Сальманом. Отношения между Ираком и Ираном отличались достаточно хрупким характером. Данная ситуация была ясно продемонстрирована проходившими в обычном режиме в октябре 2021 г. парламентскими выборами в Ираке. Их предварительные результаты были в какой-то мере предсказуемы и не внесли критических изменений в баланс политических сил. Всего с 2006 по 2018 г. выборы в законодательные органы Ирака проходили 4 раза. Парламентские выборы 2021 г. отличались рядом особенностей. Прежде всего они носили досрочный характер. В результате массовых волнений в 2019 г. правительство А. аль-Махди ушло в отставку. Сроки новых выборов перенесли с мая 2022 г. на октябрь 2021 г. Выборы проходили на фоне предстоящего вывода американских войск. В результате Ирак должен был обрести полную

¹ El-Ghobashi T. The US and Iran are Competing to Shape Iraq's Next Government: Both Are Failing // Washington Post. 25.09.2018.

независимость и самостоятельность. Данный факт предполагал новые форматы взаимодействия всех политических сил и особый характер их ответственности за будущее развитие страны. В этих условиях Ирак привлекал особое внимание соседних стран. Речь шла прежде всего об Иране и Саудовской Аравии. Между Эр-Риядом и Тегераном обострилось соперничество за влияние в Ираке. После выборов в «правительстве шиитского большинства» Ирака сложилась непростая ситуация, чреватая возникновением острых разногласий между ведущими шиитскими политическими силами по кандидатуре нового премьер-министра страны. В этом смысле выдвижение М. Каземи в качестве независимого кандидата на пост нового премьера вносило определенную интригу в развитие политического процесса в стране. В случае спланированного провала политических фракций в новом парламенте, чтобы договориться по кандидатуре нового премьера из своих рядов, парламентариям пришлось бы отдать голоса независимому кандидату. Для реализации подобного сценария, по оценке ряда экспертов, достаточно было незначительно изменить представительную конфигурацию нового состава парламента, чтобы максимально усложнить процесс обеспечения «абсолютного большинства» (165+1) для выдвижения собственного кандидата на пост премьер-министра. В этом случае М. Каземи имел неплохие шансы вновь вернуться в премьерское кресло. Выбор кандидатуры М. Каземи представлялся неслучайным, он уже исполнял обязанности премьера в 2020–2021 гг. М. Каземи оказался единственным премьером, который сумел установить хорошие отношения с парламентом. Ему удалось обеспечить конструктивный баланс в отношениях с Ираном и ключевыми политическими силами Ирака, несмотря на то что ряд политических сил, голосовавших за него в мае 2020 г., рассматривали его как представителя «садритского» блока. Он пользовался определенным доверием США, с представителями которых вел переговоры о выводе американских войск из Ирака. В равной степени его поддерживал Иран и проиранские вооруженные формирования Ирака, под контролем которых он контактировал с США. В итоге М. Каземи удалось обеспечить в целом позитивное взаимодействие между Ираком, Ираном

и США¹. Определенные проблемы у М. Каземи могли возникнуть с одобрением его кандидатуры шиитскими общинами Ирака, прежде всего улемами Неджефа, которые, естественно, отрицали какое-либо свое вмешательство в политику. Раскол внутри шиитской общины Ирака и ее духовных лидеров мог осложнить достижение консенсуса по кандидатуре М. Каземи. В силу расхождений в шиитской общине Ирака Ирану было трудно управлять ею как единой структурой, не рискуя при этом испортить отношения с ее различными представителями. К тому же Иран не имел связей с иракскими суннитами и поэтому не мог в полной мере управлять политическим процессом в Ираке. Подобная ситуация была чревата серьезными издержками для иранской политики в отношении багдадских властей. Нельзя было исключать вероятного конфликта с шиитскими общинами Ирака. Это могло произойти в случае ослабления их власти, ухода в сторону большей светскости, подкупа со стороны арабских стран, угроз в лице США. Тегеран учитывал возможность изменения позиции Ирака в случае сильного американского нажима на Багдад и обусловленной финансовой поддержки иракского правительства со стороны США. Одним из завуалированных элементов давления на Иран стало объявление о выводе американских войск из Ирака летом 2021 г. В этой связи возник вопрос о выводе КСИР и подконтрольных ему милиций из Ирака. Их общая численность составляла, по некоторым данным, около 200 тыс. человек. Понятно, что Иран не собирался покидать Ирак. Внутриполитическая ситуация в Ираке остается весьма напряженной и сложной. Иракская армия в основном состоит из вооруженных формирований, подконтрольных Ирану. Со времени американской оккупации Ирак постоянно рассматривался в качестве особой «провинции» Ирана. Во многом этому способствовало массированное иранское присутствие в Ираке и заметное влияние Тегерана на политические процессы в этой арабской стране. Таким образом, вывод американских войск из Ирака на пике иранского доминирования и в условиях роста конфессио-

¹ Аль-Каземи... готовый выбор на пост премьер-министра в случае решения о провале «крупнейшего блока большинства» // Анализ. 2021.10.07. URL: [https://www.aa.com.tr/2385114/\(на араб. яз.\)](https://www.aa.com.tr/2385114/(на%20араб.%20яз.)).

нальной вражды мог еще сильнее подтолкнуть Ирак в орбиту иранского влияния. Как неизбежное следствие этой ситуации в Ираке усилились позиции КСИР и связанных с ним шиитских милиций. На самом деле Ирак нуждался в укреплении своей национальной армии и сил безопасности. Этому могла бы способствовать программа масштабной перестройки иракских вооруженных сил и органов безопасности. Данный процесс должен был осуществляться в условиях договоренностей между багдадским правительством и властями Тегерана. После того как Иран ввел свои войска на иракскую территорию, он первым делом стремился обеспечить создание лояльного ИРИ правительства. Во многом Тегерану удалось решить поставленную задачу¹. В условиях обострения регионального соперничества Иран вынужден постоянно балансировать между различными фракциями властей Багдада и реагировать на кризисные ситуации в Ираке. В августе 2022 г. в Ираке разразился правительственный кризис. М. ас-Садр штурмовал правительственную резиденцию в Багдаде, М. Каземе был вынужден срочно покинуть Ирак.

3. ЛИВАНСКАЯ «ХЕЗБОЛЛА» КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИКИ ИРИ В САР И ЛИВАНЕ

Ливанская «Хезболла» имела давнюю и сложную историю взаимодействия с правящим сирийским режимом. Развитие отношений организации с Дамаском прошло несколько этапов на фоне непростых событий в Ливане и степени вовлеченности в них Сирии, Ирана, Израиля, ряда мировых держав. Появление в Ливане «Хезболлы» произошло под влиянием ряда внешних и внутренних факторов. На рубеже 1970–1980 гг. Ливан переживал затяжной государственный кризис. Гражданская война в Ливане сильно интернационализировала внутриванское противостояние. Борьба за Ливан воспринималась в сознании большинства ее участников как конфликт национальных интересов. Шиитские общины Ливана сыграли особую роль в этих событиях. Они выступили в качестве своеобразного «регулятора» баланса сил

¹ Rieff, David. The Shiite Surge // New York Times, 01.02.2004. URL: <https://www.nytimes.com/>.

и интересов различных политических группировок Ливана и внешних игроков. Традиционно ливанские шииты были тесно связаны с шиитскими общинами в Ираке и Иране. Большинство ливанских шиитов, которые не имели глубоких связей с арабским национальным движением, идентифицировали себя не столько с Дамаском, сколько с Неджефом, Кербелой (Ирак) и Кумом (Иран). В условиях французского мандата (1920–1944) шиитские элиты заметно укрепили свои позиции после того, как их джаафаритские¹ правовые школы получили официальное признание метрополии. Этому способствовал самостоятельный статус Ливана как подмандатной территории. Шиитское духовенство не являлось частью общего арабского движения за объединение с Сирией. Поэтому они поддерживали независимость Ливана даже в условиях протектората². Несмотря на то что шииты были одной из самых быстрорастущих групп населения, большинство из них оставались самой отсталой в политическом отношении стратой ливанского социума. Ливанские власти фактически игнорировали шиитское население. В середине 1950-х годов шииты едва составляли 3,6% состава государственных служащих. Жители юга Ливана испытывали острый дефицит стандартных бытовых услуг. Сельское население переживало острый социальный кризис. Большинство земель оказалось в собственности нескольких семей (аль-Аасъад, Химаде и др.). Владельцы небольших участков не могли выбраться из долговой кабалы и прокормить свои семьи. В условиях упадка сельскохозяйственного производства на фоне роста населения в Ливане происходила массовая миграция сельских жителей в городские и пригородные районы. Развитие процессов урбанизации способствовало превращению ливанских шиитов в политически мобилизованную страту ливанского общества. Шиитская моло-

¹ Джа'афариты — последователи джа'афаритской (имамитской) религиозной школы. Названы по имени шестого имама шиитов-имамитов Джаафара ас-Садика (ум. 765 г. н. э.). Джа'афаритский мазхаб признан суннитами наряду с четырьмя другими. Сегодня джа'афаритского толка придерживаются все шииты-имамиты. Подробнее см.: Ислам: энциклопедический словарь. М., 1991.

² Olmert, J. *The Shi'is and the Lebanese State*. In Martin Kramer (ed.) *Shi'ism, Resistance, and Revolution*, Boulder, Colo.: Westview Press, 1987.

дежь получила возможность обучаться в местных высших учебных заведениях. Многие выпускники университетов были заражены идеями радикального переустройства устоев общества и государства¹. Свою ставку на Ливан иранские лидеры сделали уже с начала 1980-х годов. Воспользовавшись израильской оккупацией юга Ливана и войной 1982 г., Иран через территорию Сирии направил в страну около 3 тыс. бойцов из элитных подразделений Корпуса стражей исламской революции (КСИР). В их задачу входило оказание поддержки шиитскому движению в Ливане². Стремясь реализовать идею создания исламской республики по образу и подобию иранской, исламские руководители ИРИ отчетливо понимали, что достичь этого невозможно без установления их полного контроля над шиитской общиной страны. В этой связи ряд идеологов исламской революции пытались подменить понятие ливанского национализма идеями шиитской общности как основы для новой самоидентификации арабов-шиитов Ливана. Решение этой задачи имело особое звучание в условиях обострения борьбы за Ливан. К началу 1980-х годов организация «АМАЛЬ»³ завоевала в шиитской общине Ливана прочные позиции. Ее руководство в лице Н. Берри заручилось поддержкой со стороны Дамаска и не хотело терять своего влияния на шиитскую общину, переориентировавшись на интересы Ирана. Иранское руководство развернуло мощную пропагандистскую кампанию против Н. Берри и оказало большую финансовую и идеологическую помощь его заместителю Х. Мусави, выпускнику юридического факультета Тегеранского университета и ревностному стороннику идей аятоллы Хомейни. Летом 1982 г. Х. Мусави обвинил Н. Берри в предательстве интересов ливанских шиитов. Он заявил о своем выходе из «АМАЛЬ» и создал новую шиитскую организацию — «Амаль исламий». Позднее

¹ Nasr, S. Roots of the Shi'i Movement // MERIP Reports, 133. June, 1985.

² Ахмедов В. М. Ливанская «Хизбалла» как военно-политический «центр силы» на Ближнем Востоке: эволюция и перспективы в свете ближневосточных интересов России // Исламизм после 11 сентября 2001 г. и начала глобальной антитеррористической операции. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2002.

³ Арабская аббревиатура от Афвадж аль-Мукаввама аль-Любнанийя (Полки ливанского сопротивления).

эта организация стала одним из главных инструментов иранской внешней политики в Ливане. Неоднозначное отношение исламских властей Тегерана к «АМАЛЬ» выглядит вполне оправданным. После ввода сирийских войск в Ливан в 1976 г. иранские оппозиционеры проходили обучение в лагерях шиитского движения «АМАЛЬ», подконтрольного Дамаску¹. Считается, что Х. Мусави действовал под влиянием иранского духовенства, в частности Монтазери, который позиционировался как духовный преемник Хомейни. В течение многих лет он возглавлял Высший совет исламской революции². Одновременно представитель «АМАЛЬ» в Тегеране шейх Ибрагим аль-Амин приступил к созданию ливанской «Хезболлы». В Ливане ему помогал южно-ливанский шейх и будущий духовный лидер «Хезболлы» Мухаммед Хусейн Фадллала³. В то время М. Фадллала возглавлял две шиитские ассоциации «Братское семейство» и «Союз исламских студентов в Ливане». Вообще, исторические корни ливанской «Хезболлы» уходят в Ирак, который в 1950–1970 гг. превратился в политический центр деятельности ливанских шиитов. В конце 1960-х годов в единственной в тот период шиитской организации «Партия призыва» («ад-Даава») образовалось ливанское крыло, куда вошли известные лидеры «Хезболлы»: М. Фадллала, С. Туфейли, Х. Курани, М. Шамсуддин и М. Садр⁴. Именно он создал в 1974 г. в Ливане «Движение обездоленных», а в 1975 г. — вооруженное крыло этой организации, получившей впоследствии название «АМАЛЬ». К числу «даавистов» (сторонников партии призыва) принадлежал нынешний генеральный секретарь «Хезболлы» шейх Хасан Насрулла и ряд членов руководства. Начало их карьеры было связано с так называемой «баальбек-

¹ Shireen T. Hunter. Iran and Syria: From Hostility to Limited Alliance. Iran and the Arab World, eds. Houshang Amirahmadi and Nader Entessar. New York: St. Martin's Press, 1996.

² Институт, занимавший особое место в структуре государственного управления по реализации политики экспорта исламской революции.

³ Х. Фадллала родился в 1925 г. в г. Неджеф (Ирак).

⁴ Муса Садр — имам ливанских шиитов, родственник по материнской линии аятоллы Хомейни, дядя бывшего заместителя министра иностранных дел ИРИ Мухаммеда Садра. Пропал, по некоторым данным, во время пребывания в Ливии в 1979 г.

ской теологической школой», где активно преподавалось учение М. Садра. После того как израильские войска в Ливане продвинулись в районы Халида и Западного Бекаа, где действовали отряды «АМАЛЬ» и «ад-Даава», стало очевидно, что для противодействия Тель-Авиву нужны новые организационные формы и методы борьбы. Это стало причиной раскола «АМАЛЬ». Члены «ад-Даава» и других исламских организаций приняли решение о самороспуске. В этих условиях в июне 1982 г. на организационном съезде, в работе которого принимали участие представители из различных районов Ливана, было принято решение о создании новой организации «Хезболла»¹. Одним из ее руководителей являлся Аббас Мусави. Боевой костяк составила исламская молодежная ячейка, которая приняла решение действовать как самостоятельная исламская группа в борьбе против израильских войск. Сам Х. Насрулла, которому в то время было 22 года, не принимал участия в работе этой молодежной ячейки. В 1985 г. на совещании проиранских организаций в Ливане лидеры «Хезболлы», «Амаль исламий» и других ливанских группировок приняли долгосрочные программные установки. Их суть сводилась к укреплению позиций Ирана и «Хезболлы» в Ливане. Ставилась задача освобождения оккупированного юга Ливана, война с Израилем вплоть до его полного уничтожения, борьба с западным, прежде всего американским, влиянием в Ливане. В этой связи в конце 1987 г. политические лидеры ИРИ были вынуждены переориентироваться и сделать ставку в руководстве «Хезболлы» на шейха Субхи Туфейли, родом из деревни Бриталь (долина Бекаа), которого в Тегеране рассматривали как верного Ирану политического деятеля. После вывода с большей части территории Ливана израильских войск в 1985 г. «Хезболла» при активной поддержке КСИР приступила к созданию собственного арсенала. Она также смогла за сравнительно короткий срок мобилизовать под свои знамена значительное число новых членов, существенно расширив социальную базу поддержки организации в шиитской среде Ливана за счет денежных пожертвований, поставок местному населению продовольствия,

¹ Интервью Х. Насрулла журналу «аль-Васат». Март 1996 г. (на араб. яз.).

медикаментов и т. п. Одновременно бойцам организации удалось закрепиться в шиитских общинах южных и западных районов Бейрута, а также на юге Ливана. Укрепление «Хезболлы», особенно ее позиций в районах традиционного влияния «АМАЛЬ», привело вскоре к усилению соперничества двух организаций, которое во второй половине 1980-х годов приняло форму ожесточенных вооруженных столкновений, наряду с обострением палестинских междоусобиц в Ливане. Вмешательство Дамаска смогло остановить кровопролитные столкновения между «АМАЛЬ» и «Хезболлой», которые приняли особенно ожесточенный характер в 1988 г. Сирия фактически спасла «Хезболлу» от сокрушительного разгрома. В результате так называемых Таифских соглашений 1989 г. Сирии удалось не допустить разоружения «Хезболлы», оставив ее в качестве единственной ливанской организации с военной инфраструктурой. Дамаск получил возможность осуществлять контроль над снабжением «Хезболлы» оружием. В январе 1989 г. между Дамаском и Тегераном были достигнуты «специальные соглашения». Ливанская «Хезболла» восстановила свою военную инфраструктуру и возобновила операции на юге Ливана. В 1991 г. «Хезболла» превратилась в ведущую военную силу ливанского сопротивления, действующую на юге страны против Армии Южного Ливана (АЮЛ) и израильских войск. Когда в 1993 г. премьер-министр Ливана Р. Харири попытался поставить под контроль центральной власти ситуацию в районах к югу от реки Литани, его действия оказались заблокированы и не привели к конкретному результату. «АМАЛЬ» в 1990 г. отмежевалась от вооруженной деятельности и стала политическим движением религиозного толка. Ее лидер Н. Берри вошел в состав ливанского правительства. К этому времени стало ясно, что политика создания в Ливане исламской республики по типу иранской сталкивается с большими трудностями. Начиная с 1990-х годов «Хезболла» стала постепенно трансформироваться из чисто военной и полувоенной силы в политическую организацию. Летом 1992 г. руководство ИРИ рекомендовало лидерам «Хезболлы» начать превращение этой организации из чисто военизированной группировки в активную политическую силу ливанского общества. Лидеры органи-

зации заявили об отказе от диверсионно-террористических методов борьбы и несколько снизили уровень военной активности на юге Ливана. Внутри «Хезболлы» был достигнут компромисс между «умеренными» и «радикалами», было установлено перемирие с «АМАЛЬ» и началась активная подготовка к парламентским выборам. Осенью 1992 г. «Хезболла» получила 8 из 128 мест в ливанском парламенте, что позволило ей, блокируясь с другими депутатами-исламистами, иметь от 10 до 20% голосов и таким образом претендовать на роль одной из ведущих политических сил Ливана¹. Х. Насрулла формально возглавил организацию в феврале 1992 г. после гибели А. Мусави во время налета ВВС Израиля на юг Ливана. Бывший генсек «Хезболлы» С. Туфейли, лидер «радикалов», не вошел в состав руководства, а его сторонники — выходцы из Бекаа и северных районов, лишились практически всех руководящих постов в организации. Состоявшийся в июле 1995 г. очередной съезд «Хезболлы» сохранил контроль над руководством организации в руках Х. Насруллы и его сторонников. В 1992 г. боевое ядро военного крыла «Хезболлы» было выделено в самостоятельную боевую единицу, формально не связанную с организацией. Таким образом, была достигнута цель сохранения оружия организации в качестве серьезного рычага воздействия на возможные изменения внутренней и внешней ситуации. Больше известный под общим названием «Исламское сопротивление» («ИС»), боевой авангард «Хезболлы» представлял собой хорошо организованную и глубоко законспирированную вооруженную структуру общей численностью от 300 до 500 профессиональных бойцов во главе с офицерами, прошедшими специальную подготовку за границей. Общая же численность членов «Хезболла» к началу 2000-х годов составляла свыше 10 тыс. бойцов. На протяжении двух последних десятилетий деятельность почти всех структур «Хезболлы» была подчинена военным задачам «ИС». В первую очередь это относилось

¹ Ахмедов В. М. Ливанская «Хизбалла» как военно-политический «центр силы» на Ближнем Востоке: эволюция и перспективы в свете ближневосточных интересов России // Исламизм после 11 сентября 2001 г. и начала глобальной антитеррористической операции. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова. 2002.

к пропагандистскому подразделению «Хезболлы», в распоряжении которого имелись два сайта в Интернете, телевизионная станция «Аль-Манар», радиостанция «Ан-Нур», еженедельный журнал «Аль-Ахд», а также небольшая радиостанция «Саут аль-мустадафин», ведущая передачи на район Бекаа¹. На начальном этапе в формировании «Хезболлы» активное участие действительно принимали радикальные группировки, в том числе «Джихад исламий», «Организация революционной справедливости». В дальнейшем «Хезболла» отмежеввалась от них. В результате парламентских выборов в Ливане в августе–сентябре 2000 г. «Хезболла» получила 12 мест в парламенте. В ее управлении находилось 9 школ, 3 больницы, 13 стоматологических клиник. Организация оказывала финансовую помощь в восстановлении жилых домов и деловых центров, получивших повреждения в ходе боевых действий на юге Ливана, а также участвовала в работах по восстановлению дорог и в других видах деятельности. Выступая в столь разных ипостасях, «Хезболла» имела сотни и тысячи активистов и сторонников в Ливане. Ее светская и религиозная деятельность составляли важную часть жизни шиитской общины Ливана и обеспечивали ей прочную и долговременную основу для мобилизации в свои ряды новых преданных членов и бойцов из числа местного населения. За последние два десятилетия шиитская буржуазия Ливана значительно окрепла. Она вела активную борьбу за передел сложившихся зон финансово-экономического влияния, путей транспортировок и рынков сбыта товаров. В своей борьбе шиитские «нувориши» могли с успехом использовать потенциал «Хезболлы» для оказания выгодного им воздействия на своих экономических конкурентов как из числа шиитов, так и представителей других конфессий. В обмен на поддержку организации они оказывали «Хезболле» свою финансовую помощь. Создание «Хезболлы» было обусловлено не столько попыткой экспорта исламской революции, сколько стремлением иранской политической элиты интегрироваться в ливанскую политическую жизнь. «Хезболла» всегда была «проблемной» организацией с точки зрения

¹ Из бесед автора с высокопоставленными сирийскими военными. Дамаск. Апрель–май. 2001 г.

сирийского режима. В фундаментальных вопросах исламской веры и практики «Хезболла» находилась ближе к Тегерану, а идеологическая ориентация организации была далека от идей непролетарского социализма сирийской «ПАСВ». К тому же задачи «Хезболлы» в Ливане не всегда совпадали с планами Дамаска в отношении этой страны и в регионе в целом. Сирии приходилось пристально следить за тем, чтобы «Хезболла» в ходе своих операций против Израиля соблюдала установленные «правила игры», а также осуществлять постоянный мониторинг за деятельностью организации с тем, чтобы она не выходила за рамки сирийских интересов и политических планов в регионе. В 1990 — начале 2000-х годов Сирия контролировала «Хезболлу». Во многом этому способствовал тот факт, что в Ливане с 1976 г. размещался 30-тысячный контингент сирийских войск. Дамаск использовал «Хезболлу» для сдерживания Израиля, но не хотел усиления организации, которая могла соперничать с ней в Ливане. Однако сирийский контроль над организацией был ограничен растущим влиянием ИРИ в Леванте. Иран стремился сохранить влияние на «Хезболлу», чтобы использовать ее как инструмент воздействия на ситуацию в регионе. Иран традиционно играл основную роль в снабжении «Хезболлы» оружием и подготовке бойцов организации. Иранская помощь «Хезболле» отличалась большей глубиной. Иранская поддержка была сильнее идеологизирована, она базировалась на общности шиитской доктрины, идеологических установках и имела глубокие исторические корни. На рубеже 1999–2000 гг. ежемесячно 4 самолета типа «Боинг-747» доставляли из Тегерана в Дамаск военные грузы для бойцов организации и КСИР в Ливане. В начале 2000 г. Иран поставил «Хезболле» партию новейшего противотанкового оружия. Прибывающие в Дамаск иранские самолеты с грузом, предназначенным для бойцов КСИР в Баальбеке, как правило, не досматривались сирийской таможенной службой. Ежегодная помощь Ирана «Хезболле» оценивалась в 30 млн долл.¹ Ситуация стала меняться после «Кедровой революции» в Ливане в 2005 г.,

¹ Из бесед автора с бывшими советниками Б. аль-Асада. Дамаск. Апрель-май. 2001 г.

которая во многом была спровоцирована политикой США в регионе. С уходом сирийских войск из Ливана в 1995 г. позиции «Хезболлы» упрочились. В свою очередь, это усилило влияние Ирана в Ливане. С этого времени влияние Ирана на «Хезболлу» заметно окрепло. В 2006 г. «Хезболла» показала свою силу в сражении с Израилем на юге Ливана, после усиления «Хезболлы» Иран стал постепенно доминировать в этой арабской стране. «Хезболла» стала основным инструментом Ирана в Леванте и сдерживании Израиля¹. Характерно, что в канун сирийских событий в Сирии произошла серия убийств высокопоставленных сирийских военных и офицеров «Хезболлы». Все они в той или иной степени были причастны к выполнению тайных совместных операций Дамаска, Тегерана и «Хезболлы» в регионе. Многие из них прошли специальную подготовку в Иране, куда их стали направлять еще в 2005 г. Генерал-майор Мухаммед Сулейман был убит в 2008 г. Он учился вместе со старшим сыном Х. аль-Асада Баселем аль-Асадом, был его близким другом. М. Сулейман считался одним из влиятельных офицеров в окружении Башара аль-Асада и вел досье по вопросам «ядерного» и «химического» оружия», а также решал деликатные вопросы с Ираном и «Хезболлой». М. Сулейман поддерживал тесные контакты с Имадом Мугние — руководителем подразделения специальных операций при генеральном секретаре «Хезболлы» Х. Насрулле. М. Сулейман и И. Мугние неоднократно выполняли деликатные миссии на Ближнем Востоке. Любопытно, что И. Мугние был убит в тот же год, что и М. Сулейман. Эти и подобные им события в 2009–2010 гг. отражали обострение внутриклановой борьбы за власть в САР. Кризис в САР поставил Иран, «Хезболлу» в сложное положение. Волнения в Сирии показывали всю степень остроты расколов прежних союзов в регионе. Тегеран уже не мог рассчитывать на прежнюю поддержку Дамаска по защите своих интересов в Ливане. Многие политические силы Ливана меняли свое отношение к Ирану,

¹ Joe Stork and Ann V. Lesch. background to the Crisis: Why War? Middle East report 167. November-December 1990; Shahram Akhbarzadeh. Why Iran Needs Hizbullah // Muslim World. 26.02.2016.

пересматривали прежний характер связей с Тегераном¹. В условиях сирийского кризиса «Хезболла» выстраивала свою стратегию на основе 5-летнего плана. Согласно этому плану, «Хезболла» еще накануне событий приступила к созданию на территории САР оружейных складов и организации тайных отрядов исламского сопротивления. При этом «Хезболла» не рассчитывала на продолжительный вооруженный конфликт в САР, организация опасалась, что длительная война в Сирии может сказаться на ее позициях в Ливане. «Хезболла» не имела никакого желания нести в будущем людские и материальные потери в Сирии. С учетом этого руководство «Хезболлы» приняло план, согласно которому в Сирии должна была быть создана внешне независимая структура, которая на деле находилась бы под управлением «Совета шуры» и замыкалась непосредственно на генерального секретаря «Хезболлы» Х. Насруллу. Наряду с этим «Хезболла» стремилась выйти за рамки Ливана и укрепить свои позиции в Ираке и Йемене. Однако, несмотря на присутствие «Хезболлы» в Сирии, Ираке, Йемене, где ее отряды проводили независимые военизированные акции, они в той или иной мере оставались связаны со своим центром в Ливане, который обеспечивал взаимосвязь с «театрами» военных действий в Сирии, Ираке и Йемене. До тех пор, пока Сирия остается основным полем сражения, «Хезболла» продолжает создавать на ее территории вооруженные формирования. В 2020-х годах их общая численность составляла около 50 тыс. бойцов, которые рекрутировались из представителей различных общественных и религиозных слоев сирийского населения. При этом акцент делался прежде всего на тех сирийцах, которые под воздействием мощной и агрессивной иранской пропаганды приняли шиизм, а также из представителей христианской и друзской общин. «Хезболла» пыталась выстроить в Сирии модель «Исламского Сопротивления» («ИС») наподобие той, которую она создала в Ливане. Одновременно высокопоставленные офицеры «Хезболлы» находились в постоянном контакте с представителями правительственных войск в Сирии и Ираке, управляя их действиями.

¹ Ахмедов. В. Современная Сирия. История. Политика. Экономика. Москва: ИВ РАН, 2010. С. 152–173.

Совершенно очевидно, что эти планы могли быть реализованы только при поддержке и с одобрения Ирана, который рассматривал «Хезболлу» как один из важных инструментов обеспечения своей национальной безопасности и в качестве ключевого элемента политики на Ближнем Востоке. После взрывов в порту Бейрута в 2021 г. эскалация ситуации в Ливане изменила поведенческий стереотип «Хезболлы». Организация действует жестче и откровеннее. Ее активность не ограничивается только Левантом, а распространяется также на ряд государств Западной Азии, Африки и Латинской Америки. В ходе своего выступления в июне 2022 г. лидер организации Х. Насрулла обрушился с резкой критикой на Израиль, Грецию, ряд других стран¹. Пожалуй, впервые за несколько последних лет генеральный секретарь организации публично признал факт существования самостоятельного и суверенного Государства Ливан. Возможно, столь неожиданное «откровение» основного союзника Ирана в Леванте стало отражением сильного раздражения со стороны руководства «Хезболлы» и Тегерана, заметным ростом авиационных ударов Израиля по военным объектам Ирана в Сирии. Бомбардировка израильской авиацией Дамасского аэропорта в июне 2022 г. основательно повредила его инфраструктуру и на несколько дней вывела из строя основную транспортную артерию Ирана, которую он использовал для снабжения оружием и боеприпасами ливанской «Хезболлы». За время участия в сирийской кампании организация потеряла несколько тысяч высокопоставленных офицеров и основательно испортила отношения с политическими силами в Ливане и большинстве арабских государств. Возможные перспективы разрешения сирийского конфликта беспокоят руководство организации, которая оказалась в террористических списках многих исламских государств. В условиях продолжающегося в САР конфликта Дамаск и Тегеран обречены на сотрудничество в Леванте и по проблеме «Хезболлы» в частности.

¹ Хейралла Х. Регион кипит. 13.06.2022. URL: <https://alarab.co.uk/> (на араб. яз.).

4. «ШИИТСКИЙ ФАКТОР» В ВООРУЖЕННОЙ ОПЕРАЦИИ ИРИ В САР

В военной кампании ИРИ в САР «шиитский фактор» имел два основных измерения — военное и общественно-политическое. Силовая составляющая в использовании ИРИ «шиитского фактора» была обусловлена состоянием сирийских Вооруженных сил. Сирийский кризис возродил прежние конфессиональные настроения в армии и посеял в ее рядах взаимное недоверие и подозрительность. В условиях кризиса это привело к фракционным процессам на конфессиональной и этнической основе. Усилившиеся накануне кризиса в армейских рядах явления коррупции, nepотизма, непрофессионализма серьезно ослабили боеспособность и эффективность Вооруженных сил САР. К тому же в условиях конфессиональной поляризации, армия столкнулась с проблемой самоидентификации своего личного состава. Сирийским военным не удалось провести быструю мобилизацию своего личного состава в масштабах всей страны, которая оказалась охвачена восстанием. Несмотря на то что армия сохранилась как институт государства, она кардинальным образом трансформировалась в условиях кризиса. Изменился конфессиональный баланс в армейском руководстве. В результате дезертирства более 3 тыс. офицеров (в основном это были сунниты) образовавшийся вакуум был заполнен алавитами, которые заняли практически все руководящие должности в армейском руководстве. Оставшиеся же офицеры-сунниты были фактически отстранены от командования и изолированы. Им постоянно приходилось доказывать свою лояльность правящему режиму. Разосланный в войска внутренний циркуляр начальника УВКР ВВС САР Джамиля Хасана характеризовал суннитских офицеров как опасных заговорщиков и угрозу национальной безопасности страны. Сравнительный анализ религиозной принадлежности командного состава армии и элитных силовых структур и подразделений в период с 2000 по 2019 г. дает определенное представление о конфессиональной карте руководящего состава сирийских «силовиков». Так, в указанный период, посты министра обороны (МО) и начальника Генштаба (НГШ) последовательно занимали

следующие офицеры: Мустафа Тлас (суннит), Али Аслан (алавит); Хасан Туркмани (МО и НГШ) (суннит), Али Хабиб (МО и НГШ) (алавит), Дауд Раджха (МО и НГШ) (христианин), Фахд аль-Фрейдж (МО и НГШ) (суннит), Али Айюб (МО и НГШ) (алавит). Место НГШ оставалось вакантным с весны 2018 г. За этот же период Дивизию республиканской гвардии (ДРГ) последовательно возглавляли: генерал-майоры Али Махмуд аль-Хасан, Нур эд-Дин Наккар, Мухаммед Шуэйб Али Сулейман, Бади'а Мустафа Али, Талаль Махлюф, Малик Алья — алавиты. Во главе 4-й дивизии спецвойск стояли генерал-майоры Мухаммед Аммар, Мухаммед Али Даргам, Захи Диб, Махер Асад — алавиты. Отдельные спецподразделения возглавляли генерал-майоры: Али Хабиб (алавит), Субхи ат-Тайеб (суннит), Раиф Баллюль (алавит), Джума'а аль-Ахмад (алавит), Фуад Хаммуде (алавит). Во главе контрразведки ВВС («Джавийя») находились — генерал-майоры Мухиэддин Рамадан Мансур (алавит), Хасан Халиль (алавит), Асеф Шаукат (алавит), Абдель Фаттах Кудсийя (алавит), Рафик Шехаде (алавит), Мухаммад Махла (алавит), Кифах Мильхем (алавит). Командующие корпусами распределялись по конфессиональному признаку следующим образом: 1-й корпус — Ахмед Абдул Наби (суннит), Мунир Аданов (алавит), Абдул Кадер аш-Шейх (суннит), Джихад Хаваш Джабер (исмаилит), Али Айюб (алавит), Ахмад Тлас (суннит), Салим Баракат (алавит); 2-й корпус — Ибрахим Сафи (алавит), Ахмад Ибрахим аль-Али (алавит), Ахмад аль-Джоджо (суннит), Амин Зейдан (алавит), Мваффах аль-Асад (суннит), Изэддин Исса (алавит), Али Даргам (алавит), Али Аслан (алавит), Талаль Махлюф (алавит); 3-й корпус — Шафик Файяд (алавит), Мудар Юсеф (алавит), Фахд Джасем Фрейдж (суннит), Мунир Джбур (алавит), Наим Сулейман (алавит), Важдих Яхья Махмуд (алавит), Ахмад Джамиль Ибрахим (алавит), Луай Ма'алла (алавит), Баракат Баракат (алавит), Мухаммед Хаддур (алавит), Хасан Мухаммед (алавит); 4-й корпус — Шафи Юсеф (суннит), Хасан Мерхедж (алавит); 5-й корпус — Абдо Ибрагим (алавит), Заид Салих (алавит). Из 45 командующих дивизиями 5 были суннитами (Васель аль-Увейд — 5-я дивизия, Мухаммед Муса Хейрат — 7-я дивизия, Ахмад Тлас — 9-я дивизия, Омар Джибави — 10-я дивизия, Аззам аль-Масри — 18-я ди-

визия), 1 друз (Насиб Абу Хаммуд — 11-я дивизия), 1 христианин Исбир Аббуд — 17-я дивизия. Приблизительные подсчеты показывают, что около 85% комдивов были алавитами. Добавим к этому, что в этот же период во главе ВМС и ВВС стояли трое алавитов и двое суннитов. Чтобы компенсировать нехватку офицеров, режим вынужденно прибег к созданию милицеских формирований и вспомогательных сил, организация которых базировалась на семейных и общинных союзах и неформальных связях. Эти подразделения были тесно связаны с национальными спецслужбами, Республиканской гвардией и личной охраной президента. В этой связи показателен состав выпускников Военной академии САР 2018 г. Всего из 2400 офицеров только 150 (6%) были суннитами и представителями иных конфессий, а остальные 94% — алавитами. Попытка инкорпорировать вышеуказанные подразделения в деформированную формальную военную организацию в отсутствие ясной стратегии и достаточных ресурсов, привели на деле к появлению гибридной структуры национальных Вооруженных сил (ВС). В ее рамках действовали слабоскоординированные регулярные части и милицеские формирования. В условиях кризиса национальные Вооруженные силы претерпели серьезные трансформации. Опора сирийской армии на союзные ей и вспомогательные силы подорвала ее независимость. Роль центрального командования существенно снизилась. Растущая конкуренция и поляризация внутри армии нередко выражалась в участившихся столкновениях между различными вспомогательными силами. Среди личного состава ВС САР усилился раскол на сторонников России и Ирана, который происходил на фоне, по сути, конъюнктурных кадровых перестановок внутри армии и спецслужб. Национальная идентичность личного состава сирийских силовых структур подверглась серьезной эрозии. Внутри армии и служб безопасности усиливался раскол по конфессиональным линиям. Офицеры-сунниты оказались фактически в изоляции. После дезертирства значительного числа офицеров-суннитов их численность и влияние в армии стало заметно снижаться. Их должности оказались замещены алавитами, которые встали во главе всех боевых ключевых подразделений. В тоже время офицеры-

алавиты уже не являлись, как прежде, единой конфессиональной группой, а были расколоты по региональным, племенным признакам и степени лояльности основным союзникам режима. Ряд факторов свидетельствовал о смещении ядра алавитской общины из их традиционного центра в Латакии в другие районы. Это вело к разрыву прежде устойчивой социальной ткани алавитской общины, сформированной Х. аль-Асадом на конфессиональной основе и взаимных обязательствах, родственных принципах лояльности. В конечном итоге это могло привести к формированию внутри офицерского корпуса различных блоков по образцу 1940–1960 гг. и серии военных переворотов. Проиллюстрировать общую ситуацию в сирийских Вооруженных силах можно на конкретном примере одного из родов войск. Сирийские Военно-воздушные силы (BBC САР) сыграли большую роль в вооруженной борьбе. Однако их реальная роль в конфликте мало известна из-за высокого уровня секретности любой информации, касающейся BBC САР. Всего за время кризиса из BBC САР дезертировали 165 летчиков, погиб 201 пилот, 187 самолетов было уничтожено. Сирийские BBC были созданы в 1946 г. после обретения САР политической независимости. Вскоре они превратились в символ национального прогресса и развития. В Сирии, которая пережила 8 попыток военных переворотов, история BBC тесно связана с историей сирийского государства, выстроенного Х. аль-Асадом, который сам был военным летчиком. Отношения между военными и политическим руководством Сирии играли ключевую роль в понимании роли BBC в поддержке правящего режима¹. В 1948–1958 гг. сирийские летчики прошли подготовку в Египте, Ираке, Великобритании, Италии, Чехословакии и Польше². Большинство из них были суннитами, друзьями, христианами. Алавитов было меньшинство³. После прихода к власти Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ) в 1963 г. сирийские BBC стали называться

¹ Noam Hartoch. A History of the Syrian Air Force 1947–1967. July 2015. URL: <https://kclpure.kcl.ac.uk/>.

² Tom Cooper. How Fighter Pilots Made Modern Syria. Key. Aero. 18.05.2017. URL: <https://www.key.aero/>.

³ Noam Hartoch. A History of the Syrian Air Force...

Сирийские арабские воздушные силы (САВС). Будучи командующим САВС Х. аль-Асад стремился превратить их в свою собственную опору¹. В этих целях Х. аль-Асад создал могущественную и независимую от других военных подразделений структуру, которая получила название Разведка САВС. Вскоре она превратилась в основную сирийскую спецслужбу и постепенно стала обновлять летный состав за счет набора алавитов². Мятеж «Братьев-мусульман» в 1979–1982 гг. стал испытанием для режима и его ВВС. В условиях борьбы с «братьями» внутри ВВС произошел внутренний раскол. Многие летчики перелетели вместе со своими самолетами в Ирак и Иорданию. В конце 1981 г. командующий ВВС генерал Махмуд Хамди Абаза был взорван в собственной автомашине. В январе 1982 г. был раскрыт антиправительственный заговор в рядах ВВС. Заговорщики планировали нанести внезапный удар по ключевым объектам Дамаска³ и его пригородам⁴. Во главе заговора стоял майор ВВС Фавзи аль-Азави из Дейр эз-Зора⁵. Через несколько недель режим столкнулся с бунтом в рядах ВВС. Ряд суннитов отказались выполнять приказ о бомбардировке г. Хамы, которая служила оплотом мятежных «братьев». В итоге несколько десятков летчиков и часть техперсонала были арестованы и уволены из ВВС. После восстания «Братьев-мусульман» в 1979–1982 гг. сунниты были отстранены от руководства ВВС⁶. В ходе войны в Ливане в 1982 г. режим произвел очередную чистку в летном составе ВВС, в чьей

¹ Bernard Reich, *Political Leaders of the Contemporary Middle East and North Africa: A Biographical Dictionary*. Greenwood Publishing Group, 1990; Patrick Seale, *Asad: The Struggle for the Middle East*. I. B. Taurus, 1988.

² Hicham Bou Nassif, *Second-Class: The Grievances of Sunni Officers in the Syrian Armed Forces* // *Journal of Strategic Studies*, 2015. Vol. 38. Issue 5.

³ После этого случая любым самолетам было категорически запрещено совершать полеты в воздушном пространстве над сирийской столицей.

⁴ См.: James Diplock, *Assad's enemies from within* // *Macleans*, 22.02.1982, URL: <https://archive.macleans.ca/>; New York Times Archives, 'Syrian Chief is said to thwart planned coup' // *New York Times*, 06.02.1982. URL: <https://www.nytimes.com/>.

⁵ Ithar Abdul-Haq, Mustafa Hamad, *Biography of an officer who saved Hafez al-Assad from a hidden coup attempt led by an officer from Deir al-Zour*. Zaman al-Wasl, 21 February 2018. URL: <https://www.zamanalwsl.net/>

⁶ Hicham Bou Nassif, *Second-Class: The Grievances of Sunni Officers in the Syrian Armed Forces* // *Journal of Strategic Studies*, 2015. Vol. 38, Issue 5.

лояльности сомневался. В начале военных действий израильские летчики сбили около 82 сирийских самолетов, из них 70 управлялись суннитами¹. В результате чисток в рядах ВВС туда было набрано много алавитов, они составляли 80–85% курсантов военных академий и училищ в начале 1980 г.² Последствия кедровой революции (2005) и войны в Ливане (2006 г.) подталкивали Б. аль-Асада к развитию отношений с Ираном. Одним из важных результатов ратификации договора о совместной обороне и сотрудничестве между САР и ИРИ в ноябре 2005 г. стало начало совместных работ над созданием ракетного оружия и совершенствованием систем ПВО в САР³. Накануне событий 2011 г. большинство руководящего и среднего звена ВВС САР представляли алавиты. Это предопределило место и роль сирийских ВВС в ходе событий в САР. Офицерский и летный состав ВВС раскололся. Раскол в ВВС САР по конфессиональным линиям усилился после того, как многие офицеры-сунниты оказались под подозрением как потенциальные заговорщики и подвергались постоянным преследованиям со стороны «Джавийя», которая практически полностью была укомплектована алавитами. Даже высокопоставленные офицеры-сунниты испытывали постоянный страх быть оклеветанными их подчиненными-алавитами, которые работали на разные спецслужбы. В начале событий бесследно исчезли около 20 пилотов-суннитов. Кампания против суннитов достигла своего пика после убийства генерала Абдуллы аль-Халиди из штаба командования ВВС в Дамаске в октябре 2012 г. Аль-Халиди выступал против бомбардировок сирийских городов и подозревался в стремлении перейти на сторону оппозиции. По мере роста напряженности внутри ВВС ужесточались меры в отношении пилотов-суннитов. Время полетов было сокращено или строго ограничено из-за опасений в дезертирстве, отпуска отменены, прогулки за пределами баз были строго

¹ Rebecca Grant. The Bekaa Valley War: Airforce Magazine. June 2002. URL: <https://web.archive.org/>.

² Hicham Bou Nassif. Second-Class': The Grievances of Sunni Officers in the Syrian Armed Forces // Journal of Strategic Studies, 2015. Vol. 38, Issue 5.

³ Anthony H. Cordesman. Israel and Syria: The Military Balance and Prospects of War // CSIS. 15.08.2007.

ограниченны. За летным составом и их родственниками была установлена постоянная слежка. Летчиков из мятежных районов часто вызывали на допрос в контрразведку, их пристрасно расспрашивали о родственных связях с представителями оппозиции. В результате большинство офицеров-суннитов ВВС оказались в информационной изоляции и не имели представления о происходящих в стране событиях. Даже когда режим утратил контроль над частью сирийской территории, военное командование не было склонно использовать ВВС, за исключением логистических операций и транспортировки сил безопасности в мятежные районы¹. Власти избегали активно привлекать ВВС, опасаясь реакции Запада по примеру Ливии. По мере эскалации вооруженной борьбы в сирийских ВВС росли «диссидентские» настроения. Некоторые летчики отказывались выполнять приказы бомбардировки мирного населения. В период с 2012 по 2015 г. 73 пилота из ВВС перешли на сторону оппозиции. Сотни человек из числа технического состава и призывников оставили ВВС: некоторые скрылись у родственников в Сирии, другие переехали за границу. В рядах личного состава ВВС обострилась конфессиональная рознь. Из 165 дезертиров 95% были суннитами, а среди 144 погибших в боях пилотов 90% были алавитами². Раскол ВВС по конфессиональному признаку происходил одновременно с аналогичными процессами среди всего сирийского населения. Большинство боевых вылетов летчики-алавиты совершали в районы традиционного проживания суннитов. Накануне кризиса в САР алавиты занимали 79% командных должностей в сирийских ВВС, только во главе одной бригады стоял суннит, который был арестован в 2013 г. За все время кризиса в стране только один суннит (палестинского происхождения) был поставлен на руководящую должность в ВВС. В результате указанных выше процессов ВВС САР участвовали в гражданской войне как «конфессиональная» сила. Несомненно, регулярные бомбардировки мятежных территорий наложили свой отпечаток

¹ Cooper, Tom. *Air Power in Decline...*

² Fabrice Balanche. *Sectarianism in Syria's Civil War* // Washington Institute for Near East Policy, 05.02.2018, accessed: 05.04.2021. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/>.

на состояние сирийского общества и спровоцировали обострение конфессиональной борьбы¹. В целях исправления ситуации в правительственных Вооруженных силах режим с 2013 г. приступил к созданию новых войсковых подразделений на основе милицейских формирований². К концу 2015 г., по данным различных источников, общая численность такого рода формирований составляла от 35 000 до 40 000 человек³. В 2015 г. под руководством иранских советников режим приступил к созданию 4-го армейского корпуса, в состав которого была включена часть вышеупомянутых подразделений⁴. Изменение конфессионального состава сирийских силовых структур создало благоприятные условия для укрепления иранских позиций внутри офицерского корпуса САР. Иран отдавал приоритет защите и обучению шиитской общины Сирии. Как утверждал бывший командующий КСИР Хусейн Хамедани (погиб в сражениях с «ИГ» в 2015 г.), в канун сирийских событий он вместе с К. Сулеймани отправился в Сирию. Там они сформировали боевой отряд из алавитской молодежи численностью до 2 тыс. человек, вооружили и обучили их. Высокопоставленные иранские военные этим не ограничились и создали еще несколько подобных отрядов из шиитов и алавитов в рекордно короткий период времени⁵. После начала кризиса Иран сформировал в САР милицейские отряды из афганских и иракских шиитов, сражавшихся на стороне правящего режима⁶. Одним из первых шагов в этом направлении стало создание Национальных сил обороны (НСО), которые формировались по религиозному признаку. Позднее были созданы Силы

¹ Hicham Bou Nassif. Second-Class: The Grievances of Sunni Officers in the Syrian Armed Forces // *Journal of Strategic Studies*. 2015. Vol. 38, Issue 5.

² *Journal of Strategic Studies*. 2015. 38.5. Published online: 04.08.2015.

³ Syria Deeply, Analysis: The Fifth Corps and the State of the Syrian Army // *Newsdeeply*. 11.01.2017. URL: <https://www.newsdeeply.com/>

⁴ Ахмедов В. Кто воюет в Сирии? Институт Ближнего Востока. 2014. URL: <http://www.iimes.ru/?p=20322#more-20322> (дата обращения: 01.09.2020).

⁵ Hamdani, Hossein. The beginning of the Syrian crisis according to the narrative of the martyr Hossein Hamdani. 26.12.2016. URL: <https://fa.alalamtv.net/news/1902728/>. (на перс. яз.).

⁶ Примирие с Асадом и расчеты на уход Ирана. Редакционная статья. 2021.11.25. URL: [https://www.alsouria.net/\(на араб.яз.\)](https://www.alsouria.net/(на араб.яз.)).

местной обороны (СМО), в рамках которых Иран попытался объединить местные шиитские милиции и часть племенных отрядов. Тот факт, что в командном составе СМО присутствовали бывшие офицеры-баасисты (в основном из Ирака), был призван служить ширмой для придания светского, национального характера новой вооруженной структуре, которая на деле оказывалась идеологически заточенной под исламскую идею в ее шиитской интерпретации. Иран взял на свое содержание личный состав СМО, бойцы которого получали от 30 до 50 тыс. сирийских фунтов ежемесячно, а также пользовались иными льготами, предоставленными правительством ИРИ. Помимо этого, планировалось, что в СМО будут служить иранские резервисты, которых Тегеран пытался стимулировать большой зарплатой и дополнительными льготами за счет средств из собственного военного бюджета. В итоге сирийские военные фактически оказывались в подчинении СМО. Иран уже протестировал ранее указанную модель, создав на территории Сирии в сентябре–октябре 2014 г. в районе Голанских высот так называемый «Щит Сувейды». Однако иранский эксперимент не имел ожидаемого успеха, так как не получил должной поддержки местного населения. Был также определен статус отрядов «Хезболлы», которые стали формальными подразделениями сирийских Вооруженных сил, а их бойцы получили сирийские военные документы. Тегеран глубоко интегрировался в ткань сирийского общества и государства, прежде всего в армию и силы безопасности САР. В июле 2020 г. Дамаск заключил с Тегераном важное соглашение о военнотехническом сотрудничестве¹. На рубеже 2021–2022 гг. Иран в тесной координации с правящим режимом САР предпринял ряд активных действий в военной, политической, экономической, идеологической сферах жизни сирийского государства и общества. Иран взял под свой контроль стратегически важные участки сирийско-иракской границы. Это пропускные пункты на линии между Бу Камалем и аль-Каимом. Они превратились в свободные зоны доставки оружия и боеприпасов, безопасные коридоры для прохода новых отрядов шиитских милиций в Си-

¹ Карам, Ф. Иран расширяет присутствие своих милиций и вооружений в Сирии. 06.04.2022. URL: <https://aawsat.com/home/article/3577221/> (на араб. яз.).

рию¹. В начале 2022 г. было заключено соглашение между командованием 4-й дивизии спецвойск САР (Махер аль-Асад) и руководством КСИР о создании 11 новых командных штабов под совместным управлением в стратегически важных районах Сирии (Халеб, Хама, Хомс, Пальмира, Дейр эз-Зор). Всего с января по март 2022 г. Тегеран смог создать 38 новых укрепрайонов в Халебе и его пригородах, где находятся основные промышленные зоны и ремонтные мастерские. В конце марта 2022 г. Иран перебросил часть своей легкой боевой авиации из Пальмиры на восток Хомса, построил в юго-западных пригородах Дейр эз-Зора новые тренировочные аэродромы и фактически создал в указанных районах свою бесполетную зону. В целях закрепления своего военного присутствия в САР Иран использовал новую тактику, которая предусматривала значительное расширение ареала действий шиитских милиций. Для охраны своих военных складов в районах Хомса, Хамы, Халеба, Дейр эз-Зора, Пальмиры Иран создал новые отряды шиитских милиций. В конце марта — начале апреля 2022 г. в Сирии появились отряды «Фаджр аль-Ислам». Они были созданы из части личного состава «Хезболлы» (Ливан), «Лива'а аль-Фатимийюн (Афганистан), Харакат ан-Нажба (Ирак) и части местных шиитов и алавитов. Во главе «Фаджр аль-Ислам» стояли офицеры КСИР. К марту 2022 г. отряды ливанской «Хезболлы», афганских милиций, «Асаиб Ахл аль-Хак», «Харакат ан-Нажба (Ирак), «Бригады аль-Бакир» (САР) заметно нарастили численность своего личного состава и пополнили свои арсеналы новым вооружением. К началу апреля 2022 г. указанные милиции создали около 120 новых укрепрайонов на востоке Хомса, в Хаме, Рака-а, Дейр эз-Зоре, разместив там более 4,5 тыс. бойцов². В 2022 г. Иран и его шиитские милиции практически полностью контролировали значительные участки территории САР и соседние районы Ливана. Они активно присутствовали в глубинных рай-

¹ Наама, А. После «Аль-Имам Али»... Иран строит вторую базу на востоке Дейр эз-Зора в САР. 28.10.2021. URL: [https:// www. arabi21.com/story/1394178/](https://www.arabi21.com/story/1394178/). (на араб. яз.).

² Абдерразак, С., Карам, Ф. Ускоренное иранское размещение на земле Сирии..., и под землей. 04.07.2022. URL: <https://awsaat.com/home/article/3577076/>. (на араб. яз.).

онах САР, крупнейших сирийских городах и их пригородах (Дамаск, Хомс, Хама, Халеб), имели прочные позиции в Дейр эз-Зоре и Пальмире. Несмотря на традиционно крепкие связи с курдами Сирии и Ирака, курдский фактор играл второстепенную роль в военной операции Ирана в САР. Связи ИРИ с сирийскими курдами имели ограниченный характер. Несмотря на общность целей в борьбе с «ИГ», в ходе сирийской кампании вряд ли можно говорить об образовании ирано-курдского альянса. В Сирии курды были тесно связаны с США и во многом разделяли американскую установку на отстранение Б. аль-Асада от власти. В отличие от Ирака, в Сирии Тегеран сделал явный акцент на сотрудничестве с алавитами и шиитами. Действительно, многие расчеты Ирана в его политике в регионе строились помимо силового фактора на его влиянии в шиитских общинах. В своей политике на Арабском Востоке Иран делал акцент на работе с шиитскими общинами с целью расширения и укрепления иранских позиций в регионе. Социальные и гуманитарные аспекты занимали важное место в политике ИРИ на Ближнем Востоке с тем, чтобы облегчить и ускорить процесс социализации шиитских общин, добиться роста их влияния в арабском социуме и создания позиций в политических системах арабских государств¹. В Ливане и Ираке представители шиитских партий и политических организаций входят в парламенты и правительства этих стран. В ряде монархий Персидского залива (Катар, Кувейт, ОАЭ) Иран создал из представителей шиитских общин целую сеть своих открытых и тайных сторонников, а ряд вопросов безопасности и положительное сальдо торгового баланса этих стран, стало во многом зависеть от характера их взаимоотношений с ИРИ². Одним из будущих плацдармов продвижения Ирана в регионе служат Сирия и Ирак, а вернее, укрепление сфер влияния в этих странах после окончательного вывода оттуда иностранных войск. За последние годы Иран сильно вложил в Ирак и Сирию и финан-

¹ Рашед Басем. Конфессиональная проблема внешней политики Ирана. Эр-Рияд. 2017 (на араб. яз.).

² Arab-Iranian Relations / ed. by Khair el-Din Haseeb. Beirut: Center for Arab Unity Studies. 1988.

сово, и политически¹. Продвинув шиитов Ирака и Сирии к власти, Иран смог укрепить свое политическое и военное присутствие в Леванте². В своей политике в САР Иран отводил важное место работе с местным населением в целях создания широкой социальной базы поддержки. Еще до начала событий в САР Иран вел активную проповедническую деятельность среди сирийских племен на востоке страны, стремясь максимально «шиитизировать» их представителей. Иранские проповедники смогли обратить в шиизм одно из влиятельных сирийских племен Дейр эз-Зора — Баггара. В последующем это дало возможность ИРИ распространить свое влияние в этом недружественном Тегерану районе³. Ярким примером такой политики ИРИ стали действия Ирана по переселению местного населения в Сирии, в ходе которого Тегеран проявлял особую заботу в отношении шиитов. Летом 2018 г. КСИР организовал вывод нескольких шиитских деревень из занятых оппозицией районов Идлеба, в обмен на разрешение ряду суннитских общин беспрепятственно оставить пограничные ливанские территории⁴. В конце 2021 г. КСИР и шиитские милиции установили свои религиозные порядки в ряде районов САР (Дейр эз-Зор). Они арестовали настоятелей и муэдзинов местных мечетей, которые отказались изменить формулу азана (призыв на молитву) в соответствии с нормами шиизма. На их место поставили новых служителей культа. Одновременно были изменены названия некоторых мечетей в районах на западном берегу Евфрата. Прежде всего эти нововведения коснулись г. Махкан (провинция Дейр эз-Зор), где была особо сильна концентрация шиитских милиций «Абдуль Фадль аль-Аббас» (Ирак) и «Лива Зейнобийюн» (Пакистан). Так, мечеть аль-Фарук Омар стала именоваться Великой мечетью Махкан⁵.

¹ Juneau, Thomas, *Iran's Costly Intervention in Syria: A Pyrrhic Victory* // *Mediterranean Politics*, 2020. Vol. 25, No. 1.

² Stein, Ewan. *Ideological Codependency and Regional Order: Iran, Syria, and the Axis of Refusal* // *PS: Political Science & Politics*, 2017. Vol. 50, No. 3.

³ Heras, Nicholas A. Bassam Barabandi, and Nidal Betare, "Deir Azzour Tribal Mapping Project" // *Center for a New American Security*, September 2017.

⁴ *Evacuation of Two Pro-Assad Syrian Villages Complete* // *Reuters*. 18.07.2018.

⁵ Иссам, В. Сирия: при поддержке Ирана милиции меняют названия мечети «аль-Фарук Омар» в пригороде Дейр эз-Зора. 11.24.2021. URL: <https://www.alquds.co.uk/> (на араб. яз.).

Как считали местные жители, эти изменения коснулись прежде всего мечетей, в названиях которых упомянуты имена трех из четырех праведных халифов — Абу Бакра, Омара и Османа, — которые были известны своим «пристрастным» отношением к шиитам (алидам)¹. После частичной реставрации мечетей иранцами они утратили прежний архитектурный облик и сущностное содержание, превратившись в шиитские хусайнии². В конце 2021 г. Иран официально возобновил религиозный туризм в САР. На деле паломничество к шиитским святыням в Сирии не прекращалось во время конфликта. Правда, иранские паломники, как правило, ограничивались посещением шиитской мечети «Сит Зейнаб» в южных пригородах сирийской столицы. До событий марта 2011 г. Сирию ежегодно посещали более 500 тыс. паломников из Ирана и Ирака. Пользуясь статусом паломника, они беспрепятственно проникали в Ливан, укрепляя связи с ливанскими шиитскими общинами. За годы вооруженного конфликта в САР Иран построил несколько десятков новых мечетей в ключевых центрах страны (Дамаске, Халебе, Хомсе, Дейр эз-Зоре, Деръа), восстановил и реставрировал шиитские святыни в Дамаске и Халебе. Так, в одном из кварталов Дамаска «аль-Аммара» в 100 м от мечети Омейядов, иранцы заново реставрировали «Сит Ракия», увеличив площадь этого святого для шиитов места до 4 тыс. м². В итоге Иран расширил географию паломничества в Сирии и увеличил число паломников³. В конце 2021 г. в Сирии

¹ В данном случае речь идет об оценке местным населением действий КСИР и шиитских милиций. Для углубленного понимания вопроса о времени появления суннитов и шиитов (алидов) и их противостоянии в правление трех праведных халифов (ок. 632–656 гг. н. э.) см.; Ан-Наубахти аль-Хасан ибн Муса. Шиитские секты / пер. с арабского, иссл. и комм. С. М. Прозорова. Москва: Изд-во «Наука». 1973; Al Samawi M. T. The Shi'a: The Real Followers Of The Sunnah. Translated by Hassan M Najafi. Ansariyan Publications. 2007. URL: <https://www.scribd.com/document/48784142/The-Shi-a-the-Real-Followers-of-the-Sunnah> (дата обращения: 29.03.2022).

² Особый архитектурный стиль строительства молитвенных домов, который стал практиковаться в Иране с XV в. в период расцвета династии Сефевидов. Сефевиды утвердили шиитское направление ислама в Иране. Название «аль-хусайнийя» связано с именем имама Хусейна (внука Пророка), павшего в боях с Омейдами при Кербеле (Ирак).

³ Нааие, А. Иран объявляет о возобновлении «религиозного паломничества» в Сирию. Почему сейчас? 2021.11.13. URL: [https:// www.arab_21.com/story/1397691/](https://www.arab_21.com/story/1397691/).(на араб. яз.).

был принят Закон № 28 об укреплении роли Высшего исламского совета (ВИС). Новый закон отменил 35-ю статью Закона № 31 от 2018 г., которая регулировала работу Министерства вакуфов в вопросах взаимодействия с институтом муфтията и порядком издания фетв. ВИС сильно ограничил права 4 суннитских мазхабов (ханбалитский, ханифитский, шафиитский, маликитский) на религиозную работу с населением и управление вакуфами¹. Как правило, вакуфная собственность в денежном выражении составляет весьма приличную сумму, не облагается налогом, находится за пределами контроля фискальных органов государства, имеет постоянный источник пополнения. Любой мусульманин может на определенных условиях передать все свое движимое и недвижимое имущество в вакуф, чтобы избежать светской системы налогообложения. При этом он сохраняет право распоряжаться своими средствами и приращивать их через гибкую систему исламских банков, отдавая часть дохода в вакуф (это весьма упрощенная авторская трактовка деятельности вакуфов — А. В.). Таким образом, материальная база сирийских суннитов, скрытая от контроля государственных органов, оказывалась серьезно подорванной. На законодательном уровне было решено, что только представители джа'афаритского² мазхаба имеют преимущественное право на принятие фетв и другие виды религиозной деятельности в САР, в том числе управление вакуфами. В новом законе было прописано, что сунниты больше не являются религиозным большинством в САР и ставятся в один ряд с другими конфессиями — алавитами, друзами, исмаилитами, шиитами, — которые перестают считаться религиозными меньшинствами. Неудивительно, что ряд авторитетных представителей суннитских общин на Ближнем Востоке были

¹ Муса, Мухаммед Хейр. Объявление шейха Усамы ар-Рифа'и муфтием Сирии: ответственность и последствия. Рассказ о борьбе за сирийский муфтият со времен Г.А. Насера до Башара аль-Асада. 21.11.2021, URL: <https://mubasher.aljazeera.net/opinions/> (на араб. яз.).

² Джа'афариты — последователи джа'афаритской (имамитской) религиозной школы. Названы по имени шестого имама шиитов-имамитов Джаафара ас-Садика (ум. 765 г. н. э.). Джа'афаритский мазхаб признан суннитами наряду с четырьмя другими. Сегодня джа'афаритского толка придерживаются все шииты-имамиты. Подробнее см.: Ислам: энциклопедический словарь. М., 1991.

склонны трактовать этот закон как несомненную победу шиитского Ирана, который еще до событий марта 2011 г. глубоко проник в систему шариатской юриспруденции и государственные институты САР, действующие в религиозной сфере типа министерства вакуфов¹. После принятия указанного закона любые законодательные действия в религиозной сфере стали осуществляться в соответствии с положениями шиитской доктрины Ирана. Прежде всего это затронуло систему управления вакуфной собственностью и работу с личными сбережениями мусульман. Новый закон не только укрепил позиции Ирана в религиозной сфере, но и легитимировал его работу по «шиитизации» сирийского населения². Конфессиональные особенности действий Ирана в САР имели глубокий политический контекст. Прежде всего Иран стремился продемонстрировать, что война в Сирии закончилась. Следовательно, присутствие там иностранных военных (шиитские милиции — не в счет) незаконно, а все переговоры о сирийском урегулировании теряют какой-либо смысл. Одновременно Тегеран укреплял законность своего присутствия в Сирии, в широких слоях сирийского общества. Сегодня сирийский социум пребывает в тяжелом положении. Образованный сирийский класс пытается обрести идейную основу для новой самоидентификации. Пользуясь этим, Иран использовал доверенных сирийских клириков, крупных строительных подрядчиков, серьезных дельцов в сфере торговли недвижимостью для продолжения процесса активной «шиитизации» населения столичных центров страны, главным образом Дамаска и его ближайших пригородов. Тегеран стремился мобилизовать широкие народные массы в свою поддержку, прежде всего молодежь, большинство которой было неграмотно. Иран использовал проверенные и наиболее доходчивые средства и методы. Это прежде всего религиозная пропаганда иранской версии ислама, тем более что ислам не поощряет, но и не запрещает переход из од-

¹ Clarke, Colin, and Phillip Smyth. The Implications of Iran's Expanding Shi'a Foreign Fighter Network // CTC Sentinel, 2017. Vol. 10, No. 10.

² Муса, Мухаммед Хейр. Объявление шейха Усамы ар-Рифа'и муфтием Сирии: ответственность и последствия. Рассказ о борьбе за сирийский муфтият с времен Г. А. Насера до Башара аль-Асада. 21.11.2021. URL: <https://mubasher.aljazeera.net/opinions/> (на араб.яз.).

ного в другой мазхаб (джа'афаритский, конечно). Созданные Ираном за последние несколько лет заделы в сирийском обществе гарантируют Тегерану сохранение его позиций в САР в случае эвентуальной смены власти в процессе мирного транзита¹. Использование фактора конфессиональной общности в ходе военной операции в Сирии сопровождалось определенными рисками для политики Тегерана. Подобный политический инструмент был эффективным, пока Тегеран мог управлять религиозными процессами в САР. В случае отказа механизма управления Иран рисковал сорвать всю свою военную операцию в Сирии и подорвать свои региональные позиции. Поддержка шиитских общин высвечивала Иран не столько как политического, сколько как религиозного актора на поле сирийского конфликта и в регионе в целом и подчеркивала опасность религиозного измерения сирийского кризиса. Согласно ряду иранских источников (требуют дополнительной проверки — А. В.) аятолла Хаменеи советовал сирийскому руководству минимизировать людские потери с обеих сторон. При этом рахбар подчеркивал, что молодые мусульмане из оппозиции могли быть введены в заблуждение такфиристскими фанатиками². В отличие от Сирии в Ираке Иран пытался привлечь на свою сторону часть суннитского населения для борьбы с «ИГ»³.

§ 5. Особенности взаимодействия ИРИ с курдами и шиитскими общинами Ирака

Курдский вопрос оказывал сильное влияние на характер ирано-иракских отношений. Иран имел давние отношения с иракскими курдами и нередко манипулировал ими в собственных интересах. Исторически курдский вопрос являлся постоянным раздражителем в ирано-иракских отношениях. Неустойчивость

¹ Hubbard, Ben, Isabel Kershner, and Anne Barnard, Iran, Deeply Embedded in Syria // New York Times, 19.02.2018. URL: <https://www.nytimes.com/>.

² Hamdani, Hossein. The beginning of the Syrian crisis according to the narrative of the martyr Hossein Hamdani. 26.12.2016 <https://fa.alalamtv.net/news/1902728/>. (на перс. яз.).

³ Coles, Isabel. Iran Supplied Weapons to Iraqi Kurds; Baghdad Bomb Kills 12 // Reuters. 26.08.2014. URL: <https://www.reuters.com/article/>.

внутреннего положения в Ираке в период между двумя баасистскими переворотами (1963 г. и 1968 г.) и непростые отношения с курдским и шиитским населением сказывались на отношениях с Ираном. После прихода к власти в Ираке в 1963 г. пронасеровских сил шиитское и курдское население Ирака было озабочено перспективой союза Ирака с Египтом. Опасаясь за безопасность своих территорий, Иран активизировал связи с этими группами населения в Ираке. Этот шаг Тегерана вызвал недовольство багдадских властей. Но после того, как стало ясно, что Ирак не будет объединяться с Египтом, курдское и шиитское население Ирака успокоилось. Это снизило степень напряженности в отношениях Ирана и Ирака. Иран нечасто использовал курдский фактор как инструмент своей политики в отношении Ирака. Однако к 1965 г. в Тегеране пришли к выводу о том, что Багдад не пойдет на компромисс без определенного давления. Некоторая дестабилизация внутреннего положения в Ираке могла отвлечь внимание багдадских властей и сделать их позицию более гибкой на переговорах с Ираном¹. В результате переворота 1968 г. к власти в Ираке пришли баасисты во главе с С. Хусейном, который в 1975 г. стал президентом страны. Новая иракская власть отличалась крайне националистическими взглядами. Иракский лидер был настроен решительно. Он заявлял о своих стремлениях возглавить весь арабский мир, взять под контроль всю территорию Персидского залива. Одновременно С. Хусейн искал сближения с СССР, чтобы обеспечить свою армию современным вооружением. Подобное сочетание идеологических установок и политических устремлений новых властей Ирака вызвало серьезные опасения в Тегеране. Подписание в 1972 г. советско-иракского договора о дружбе и начало поставок советского вооружения в Ирак, усилили беспокойство Ирана за свою безопасность. В Ираке опять активизировалась антииранская деятельность, был образован «Демократический Фронт Освобождения Ахваза», вновь обострилась проблема трех островов. В 1971 г. Иран в рамках договоренностей с Великобританией и арабскими монархиями занял два острова (Большой и Малый

¹ См.: Вертяев К. В., Иванов С. М. Курдский национализм. История и современность. М.: Ленанд, 2015.

Томб). Остров Абу Муса находился в совместном управлении Ирана и эмирата аш-Шарджа. В ответ Ирак разорвал дипломатические отношения с Ираном¹. В этих условиях Иран решил разыграть курдскую карту против Багдада. Это совпало с действиями США и Израиля по поддержке курдских повстанцев Ирака. В марте 1970 г. С. Хусейн подписал договор с одним из курдских лидеров М. Барзани, известный как «Мартовский манифест». Курдам была обещана частичная автономия и вхождение курдских представителей в органы управления. Со своей стороны курды обещали сделать свои вооруженные отряды частью иракских Вооруженных сил и прекратить контакты с Ираном, однако иракские власти не выполнили своих обещаний. Вместо этого Багдад стал проводить политику насильственной арабизации и переселения курдов в другие районы, замещая их арабским населением. Это привело к возобновлению вооруженных столкновений с курдскими повстанцами². В 1973 г. Ирак возобновил дипотношения с Ираном. Однако требования Ирака о возврате к договору по Шатт эль-Араб 1937 г. не были приняты Ираном. В конечном итоге в 1975 г. при посредничестве Алжира Ирак и Иран подписали договор по Шатт эль-Араб в соответствии с требованиями Ирана. Иран прекратил поддержку иракских курдов. После операции США («Буря в пустыне») в 1991 г. Иран осудил создание курдской автономии в Ираке из-за опасений, что в дальнейшем это может привести к созданию государства Курдистан, включающего его территории³. После свержения режима С. Хусейна в Ираке в 2003 г. в Иране были сильны опасения, что курды могут использовать сложившуюся ситуацию для создания собственного государства и тем самым включить механизм дезинтеграции Ирака. Правительство в Эрбиле и в целом иракские курды были враждебно настроены в отношении Ира-

¹ См.: Степанова Н. В. История Ирака. XX век. М., 2016.

² Наумкин В. В. Курдская головоломка Ближнего Востока (На примере Ирака) // Мировая экономика и международные отношения РАН. 2019. Т. 63, № 5. С. 76–87.

³ Parasiliti, A. T. Iran and Iraq: Changing relations and Future Prospects // In Amirahmadi Houshang, and Nader Entessar, eds. Iran and the Arab World. New York: St. Martin's Press, 1993.

на. Так, иракский министр иностранных дел Х. Зибари (2003–2014), курд по национальности, заявил, что Ирак не примет Алжирские соглашения. Деятельность курдских сепаратистов Ирана с баз на территории Ирака нередко приводила к обострению отношений Багдада и Тегерана. Настойчивые попытки иракских курдов добиться создания государства способствовали сближению позиций Ирака и Ирана. Когда в сентябре 2017 г. М. Барзани призвал к референдуму о независимости Курдистана, Иран выступил на стороне Багдада и закрыл границы с Иракским Курдистаном. В Багдаде и Тегеране были сильны опасения, что в случае полного вывода американских войск из Ирака курды могут использовать сложившуюся ситуацию для создания собственного государства. В результате мог включиться механизм дезинтеграции Ирака и соседних ближневосточных стран. В отличие от ряда арабских государств и США, которые спокойно относились к подобной перспективе, Иран последовательно выступал за сохранение территориальной целостности Ирака. Это было одной из причин того, что Ирак не стремился к обострению отношений с Ираном. Настойчивые попытки иракских курдов добиться создания собственного государства способствовали сближению позиций Ирака и Ирана. Важным фактором, повлиявшим на решение Ирана укрепить иракскую государственность, стал проведенный иракскими курдами в 2017 г. референдум о создании независимого государства. Иран был крайне разочарован таким поворотом событий¹. Тегеран приложил все усилия к тому, чтобы не допустить отделения Иракского Курдистана в качестве самостоятельного государства. Накануне референдума по отделению К. Сулеймани встретился с М. Барзани и убедил его не торопиться выносить данный вопрос на всеобщее голосование. Когда же М. Барзани нарушил данные К. Сулемани обещания, Тегеран использовал сил². Под-

¹ Adelkhah, Nima. Iranian Intervention in Iraq Against the Islamic State: Strategy, Tactics, and Impact // *Terrorism Monitor*. Vol. 13, No. 2, 23.01.2015; Arango, Tim, and Thomas Erdbrink, U. S. and Iran Both Attack ISIS, but Try Not to Look Like Allies // *New York Times*, 03.12.2014. URL: <https://www.nytimes.com/>.

² См.: Жигалина О.И. Мулла Мустафа Барзани. Исторический портрет. М., 2013.

разделения КСИР при поддержке полков «Артеш» блокировали курдские районы Ирана, приграничные Ираку, чтобы не допустить контактов курдского населения двух стран. Иран вынужден был использовать ракетное оружие и БПЛА¹. Как и в случае с курдскими организациями, Иран использовал свои связи с шиитскими общинами Ирака как в интересах поддержки центральной власти Багдада, так и для ослабления ее. Такая двойственная политика имела неоднозначные результаты для позиций Ирана в Ираке. Шиитская община Ирака не являлась единой. Исторически связь большинства иракских шиитов с Ираном обуславливалась несправедливым отношением к ним иракских властей. Эта практика достигла своего пика во времена правления С. Хусейна. Иракские шииты подвергались гонениям со стороны баасистских бюрократов, которые являлись суннитским большинством во власти. В условиях правительства шиитского большинства нужда в поддержке Ирана стала ослабевать. Шиитская община Ирака была разделена по линиям принадлежности ее членов к тем или иным теологическим школам, видам профессиональной деятельности и характеру экономических предпочтений, религиозных и политических взглядов, лояльности различным духовным лидерам². Многие иракские шииты светской ориентации были более привержены принципам иракского национализма, чем религиозной идее. В прошлом многие из них симпатизировали идеям социализма. Некоторые духовные лидеры иракских шиитов (М. аль-Садр, например) использовали антииранские настроения для достижения определенных политических целей, разыгрывая карту арабского национализма. В проведении своей политики в Ираке Иран был вынужден учитывать соперничество между шиитскими лидерами Ирака и расхождения доктринального характера между ними. Аятолла Абуль Касем Хои не являлся поклонником имама Хомейни. Его сторонники и последователи были настроены против Ирана и исполь-

¹ Details of the Guards Corps exercise in the western borders of the country. 24.09.2017. URL: <https://www.tasnimnews.com/> (на перс. яз.).

² Филин Н. А., Пилюн М. Г. Аятолла Али Систани: новые возможности старой школы шиитского религиозного наставничества // Общенациональный научно-политический журнал «Власть». 2015. No 2. С. 133–137.

зовали антииранскую карту для налаживания связей с США после американского вторжения в Ирак. Аятолла Систани был известен своими доктринальными расхождениями с имамом Хаменеи и его концепцией исламской республики. Аятолла М. ас-Садр придерживается антиамериканских взглядов. Когда американцы закрыли его печатный орган «аль-Хавза» в 2004 г., его сторонники и милицейские формирования (аль-Махди) устроили беспорядки в Багдаде. У М. Садра сложились напряженные отношения с другими аятоллами — М. Хои и Бакир Хакимом. Среди шиитских группировок Иран имел близкие связи с Высшим Советом исламской революции в Ираке (ВСИРИ) во главе с аятоллой М. Б. Хакимом, а после его кончины — с его родственниками (братом и племянником). Однако семейство аль-Хаким нельзя было назвать последовательными сторонниками Ирана. Они самостоятельно вели дела с арабскими странами и США, а Иран использовали в своих политических целях. Аятолла Систани являлся сторонником старой шиитской школы и не поддерживал участие духовенства в политике, как это практикуется сегодня в Иране¹. Расхождения в шиитской общине Ирака затрудняли Ирану процесс выстраивания отношений с иракскими шиитами как единой структурой. Попытки Тегерана управлять ею были чреваты осложнением отношений с шиитами Ирака. Иран практически не имел никаких серьезных связей с иракскими суннитами, поэтому Тегеран не мог в полной мере управлять политическим процессом в Ираке². Сохраняющийся раскол внутри шиитской общины Ирака и ее духовных лидеров оказывал влияние на политику Ирана в Ираке. Поддержка шиитских общин Ирака могла повысить авторитет Тегерана как надежного брокера в разрешении внутрииракских конфликтов³. Под руководством К. Сулеймани иранские силы выполняли ко-

¹ Мамедов Р.Ш. Формирование политической элиты современного Ирака: американский и иранский факторы // Международная жизнь. 2019. No 11. С. 58–65.

² Falih H., Rod N. Surprise: Alliance in Iraq Unites a U.S. Friend and Foe // New York Times. 24.06.2018.

³ См.: Nader, Alireza. Iran's Role in Iraq: Room for Cooperation? Santa Monica, Calif.: RAND Corporation, PE-151-OSD, 2015. URL: <https://www.rand.org/>.

ординирующую и управляющую роль в совместных операциях курдов, иракской армии и шиитских милиций в борьбе с «ИГ». Такая политика ИРИ имела свои издержки. Несмотря на приложенные усилия, Иран так и не смог установить прочных контактов с суннитской общиной Ирака, в глазах которой он воспринимался как конфессионально ориентированное государство и не пользовался их доверием и поддержкой¹. Использование Ираном этнических и конфессиональных сообществ Ирака привело к неоднозначным последствиям. Часть политических сил почувствовали силу и решили добиться независимости и самостоятельности. Это угрожало позициям ИРИ в Ираке, нарушало установку на сохранение территориальной целостности Ирака как гарантию национальной безопасности Тегерана. Несмотря на то, что численность иранских резидентов в Ираке заметно выросла в период с 2003 по 2014 г., связи Ирана с шиитскими общинами Ирака стали постепенно ослабевать. Доля иракских шиитов, которые считали Иран надежным партнером, сократилась с 76 до 43% между 2015 и 2018 г.; число иракских шиитов, которые позитивно относились к Ирану, также упало с 88 до 47% в указанный период. Одновременно выросла доля тех шиитов, которые считали Иран угрозой иракскому суверенитету, с 25 до 58% между 2016 и 2018 г.² Возможно, в будущих военных кампаниях Тегеран будет осмотрительней использовать религию как инструмент политики.

¹ Ariane M. Tabatabai and Dina Esfandiary. Cooperating with Iran to Combat ISIS in Iraq // *Washington Quarterly*. 2017. Vol. 40, No. 3.

² Al-Dagher, Munquith. Iran's Influence in Iraq Is Declining: Here's Why // *Washington Post*. 16.11.2018.

Глава IV

Основные итоги военной операции ИРИ в Сирии и Ираке: внутренние и геополитические измерения

Иран сегодня играет ключевую роль в событиях на Ближнем Востоке. В ряде стран ИРИ пытается силовым образом определять ключевые внутренние и внешние процессы развития. Правящий в Иране режим стремится подтвердить свою жизнеспособность и доказать универсальность созданной системы правления. Военно-политическое руководство страны демонстрирует успешность развития Исламской Республики Иран (ИРИ). Тегеран доказывает устойчивость исламской модели и демонстрирует возможность ее развития в новых международных условиях на Ближнем Востоке. Характер политики Ирана на Ближнем Востоке определялся арабо-иранским историческим наследием и особенностями развития внутривластной системы страны после исламской революции 1979 г. в Иране. С другой стороны, силовая политика ИРИ на Арабском Востоке оказывала определенное влияние на внутривластную обстановку в ИРИ, развитие политической системы, ситуацию внутри властных структур, состояние иранского общества. Изучение феномена иранской модели государственного устройства и анализ эволюции политической системы в условиях кризиса в САР могут помочь вычислить алгоритмы иранской политики в регионе.

1. Внутренние императивы силовой политики ИРИ на Ближнем Востоке

Арабизация и исламизация Ирана в ходе арабских завоеваний (642 г. н. э.) привела к серьезной трансформации государственного устройства страны. После арабских завоеваний природа арабской угрозы Ирану кардинально изменилась. Речь шла не только о подчинении власти завоевателей, но и о культурной и религиозной трансформации иранского социума¹. Последствия арабизации Ирана сказываются до сих пор, особенно после исламской революции 1979 г., породившей в иранском социуме острые споры об арабизации и исламизации Ирана. Исламизация Ирана коренным образом изменила культуру и самоидентификацию населения страны². После арабских завоеваний Иран утратил независимость, а его население было вынуждено покориться арабам. Это оставило глубокий след в иранском национальном самосознании и генетическом коде, и естественно, не могло не оказать влияния на современное состояние арабо-иранских отношений. Произошедшие в результате исламизации изменения в Иране привели к цивилизационному разрыву в развитии иранского общества, его культуре, идеологии. В сознании иранцев и их самоидентификации появился определенный элемент двойственности, полярности с двумя противоположными началами. Одно базировалось на культурной доисламской традиции. Другое направление сформировалось на основе трансформаций, вызванных арабскими завоеваниями. Такая дихотомия проявилась особенно ярко после революции 1979 г. когда вопросы самоидентификации стали тесно переплетаться с вопросами власти и безопасности. Глубокая вовлеченность Ирана в арабскую политику отражала влияние ислама на самоидентификацию иранского общества после исламской революции. Концепция «иранизма» (иранийят) как обозначение территориальной, культурной и политической принадлежности

¹ См.: Arab-Iranian Relations / ed. by Haseeb Khair el-Din. Beirut: Center for Arab Unity Studies. 1998.

² Khesroshahi H. Mutual Awareness between Arabs and Iranians. Arab-Iranian Relations. London, 2015.

к иранской нации стала важным элементом в обретении нового мироощущения и самоидентификации иранцев¹. Сегодня многие иранцы практикуют поведенческий стереотип, основанный на эндогенной культуре и традициях, особом чувстве национального превосходства. Подобная поведенческая модель уходит своими корнями в так называемую «народность» (шу'убийя) — некую разновидность культурного партикуляризма, противостоящую исламскому универсализму династии Омейядов (661–750 г. н. э.)². Начиная с династии Саффаридов (871–900 гг. н. э.), возникло стремление к самостоятельности в управлении Ираном³. Некоторые иранцы добились высоких постов в политической и административной системе при Аббасидах (749–1258 гг. н. э.). Они курировали искусства и науку, инициировали издание многочисленных книг. Значительное число научных и философских трактатов было создано иранскими учеными. Многие из них писали по-арабски⁴. По мнению ряда иранских историков, основным наследником культурных ценностей Сасанидов (224–651 гг. н. э.) стал ислам. Арабы несли ислам в другие страны, а вместе с ним и наследие империи Сасанидов⁵. Последствия арабских завоеваний Ирана до сих пор влияют на арабскую политику ИРИ. Националистически настроенная и светски ориентированная часть иранского социума действительно сожалеет о случившемся, в то время как религиозный истеблишмент и в целом духовенство Ирана приветствуют арабские завоевания, которые принесли ислам в Иран. Примером может служить название Персидского залива, к которому иранцы очень ревностно относятся⁶. Возникшие взаимное недоверие и подозри-

¹ Hunter S. T. *Iran, Islam and the Struggle for Identity and Power in the Islamic Republic of Iran*. Georgetown, 2014.

² Tehrani J. *Shu'ubiyya: Independence Movements in Iran* [Persian Edition: Create Space Independent Publishing Platform, 2014 (на перс. яз.).

³ Заходер Б. Н. *История Восточного Средневековья (Халифат и Ближний Восток)*. М., 1944. С. 55–57.

⁴ Yarshater E. *The Persian Presence in the Islamic World*. Cambridge, 1988.

⁵ См.: Girshman R. *L'Iran: Des origines a L'Islam*. Paris; Payot, 1951.

⁶ Jafri H. M. *Origins and Early Development of Early Islam*. London, 1979.

⁶ Tehrani J. *Shu'ubiyya: Independence Movements in Iran* [Persian Edition: Create Space Independent Publishing Platform, 2014 (на перс. яз.).

тельность в отношении друг друга нередко проявляются сегодня в оскорбительном тоне в прессе и литературе у части арабского и иранского населения¹. Арабизация и исламизация Ирана породили у части арабского и иранского населения взаимные обвинения в расовом превосходстве. Иранцев оскорбляет то, что арабы ко всему имеющему отношению к исламу применяют арабскую суть, арабы обвиняют персов в негативном влиянии на исламскую цивилизацию. Они считают, что привнесенные персами практики администрирования из империи Сасанидов подорвали первоначальный демократический дух ислама и изменили структуру управления халифатом на имперский лад. Другие арабские клирики считают, что персы намеренно, внедрились в исламское вероучение ряд «вредных» принципов зороастризма, тем самым исказив первоначальный смысл Корана и веры в стремлении подорвать ислам. Они также обвиняют иранцев в привнесении неортодоксальных практик в ислам, таких как суфизм². Исламизация породила ряд общих культурных черт между арабами и персами. Однако общая приверженность исламу не смогла стать основой длительной дружбы между Ираном и арабскими странами. Более того, религиозная общность порождала соперничество за первенство в исламском мире. С распространением шиизма в Иране этнические и культурные противоречия между арабами и иранцами усилились. Шиизм утвердился в качестве господствующей религии в Иране после прихода к власти династии Сефевидов в 1501 г.³ Ряд доисламских обычаев персов был освящен шиизмом, и это заставляет сегодня некоторых иранских клерикалов утверждать, что шиизм есть не что иное, как видоизмененная древняя доисламская вера персов⁴. В результате превращения Ирана

¹ Yarshater E. The Persian Presence in the Islamic World. Cambridge, 1988.

² См.: Al Bashir M. W. Islamic Sufism: Origins, influences and rules. Kan Historical Periodicals. 33. 2017. URL: <https://platform.almanhal.com/>. (in arabic); Al Zahed S. Hatred of Arabs Deeply Rooted in Persians, Says Iranian Intellectual // Al Arabiya News. 09.09.2011. URL: <https://www.alarabiya.net/articles/> (in arabic).

³ Заходер Б. Н. История Восточного Средневековья (Халифат и Ближний Восток). М., 1944. С. 143–150.

⁴ Jafri H. M. Origins and Early Development of Early Islam. London, 1979.

в альтернативный центр ислама, соперничество между иранцами и арабами только усилилось. Развитие шиизма в Иране привело к тому, что в спектре взаимодействия Ирана с арабами и турками появился новый оттенок в виде конфессионального соперничества. Стремление Ирана играть важную роль в исламском мире, оставаясь при этом независимым и самостоятельным в религиозном отношении, не могло не раздражать арабов, гордившихся своей уникальной ролью в возникновении ислама. Постепенно такие понятия, как «арабизм» и «иранизм», «шиизм» и «суннизм» приобрели антагонистический характер. После обретения независимости в политических системах арабских стран и Ирана превалировали светские и националистические элементы, что сдерживало роль конфессионального фактора. Учитывая тот факт, что иранцы сохранили культурную и языковую самостоятельность, Иран на основе шиизма стал превращаться в альтернативу суннитскому большинству арабского мира. В результате арабо-иранское соперничество только усилилось. После исламской революции 1979 г. оно обрело новое религиозное измерение. Одной из причин растущей в последние десятилетия враждебности между Ираном и арабами служат различия в их подходах к национализму как основе строительства современного типа государства. Иранский национализм носил «охранительный» характер, он противостоял угрозе растущего арабского и турецкого экспансионизма, претендующего на часть территории Ирана под предлогом объединения арабских или турецких земель. Центральной установкой иранского национализма как политической идеологии была концепция «иранских земель» («Иран замин»). Она носила не только земляческий характер, но и отличалась культурными коннотациями. С точки зрения иранских националистов, любое место, где доминирует иранская культура и говорят на фарси, даже если оно управляется не иранцами, может считаться «Иран замин». Акцент на персидском характере иранского национализма мог оттолкнуть от власти национальные меньшинства. Поэтому власть прежде всего делала упор на «иранизм» как основу единой иранской нации. Сасанидская концепция «Eranshahr» (Eran=Iran) означа-

ла единство земли и империи¹. Такой подход в корне отличался от практик арабского национального движения, в котором левые и социалисты стали ярыми сторонниками панарабизма. В Иране правящий режим и духовенство рассматривали Иран как культурный и исторический конструкт шиитского толка ислама, соперничавшего с ортодоксальным исламом. В арабских странах и Турции ислам и этнический национализм усиливали друг друга. Иными словами, в арабских странах ислам служил объединительным целям национализма, а национализм помогал решать задачи панисламизма. В Иране же существовала дихотомия между национализмом и исламом. Она придавала иранской внешней политике двойственный и противоречивый характер. Это стало особенно заметным после исламской революции в Иране и попыток практически реализовать тезис об экспорте исламской революции в рамках активизации иранской политики в арабских странах Ближнего Востока². Несмотря на атаки духовенства на Иран как национальный, культурный, исторический конструкт, иранский национализм сохранял прочные позиции. Иранская национальная символика выжила и сохраняется до сих пор. В последние три десятилетия, особенно после ирано-иракской войны, даже клерикалы были вынуждены признать национализм как полезный инструмент в борьбе с противниками Ирана. Большинство арабских стран с недоверием относились к Ирану с точки зрения его претензий на «исламскую миссию», испытывали подозрения в отношении иранского национализма и опасались его политических амбиций. Шиитский партикуляризм Ирана также усиливал подозрения арабов в отношении ИРИ, несмотря на то что иранский режим пытался придать революции общий исламский характер, чтобы не дать представить ее как шиитский феномен. В этой связи некоторые арабские клерикалы нередко именовали иранцев «рафидун» (отрицание первых трех праведных халифов. — А. В.) и считали, что

¹ См.: Amanat A. and Vejdani F. *Iran Facing Others: Identity Boundaries in Historical Perspective*. New York: Palgrave. McMillan, 2012.

² См.: Hunter, S. T. *Iran Divided: The Historical Roots of Iranian Debates on Identity, Culture and Governance in the 21st Century*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2014.

Иран проводит националистическую и экспансионистскую политику под знаменем ислама¹. В 2000-х годах провал светского проекта развития в арабском мире привел к его замещению идеями «исламизма». Вызванные «Арабской весной» вооруженные конфликты на Ближнем Востоке имели в последние десятилетия тенденцию к обострению и усилению религиозной составляющей. В этих условиях исторически сложившееся соперничество и различия этнического и конфессионального характера между Ираном и арабскими странами вылилось в форму острого вооруженного противоборства. В Иране новая региональная ситуация привела к изменениям в механизме власти, системе государственного управления, армии и органах безопасности, где возобладали сторонники жесткой линии и радикальные клерикалы. Политизация шиитского духовенства Ирана начала явно проявляться с середины XIX в. Духовенство сыграло важную роль в Конституционном движении 1905–1911 гг. в Иране. Именно в этот период были предприняты попытки адаптировать идейно-нормативную базу ислама к требованиям современного общественного развития. 1950–1960-е годы стали периодом расцвета исламской политической мысли в Иране. Религиозные и светские идеологи, разделявшие идеи религиозного модернизма (аятоллы Р. Хомейни, А. Табатабаи, С. М. Талегани, М. Мотакхари, М. Бехешти, М. К. Шариатмадари, а также А. Шариати, М. Базарган и др.), вырабатывали религиозную идеологию, которая впоследствии легла в основу исламской революции. Тезис о неразделимости ислама и политики становится базисом этой концепции². Параллельно с выработкой идейной концепции исламского движения начинается деятельность по созданию организационной структуры духовенства. В 1973 г. по инициативе улемов Кума было создано Общество борющегося духовенства Тегерана (ОБД). Среди его организаторов выделялись А. Хамейни, А. А. Хашеми Рафсанджани, М. Мотакхари, М. Бехешти

¹ См.: Алиев С. А. К национальному вопросу в современном Иране // сб. Краткие сообщения Института народов Азии. М., 1964.

² Доктрина исламской революции. Избранные мысли и взгляды имама Хомейни. М.: Научная книга, 2015. С. 85.

и др¹. Постепенно А. Хомейни трансформировал традиционные представления о власти. Он ввел понятия «исламская республика» и «исламское народовластие». Базовым принципом иранской модели исламского государства стал принцип «веляят-е факих», т. е. руководство обществом и государством со стороны наиболее знающего и почитаемого богослова-правоведа². Исламская республика как цель исламской революции представляла собой новую модель государственного устройства, сочетавшую в себе республиканские принципы и исламскую сущность³. Конституция страны сформулировала принципы политического устройства исламской республики и закрепила исламские нормы организации общества. В модели иранского государства присутствуют и либерально-демократические элементы. Конституция провозгласила принцип разделения властей. Высшим органом законодательной власти страны является однопалатный парламент — Собрание народного совета, или меджлис. Деятельность меджлиса осуществляется под контролем Наблюдательного совета, что в определенной степени ограничивает его потенциал. Во главе исполнительной власти стоит президент, избираемый всеобщим голосованием на четыре года, и он не может занимать этот пост в течение более чем двух сроков. Президент — высшее после рахбара официальное лицо в стране. Система государственного устройства ИРИ представляла собой сложный симбиоз из элементов теократии и республики, где превалирует ислам. Различные религиозные, военные и гражданские организации активно участвуют в системе выработки решений. Но их возможности серьезно ограничены на этапе принятия решений. Как правило, последнее слово остается за духовным лидером. Одновременно были созданы специальные институты мобилизации масс и подавления инакомыслия — КСИР и Басидж (народная милиция). К середине 1980-х годов духовенство сумело установить практически полный контроль над

¹ Дараби А. Политические течения в современном Иране. Тегеран. Исследовательский центр культуры и научной мысли, б. г. (на перс. яз.).

² Banani, Amin. The Modernization of Iran. Standford, Calif, 1961.

³ Лукоянов А. К. Исламская революция. Иран — опыт первый. М.: Май-принт, 2015. С. 61–73.

политической жизнью страны, и ислам стал системообразующим элементом властной конструкции. Таким образом, после исламской революции в Иране была создана новая модель государственного устройства. Она базировалась на религиозной доктрине особого характера с учетом иранской специфики шиитского вероучения. Выстроенная властная конструкция сочетала в себе признаки демократии, воплощенной в деятельности, по сути, фасадных управленческих структур (парламент, правительство). В то же время основной механизм принятия решений оставался в руках военных и клерикалов¹. Первые два десятилетия XXI столетия оказались весьма бурными и неоднозначными для развития политической системы Ирана. Арабские восстания 2010–2011 гг. и предшествовавшие им события в Иране 2009 г. заставили иранских правителей обратить серьезное внимание на развитие и совершенствование системы управления страной и обществом. Несмотря на явные успехи Ирана на внешнеполитическом поприще, внутреннее положение страны хотя и остается стабильным, но периодически подвергается испытаниям на прочность. В 2018 г. по Ирану прокатилась волна выступлений и демонстраций, на которых звучало недовольство экономической ситуацией в стране и снижением уровня жизни². Значительная часть религиозно-политической элиты осознает необходимость кардинальных преобразований ради выживания исламской республики. Но она не готова принять тот факт, что духовенство не должно управлять обществом, и допустить секуляризацию режима. К тому же позиции радикального духовенства, которое пользуется поддержкой армии и органов безопасности, чрезвычайно сильны в условиях активных военно-политических действий, которые Иран предпринимает в странах Арабского Востока и Персидском заливе. Некоторая «ограниченность» исламской идеологии в плане развития новых институтов государства и реформирования старых вынуждала иранские власти терпимее относиться к национализму как бо-

¹ Hunter, Shireen T. Arab-Iranian Relations. Dynamics of Conflict and Accommodation. London–New York, 2019.

² Mashaei Opened the Tasks of Ahmadinejad's Mission: to Bring the Regime to a Revolutionary Situation. URL: <http://www.tabnak.ir/> (на перс. яз.).

лее гибкому инструменту реформ. Несмотря на критику национализма со стороны духовенства¹, в современном иранском социуме сформирован запрос на развитие иранизма, национализма как основы иранской идентичности и альтернативы исламу. Иными словами, в Иране сохранилась возможность возрождения национализма как основы новой политической идеологии². Однако, как показал опыт ИРИ, ограничение ислама национализмом не способствовало развитию дружеских связей между арабами и иранцами. Особенности политической системы ИРИ не могли не сказаться на внешней политике Ирана и ее особом характере, который ярко проявился в арабских государствах Ближнего Востока, прежде всего в Сирии, Ираке, Ливане, Йемене. В условиях арабо-иранского противостояния традиционные различия в этническом и религиозном отношениях превратились в вопросы национальной безопасности и сохранения целостности государства. Одним из политических инструментов ИРИ на Арабском Востоке стала политика «мягкой» силы, в рамках которой удачно сочетались и дополняли друг друга силовые и гуманитарные аспекты. В условиях обострения идеологической борьбы внешнеполитические акции ИРИ, выстраиваемые на основе артикуляции актуальных чаяний и озабоченностей части населения стран-объектов влияния, воспринимались в контексте «мягкого» или гуманитарного воздействия. Одновременно происходило наращивание силовой составляющей во внешней политике Ирана. Особенно ярко это проявилось в прямой вовлеченности Ирана в вооруженные конфликты в ряде арабских стран. Вооруженное вмешательство ИРИ в САР и Ирак сочеталось с элементами гуманитарной дипломатии. Поддержка ИРИ шиитских милицейских формирований, особенно в интересах борьбы с «ИГ», воспринималась частью местного населения в гуманитарном аспекте и являлась инструментом «мягкой силы». Парадоксально, но военная кампания ИРИ в САР

¹ См.: Enayat. H. *Iran and the Arabs. Arab nationalism and a Wider World*. Ed. Sylvia Haim. New York: American Association for the Peace in the Middle East, 1971.

² См.: Hunter, S. T. *Iran Divided: The Historical Roots of Iranian Debates on Identity. Culture and Governance in the 21st Century*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2014.

и в Ираке обеспечила качественные сдвиги в «гуманитарной» дипломатии ИРИ балансирующей на грани «жесткой» и «мягкой» силы.

2. Эволюция военной доктрины ИРИ

В последние десятилетия в региональных и международных военных кругах в отношении ИРИ и его Вооруженных сил сложился определенный стереотип. Действительно, со времени исламской революции 1979 г. Иран практически не использовал свои Вооруженные силы за рубежом. С середины 1980-х годов военная доктрина ИРИ претерпела важные изменения в условиях исламского правления. Это касалось вероятного ответа на развитие враждебных ИРИ процессов, которые подрывали ее революционную исламскую идеологию. Это войны в Персидском заливе, вторжение США в Афганистан и Ирак. Последствия событий «Арабской весны», кризис в САР и мятеж «ИГ» в Ираке внесли коррективы в военную доктрину ИРИ. Стратегический ответ на подобные угрозы включал в себя несколько вариантов, наряду с основными положениями о порядке действий иранских Вооруженных сил для достижения поставленных задач. Центральное место в современной военной доктрине ИРИ стало отводиться использованию баллистических ракет, ведению асимметричных войн. Появились новые понятия типа иранская стратегическая глубина, проекция силы, общественная мобилизация. Порядок организации ВС ИРИ, определенный в 1992 г., отражал широту планов иранской военной стратегии. В его основе лежали географические факторы, людской потенциал, ценностная сущность революции. Модифицированная военная стратегия ИРИ строилась на принципах революционной идеологии, на основе ислама и патриотизме. Одним из столпов иранской военной доктрины являлся принцип верховенства *веляйте-факих*. Он предполагал подчинение духовенству основных институтов государства, в том числе и силовых структур¹. Вооруженное вмешательство ИРИ в Ирак и САР отвечало основным

¹ Steven R. Ward. The Continuing Evolution of Iran's Military Doctrine // Middle East Journal, 2005. Vol. 59, № 4.

направлениям иранской военной доктрины, и было обосновано рядом соображений политического характера: спасение основных институтов государства от разрушения, сохранение власти Б. аль-Асада, противодействие суннитскому вооруженному сопротивлению, прежде всего «ан-Нусре» и «ИГ», представлявших угрозу сохранения территориальной целостности Ирака, САР, Ливана. Вооруженная иранская операция в Сирии и Ираке имела стратегическую глубину. Сохранение единства Ирака решало задачу расширения проекции силы в Леванте, особенно в Сирии как связующем звене между ИРИ и Ливаном¹. Основываясь на этих положениях, основными врагами ИРИ становились США и Израиль. На первом этапе сирийских событий и до мятежа «ИГ» в 2014 г. Иран придерживался прежней оборонительной доктрины². Несмотря на усиление военного присутствия ИРИ в САР и в Ираке, Иран следовал принципу адекватного ответа в соответствии с установками рахбара. В конечном итоге это привело к появлению нового принципа действий ИРИ в САР и Ираке на основе тактики «упреждающей обороны»³. Иран рассматривал события в САР и в Ираке как угрозу исламскому сопротивлению и усиление позиций США, Израиля, арабских монархий Персидского залива. В Сирии Иран использовал опыт действий в Ираке после 2003 г. — это поддержка милицейских формирований против США, их подготовка, скрытое участие иранских военных. Основной задачей ставилось сделать операцию США в Ираке высокзатратной и создать максимальные затруднения американским войскам в удержании позиций. Тегеран таким образом стремился предотвратить возможность атак США на Иран после уничтожения талибов на востоке и С. Хусейна на западе⁴. В отличие от Сирии Иран не планировал военных акций в Ира-

¹ Ali Ansari et al., *Understanding Iran's Role in the Syrian Conflict*. London: Royal United Services Institute, 2016.

² The Change in Iranian Military Doctrine during the Syrian War. 01.07.2018. (на иран.яз.).

³ Hamidreza Azizi. The Concept of 'Forward Defence': How Has the Syrian Crisis Shaped the Evolution of Iran's Military Strategy? // The Geneva Centre for Security Policy. 2021.

⁴ The Change in Iranian Military Doctrine during the Syrian War. 01.07.2018. (на перс. яз.).

ке против США в силу общей границы с Ираком и неготовности ИРИ вести полномасштабную войну с США¹. В САР Иран придерживался принципа стратегической глубины нанесения ударов по целям вдали от иранских границ. В этих целях упор делался на использование религиозных факторов и культурного воздействия на местное население для реализации поставленных задач². Иран считал САР своей стратегической глубиной. Об этом не раз говорил рахбар³. Данная установка воплотилась в создании и поддержке многочисленных шиитских милиций⁴. Военная стратегия ИРИ в САР и в Ираке менялась по мере развития событий. На первых этапах войсковой операции Иран ограничивался политической поддержкой режима, оказывал финансовую помощь и обеспечивал собственную безопасность. Потом Иран направил войска КСИР и «Артеш». С учетом слабости сирийской и иракской армий Иран стал создавать милиции. В итоге Тегеран опутал сирийскую и иракскую территории шиитскими милицейскими формированиями. Наиболее боеспособные вооруженные формирования в САР были представлены «Местными силами обороны» под контролем КСИР, «Силами национальной самообороны» под руководством «Хезболлы», «Силами национальной обороны» под совместным управлением КСИР и «Хезболлы»⁵. После исламской революции Иран использовал шиитскую идеологию как основу индокринации военных и мобилизации гражданских кадров⁶. Вербовка иностранных наемников строилась на религиозном принципе защиты шиитских

- ¹ Kimberly Kagan. Iran's Proxy War against the United States and the Iraqi Government // Institute for the Study of War, 20.08.2007.
- ² Hamidreza Azizi. The Concept of 'Forward Defence': How Has the Syrian Crisis Shaped the Evolution of Iran's Military Strategy? // The Geneva Centre for Security Policy, 2021.
- ³ Ayatollah Ali Khamenei. Syria and Iran are forming strategic depth for each other. 18.02.2007 (in arabic).
- ⁴ Navvar Saban. Factbox: Iranian Influence and Presence in Syria // Atlantic Council, 05.11.2020.
- ⁵ Ad-Dasuki Aiman. Role of the Foreign and Sectarian Militias in the Syrian Military Organization Omran for Strategic Studies. 04.06.2019 (in Arabic).
- ⁶ Ardalan Rezamand, "Use of Religious Doctrine and Symbolism in the Iran-Iraq War // *Journal of the Centre for Studies in Religion and Society Graduate Students Association*, 2010. Vol. 9, № 1.

святынь в Ираке и САР с элементами исламской и шиитской символики¹. Это привлекло в САР и Ирак большое число радикальных сил². Постепенно Иран организовал эти радикальные силы под командованием корпуса «аль-Кодс», что позволило ограничить использование элитных сил типа КСИР в выполнении «непопулярных» задач³. Иранская военная доктрина не ограничивалась ведением обычной войны. Она также предусматривала ведение войн гибридного характера (война за веру) с использованием правительственных сил САР и Ирака и проникновением в них⁴. Чтобы снизить затраты, Иран наряду с традиционными методами войны, иногда использовал неконвенционные виды вооружений и привлекал милиции для организации специальных операций⁵. Достаточно быстро корпус «аль-Кодс» после ряда одержанных побед отошел от этого принципа и создал несколько баз, что сделало их мишенью Израиля. В дальнейшем «аль-Кодс» был вынужден отказаться от использования некоторых из них. Этому способствовало то, что КСИР установил ряд ракетных установок на Голанских высотах⁶. Военная доктрина Ирана корректировалась в зависимости от степени вовлеченности иранских Вооруженных сил в военные действия в САР и Ираке. В отличие от Ирака в Сирии Иран пытался включить милицейские формирования в состав регулярных вооруженных сил и органов безопасности⁷. В Сирии Иран для решения этой задачи искал и создавал законные основы

¹ Ali Ansari et al., *Understanding Iran's Role in the Syrian Conflict*. London: Royal United Services Institute, 2016.

² См.: Estvar, Iftan. *Iranian Foreign Strategy Strengthens its Sectarian Policy When the Political Situation is Looming*. Carnegie's Middle East Center. 30.11.2016 (in arabic); Al-Falahy Hatim. *The role and perspectives of Iraqis' militias in Syria*. Al-Jazeera Center for Studies and Analysis. 01.04.2019. (in arabic).

³ Nader Uskowi. *The Evolving Iranian Strategy in Syria: A Looming Conflict with Israel* // Atlantic Council. September, 2018.

⁴ Amr Yossef. *Upgrading Iran's Military Doctrine: An Offensive 'Forward Defense'* // Middle East Institute. 10.12.2019.

⁵ Steven R. Ward. *The Continuing Evolution of Iran's Military Doctrine* // Middle East Journal. 2005. Vol. 59. № 4.

⁶ Nader Uskowi, "The Evolving Iranian Strategy in Syria: A Looming Conflict with Israel," Atlantic Council. September, 2018.

⁷ Ad-Dasuki Aiman. *Role of the Foreign and Sectarian Militias in the Syrian Military Organization Omran for Strategic Studies*. 04.06.2019 (in arabic).

типа получения сирийского гражданства бойцами этих милиций и их расселения на сирийской территории¹. В 2017 г. под давлением ИРИ сирийские власти признавали на законодательном уровне «Силы национальной обороны» как полноправные части сирийских Вооруженных сил. Достаточно быстро сирийский режим издал приказ о систематизации иранских милиций и их личного состава². Отличительной особенностью военной стратегии ИРИ в САР и Ираке стали попытки поставить под свое влияние боееспособные части правительственных сил. У ИРИ сложились особые отношения с 4-й дивизией Войск специального назначения и ДРГ в САР. Ежеквартально Иран тратил десятки тысяч сирийских фунтов на зарплату бойцам шиитских милиций, воевавшим на передовой. Среднемесячная зарплата рядовых бойцов составляла около 23 тыс. сирийских фунтов. Для сравнения — командир полка регулярной сирийской армии получал 50 тысяч. Иран сумел реорганизовать «Силы местной самообороны», включив их в состав регулярной национальной армии. Их персонал пользовался сирийскими документами и одновременно продолжал подчиняться «Хезболле», получать выплаты из иранской казны³. Вооруженное участие Тегерана в сирийских и иракских событиях изменило военную доктрину ИРИ, она приобрела наступательный характер и стала отличаться некоторой агрессивностью. В практику вошло привлечение и использование иностранных наемников, проникновение в национальные Вооруженные силы, вовлечение некоторых местных воинских частей в свою военную организацию. Иранская военная доктрина носила в основном оборонительный характер и базировалась на принципах сдерживания противника, прежде всего США и Израиля. После участия ИРИ в сирийском конфликте военная доктрина Ирана приобрела новые измерения. Наряду с прежним оборонительным характером новая доктрина ИРИ включала задачи проведения зарубежных войсковых операций

¹ An Expert: By these reasons, Iran leaves its militias in Syria for a long time. 03.04.2018 (in arabic).

² Ad-Dasuki Aiman. Role of the Foreign and Sectarian Militias in the Syrian Military Organization Omran for Strategic Studies. 04.06.2019 (in arabic).

³ Ibid.

в интересах обеспечения национальной безопасности. Для ее реализации потребовалось видоизменение функционала части боевых подразделений иранских ВС, наполнение их новым содержанием, обеспечение современными видами вооружений. Изменения в военной доктрине ИРИ оказали влияние на корректировку инструментария иранской дипломатии. Во внешнеполитической практике ИРИ возросла роль неклассических инструментов внешней политики. На смену парадигме силового контроля над территорией пришли инструменты, основанные на культурном, цивилизационном влиянии, борьба за идеи и идеологию. В современных международных отношениях совокупность данных ресурсов раскрывается как «мягкая сила» и рассматривается с позиции применения исключительно ненасильственных способов воздействия¹. В рамках обновленной военной доктрины ИРИ данный концепт претерпел некоторые трансформации по сравнению с его западными аналогами. На практике насильственные меры успешно обеспечивали обретение ресурсов «мягкой силы» и способствовали повышению эффективности гуманитарной дипломатии.

3. Укрепление иранских позиций в САР и на Ближнем Востоке

Вооруженное вмешательство ИРИ в ряд арабских стран Ближнего Востока показало, что Тегеран не собирается менять характер своей региональной политики. В ряде случаев Тегеран намеренно обострял ситуацию в арабских странах, где иранские позиции были особенно сильны. Таким образом Иран стремился выиграть время и завершить свои проекты по укреплению позиций на Ближнем Востоке. Подобная тактика действий была чревата высокими рисками, но в определенных обстоятельствах могла позволить Тегерану успешно решить поставленные задачи. При-

¹ Подробнее об этом см.: Исаков А. С. «Мягкая» и «жесткая» сила во внешней политике Исламской Республики Иран: роль гуманитарной дипломатии // Сб. матер. всеросс. молодеж. науч. конф. «Гуманитарная дипломатия: личность, социум и мир», 20–21 апреля 2018. Екатеринбург: Изд-во Уральского Ун-та, 2018. С. 15–19.

ход на президентский пост в Иране И. Раиси, который был известен своими тесными связями с силовиками и сторонниками жесткой линии в политических и гражданских институтах, укрепил имперское сознание в иранском руководстве, которое искусственно подогревалось иранским духовенством. Таким образом, была сформирована религиозно-идеологическая основа иранской политики на Ближнем Востоке, прежде всего в Ираке и Сирии. Благодаря борьбе с «Исламским Государством» в Сирии и Ираке Иран приобрел имидж борца с международным терроризмом. Тегеран позиционировал себя как защитника иранского народа и меньшинств Ирака и Сирии, охранителя их территориальной целостности. Иран удачно использовал сложившуюся ситуацию и быстро переключил общественное внимание на борьбу с «ИГ». Антитеррористическая операция ИРИ в Ираке и САР объективно повысила авторитет ИРИ на региональной арене и в мире в целом. США стало сложнее оправдывать свое решение о внесении КСИР в списки террористических организаций. Ведь именно КСИР стоял во главе борьбы с «ИГ» в Ираке и САР. Иран умело воспользовался борьбой с «ИГ» для направления переговорного процесса о своей ядерной программе в выгодное для себя русло. Аргументация ИРИ сводилась к тому, что достижение договоренностей высвободит дополнительные силы ИРИ для борьбы с международным терроризмом. Кампания ИРИ по борьбе с «ИГ» в Ираке и САР дает хороший пример поведенческого стереотипа ИРИ в ходе вооруженного конфликта. Вооруженная интервенция Ирана стала не столько ответом на действия «ИГ», особенно в САР, сколько стремлением решить основную геостратегическую задачу по формированию благоприятной геополитической среды для своих действий на Ближнем Востоке. Иранские силовые структуры приобрели новый опыт участия в вооруженных операциях за пределами национальных границ. В ходе военных операций ИРИ, как правило, использовала Войска специального назначения типа КСИР и редко задействовала регулярные армейские подразделения. Во многом это объяснялось отсутствием необходимого числа транспортных средств и надежных партнеров для быстрой переброски иранских войск по воздуху. Поэтому Иран в основном про-

водил вооруженные операции регионального, а не глобального характера и не позиционировал себя в военном отношении как глобальная держава. Военная операция Ирана в Сирии и Ираке позволила ему распространить проекцию силы на ряд других государств региона. В Ираке Иран сражался с международным терроризмом в лице «ИГ», в Сирии Иран обеспечивал сохранность законной власти, в Ливане он поддерживал своих союзников, в Йемене формировал фронт поддержки «хуситов» против своего регионального соперника КСА. Одномоментная вовлеченность ИРИ в ряд региональных конфликтов поднимала ее авторитет в регионе, она доказала, что способна одновременно вести успешные войны на нескольких фронтах. Тегеран серьезно укрепил свой авторитет на Ближнем Востоке и в мире в целом, ему удалось убедить значительную часть иранского общества в необходимости военной операции в Сирии. Около 63% иранцев одобряли политику ИРИ на Ближнем Востоке. В марте 2016 г. более 80% иранцев высказались в пользу военной операции ИРИ в Сирии. Характерно, что только 50% респондентов поддерживали режим аль-Асада¹. Успехи ИРИ заставляли считаться с Ираном США, их западных союзников, учитывать мнение Тегерана по ключевым региональным и международным вопросам. Это объективно повышало запросную планку ИРИ на переговорах с Западом по иранской ядерной проблеме. Силовая операция ИРИ в САР и в Ираке обеспечила Тегерану взаимодействие с представителями различных этносов и конфессий (курдами, суннитами и шиитами). Таким образом, Тегеран опровергал обвинения в том, что он действует исключительно в интересах шиитских групп населения. Иран включился в процесс реконструкции Ирака и САР, оказывал населению этих стран гуманитарную помощь, что также подчеркивало значимость региональной роли ИРИ. В итоге Иран обеспечил сохранность оси исламского сопротивления и решил свои геополитические задачи². Поскольку во-

¹ Iran Poll Shows Rouhani Comes Out of Election with Broad-Based Support // World Public Opinion 31.032016.

² Badawi, Tamer. Iran's Economic Leverage in Iraq. Carnegie Endowment for International Peace. 23.05.2018; Arango, Tim, James Risen, Farnaz Fassihi, Ronen Bergman, and Murtaza Hussain. The Iran Cables: Secret Documents Show How Tehran Wields Power in Iraq // New York Times, 18.11.2019.

оруженная интервенция ИРИ в Ирак и САР принесла ей значительные политические выгоды, можно было предположить, что Иран в рамках складывающегося баланса сил в регионе в будущем может самостоятельно решать куда, когда и как вмешиваться силовым путем. С учетом того, что в результате военных кампаний Ирана в Ираке и Сирии шиитские силы стали частью национальных Вооруженных сил и ключевых институтов государственного управления, он глубоко проник в общественные, административные и политические институты этих государств и мог влиять на принятие ими решений¹. В интересах повышения своего авторитета на международной арене, укрепления позиций на переговорах по ядерной проблеме Иран сотрудничал с различными членами международной коалиции в Ираке и Сирии. Министерство безопасности и разведки ИРИ делилось информацией о нахождении иностранных боевиков в Сирии и Ираке с Австралией². Одновременно шиитские милиции наряду с иракскими правительственными войсками участвовали в боевых операциях против «ИГ» в Тикрите (Ирак). Это давало Тегерану возможность утвердить себя в глазах местных властей и населения как надежного союзника в борьбе за их безопасность. Вооруженное участие Ирана в Сирии и Ираке усилило религиозные разногласия в регионе. Действия ИРИ вызвали обеспокоенность ряда стран региона за свою безопасность. Прежде всего это касалось Израиля, Иордании, КСА, ОАЭ. Несмотря на то что в краткосрочной перспективе усиление конфессиональной розни в регионе не представляло опасности для ИРИ, в долгосрочном плане она могла подорвать региональный баланс сил. Действия Ирана в Ираке и САР были скоординированы с шиитскими общинами этих стран и шиитскими милициями, и в большинстве случаев направлены против суннитов. Стремление Ирана играть ведущую роль на Ближнем Востоке было обосновано определенными достижениями в развитии страны. Иран добил-

¹ Arango, Tim. Iran Dominates in Iraq After U.S. 'Handed the Country Over' // New York Times, 15.07.2017. URL: <https://www.nytimes.com/>.

² Brown, Matt. Islamic State: Julie Bishop Brokers Intelligence Sharing Deal with Iran on Australians Fighting in Iraq // Australian Broadcasting Corporation. 19.04.2015.

ся положительных сдвигов в развитии ряда ключевых секторов экономики и военной промышленности. Неоспоримые успехи Ирана в политике, экономике, реализации военных проектов и ядерной программы служили веским обоснованием его активной политики в регионе. Иран вмешивался во внутренние дела арабских стран, и их лидеры не могли ничего с этим поделать. Попытки мировых держав сдержать активность Ирана в регионе не увенчались успехом. С начала 2022 г. Иран предпринял ряд активных демаршей в военной, политической, экономической, идеологической сферах жизни сирийского государства и общества. Активность Тегерана в САР проходила на фоне российской спецоперации на Украине и переговоров по ядерной проблеме ИРИ. Тегеран был не столько озабочен сохранением режима аль-Асада, сколько преследовал цель обеспечить свои позиции в САР в постасадовский период. Действительно, в последние десятилетия вопросы безопасности и стремление к капитализации власти играли заметную роль в формировании ключевых параметров политики Ирана в Сирии и на Ближнем Востоке в целом. В этой связи особого внимания заслуживает визит в Тегеран главы БНБ САР А. Мамлюка в феврале 2022 г. В Иране А. Мамлюк был принят президентом ИРИ И. Раиси и главой Высшего совета национальной безопасности А. Шамхани. В ходе состоявшихся встреч обсуждались вопросы укрепления двустороннего сотрудничества в сфере безопасности в контексте эвентуальных последствий украинских событий для обеих стран. Иранские представители попросили А. Мамлюка ускорить имплементацию ранее подписанного меморандума о сотрудничестве в экономической сфере. Тегеран ясно обозначил свое намерение активно участвовать в процессе реконструкции САР, прежде всего в энергетическом, транспортном и сельскохозяйственном секторах сирийской экономики. Неофициальный визит в Дамаск в марте 2022 г. Фалеха аль-Файада, руководителя «Хейат Хашд аш-Шаабий» — одного из крупнейших милицейских объединений Ирака связанного с ИРИ, и его переговоры с Б. аль-Асадом также были посвящены проблемам безопасности двух стран. Речь шла о необходимости повысить уровень двустороннего сотрудничества в сфере безопасности с целью сдерживания дея-

тельности Рабочей партии Курдистана (РПК) и оказания давления на СДС. Данный вопрос приобретал особое звучание после перекрытия ИРИ каналов связи этих организаций с курдскими районами на иракской территории. В конце 2021 г. Иран предпринял ряд шагов по укреплению своего военного присутствия в различных районах Сирии. В октябре 2021 г. подконтрольные Ирану шиитские милиции начали строительство новой военной базы в районе Абу Камаль на правом берегу Евфрата. Работы вела иранская строительная компания «Джихад аль-Бина». Это вторая крупная военная база Ирана в САР после ранее построенной базы «Имам Али». По оценке военных экспертов, новая база должна была стать основным оперативным центром управления деятельностью шиитских милиций в Сирии под контролем КСИР. Иранская база в районе Дейр эз-Зора призвана обеспечить долговременное присутствие Ирана и шиитских милиций в Сирии. Ее стратегическая значимость обусловлена тем, что Иран получал возможность контролировать трассу Багдад–Дамаск–Бейрут. В задачу новой базы входило отражение эвентуальных атак коалиционных сил и Израиля. Новую базу Иран рассматривал как свой стратегический плацдарм на востоке Сирии для осуществления своих планов по созданию коридора Сирия–Ирак, что в конечном итоге должно было привести к стиранию сирийско-иракской границы в этом районе страны. После серии израильских ударов по иранским объектам в САР Иран рассредоточил руководящие кадры КСИР, «Хезболлы» и шиитских милиций в различных районах Сирии. Например, часть шиитских формирований («Хайдарийюн»), дислоцированных в непосредственной близости от иракской границы, были переведены в район Сувейды. Шиитские милиции успели укрепить свои позиции в районе Дейр эз-Зора, опасаясь атак коалиции и Израиля. К середине лета 2021 г. Иран, по некоторым данным, располагал 277 опорными пунктами, укрепленными базами в 12 провинциях САР. Так, в Дерья находилось 57 военных объектов Ирана, в Дамаске и его пригородах — 46, в Халебе — 54, в Дейр эз-Зоре — 22, в Хомсе — 29, в Хаме — 10, Латакии — 7, Сувейде — 8, Кунейтре — 18, Идлибе — 20. Из них 171 объект находился под контролем КСИР, 79 — «Хезболлы»,

71 — под совместным управлением КСИР и «Хезболлы»¹. Иран намерен расширить сеть своих боевых ячеек в САР и стремится обезопасить себя от возможной негативной реакции со стороны США и курдских формирований. Иран планировал вернуться в районы восточнее Евфрата, после того, как был вынужден оставить их в апреле 2021 г. под давлением России. В феврале 2022 г. Иран заметно расширил поставки различных видов вооружений и военной техники из Ирака в Сирию и Ливан. Одновременно Тегеран активизировал деятельность шиитских милиций на юге Сирии, прежде всего в районах Дерафа и Ас-Сувейда. Иран рассчитывал расширить сферу своего влияния в САР в случае затягивания российской спецоперации на Украине и возможного ослабления интереса Москвы к Сирии. Массированное военное присутствие Ирана в САР обеспечило Тегерану успех в экономической сфере. Иран рассчитывает получить самые выгодные контракты на восстановительные работы в Сирии в стратегически важных районах страны. Тегеран полагает, что в случае подписания ядерной сделки с Западом иранским компаниям будет легче реализовать свои проекты в САР. Одновременно Иран усиливал свое присутствие в различных управленческих сферах деятельности государственного сектора сирийской экономики. В феврале 2022 г. сирийское правительство подписало с Ираном меморандум о сотрудничестве в сфере администрирования и управления людскими ресурсами в госсекторе сирийской экономики. Одновременно Иран расширил объемы приобретения недвижимости в городских центрах САР. Активность Тегерана ведется в рамках иранской кампании в Сирии по шиитизации местного населения и изменения демографии сирийского социума. Иран пытается частично компенсировать свои затраты в ходе сирийского кризиса, которые по некоторым данным составляют около 30 млрд долл. Тегеран также рассчитывал частично покрыть выданные за последние 10 лет кредиты госсектору сирийской экономики на общую сумму в несколько десятков миллиардов долларов США. Иран намерен облегчить деятель-

¹ Нааме, А. После «Аль-Имам Али»... Иран строит вторую базу на востоке Дейр эз-Зора в САР 28.10.2021. URL: [https:// www. arabi21.com/story/1394178/](https://www.arabi21.com/story/1394178/). (на араб. яз.).

ность в Сирии частных иранских предпринимателей, чтобы таким образом частично снять бремя финансовых расходов с иранской казны. Речь идет, прежде всего, о бизнесменах, связанных с шиитскими милициями. В этих целях Тегеран использовал опыт ливанской «Хезболлы» по проникновению в государственный сектор и общественные институты Ливана. Тегеран сумел распространить на Сирию свой положительный опыт выкачивания финансовых средств из Ирака за счет заключения выгодных Тегерану контрактов в нефтегазовой и энергетической сферах. Одновременно Тегеран рассчитывает расширить сеть своих предпринимательских структур не только в Сирии, но и в регионе в целом. Торгово-экономические связи между двумя странами особенно активно развивались в 2000-х годах. Однако с началом сирийских событий в марте 2011 г. эта сфера ирано-сирийских отношений отошла на второй план, уступив место политическому и военному сотрудничеству. В целях возобновления двустороннего экономического сотрудничества в кризисных условиях, Иран в течение последних лет провел определенную подготовительную работу в САР. В октябре 2018 г. представительная делегация сирийских бизнесменов во главе с генеральным секретарем Федерации торговых палат Сирии (ФТПС) Мухаммедом Хамшо находилась с визитом в Тегеране. В ходе визита состоялись встречи с представителями иранского Министерства дорожного и жилищного строительства. Обсуждались различные пути развития двустороннего сотрудничества в торговой и промышленной сферах. Визит сирийской делегации ФТПС в Тегеран в октябре 2018 г. стал результатом активного давления посла Тегерана в Дамаске на сирийский режим. Визиту сирийской делегации в Тегеран предшествовал ряд поездок представителей деловых и политических кругов ИРИ в Дамаск. Со своей стороны, сирийский министр энергетики посетил Тегеран, где объявил о достигнутых с Ираном соглашениях о реконструкции и строительстве новых электростанций в Латакии, Халебе (Алеппо) и Дейр-эз-Зоре. В январе 2019 г. в Дамаске открылся Сирийско-иранский деловой форум (СИДФ). В его работе приняли участие первый вице-президент ИРИ Э. Джахангири и премьер-министр САР Имад Хамис. На форуме были представ-

лены многочисленные сирийские и иранские компании и бизнесмены из двух стран. Это была первая встреча подобного рода со времени начала сирийского кризиса в марте 2011 г. В результате была заложена основа для дальнейшего укрепления и развития экономических отношений между Ираном и Сирией в условиях непрекращающегося сирийского кризиса. После относительного улучшения делового климата в САР и возобновления работы СИДФ Иран получил возможность заметно активизировать усилия по укреплению своего экономического присутствия в различных сферах промышленности и торговли, финансовом секторе САР. Одним из важных результатов подобной деятельности Ирана стала активизация работы деловых сирийских партнеров, что позволило Тегерану свободно развивать экономические отношения с Сирией в обход американских и международных санкций. Иран активизировал двусторонние торгово-экономические отношения с соседними САР арабскими странами, особенно после возобновления работы на юге Сирии, в районе сирийско-иорданской границы КПП «Ан-Насиб». Иран также установил прямые деловые отношения с лояльными режиму известными сирийскими бизнесменами и заключил с ними выгодные инвестиционные контракты. Одним из примеров такого сотрудничества могут служить отношения между ИРИ и Мухаммедом Хамшо, особенно после того, как последний выкупил долю компании «Ас-Султан» в сирийско-иранском консорциуме «Сиамко», специализирующемся на производстве автоматических устройств. Важным результатом визита сирийской делегации в Иран стало подписание меморандума о взаимопонимании между сирийской и иранской Торговыми палатами в развитии двустороннего сотрудничества в различных сферах торгово-экономической деятельности. Сирийской делегации также удалось добиться от Ирана снятия налоговых тарифов на 88 видов товаров сирийского экспорта в ИРИ. В своей торговой экспансии в Сирию Иран опирался на поддержку сирийских торговцев и промышленников. Среди них можно отметить генерального секретаря Федерации торговых палат Сирии (ФТПС) М. Хамшо, члена парламента САР Хусейна Рагеба и Мухаммеда Сурьеола, управляющего ФТПС Фираса Джижкли, крупного биз-

несмена Хасан Зайду, посла САР в Иране Аднана Махмуда, члена Сирийского союза экспортеров (ССЭ) Ияда Мухаммеда, председателя Верховной комиссии инвесторов в свободной зоне (ВКИСЗ) Фахда Дарвиша. В январе 2019 г. около 15 представителей иранского частного сектора приняли участие в работе 14-й сессии Высшей сирийско-иранской совместной комиссии (ВСИСК). Важным результатом работы сессии стало подписание более десятка контрактов и соглашений о взаимопонимании в различных областях экономической деятельности. Это прежде всего соглашения: между Сирийской инвестиционной комиссией (СИК) и Иранской организацией по экономике, инвестициям и технической помощи (ИОЭИП), а также между Генеральными управлениями Сирии и Ирана по железным дорогам. В это же время были подписаны Стратегический договор о сирийско-иранском экономическом сотрудничестве, Договор между сирийским Министерством экономики и внешней торговли и иранским Министерством по промышленности, торговле и горнодобычи. Было также достигнуто Специальное соглашение о сотрудничестве в сфере культуры на 2019–2020 гг. и эксклюзивное соглашение в сфере обмена информацией об отмывании денег и финансовом терроризме между Сирийской финансовой комиссией по противодействию терроризму и отмыванию денежных средств и Иранским финансовым трансфертным департаментом. Увидела свет специальная совместная программа в образовательной сфере на 2019–2020 гг. Таким образом, используя свое военное присутствие в САР, Иран активизировал политику в сфере военного строительства, создал заделы на будущее в ключевых отраслях сирийской экономики, промышленности, культуре и образовании. Иран не намерен отказываться от своего военно-политического присутствия в САР. Более того, Тегеран постоянно убеждает своих партнеров в государствах Арабского Востока и Персидского залива, что в случае подписания ядерной сделки с Западом влияние ИРИ в регионе серьезно возрастет. За последние несколько лет Иран создал заделы в ключевых областях жизнедеятельности сирийского государства и общества. Это гарантирует Тегерану сохранение его позиций в САР в случае эвентуальной смены власти в процессе

мирного транзита. Тегеран сможет использовать сирийский плацдарм для укрепления своего присутствия в других арабских странах в качестве фактора силы и важного экономического инструмента. Тегеран смог не только укрепиться в социальной ткани сирийского общества, но и создать на ее территории свои прочные позиции. В этой связи не следует недооценивать возможности Ирана в Сирии. Рост религиозного экстремизма на фоне укрепления влияния суннитского движения в регионе служил мощным стимулом сохранения стратегических отношений между Дамаском и Тегераном, так как напрямую затрагивал вопросы их национальной безопасности. Сирийский режим, который в своей основе был построен на конфессиональных предпочтениях, опасался сопротивления суннитского большинства даже в условиях мира. Опасения сирийского режима были обоснованы результатами трансформации в демографии и конфессиональном составе сирийского социума. Вооруженная операция ИРИ в САР и политика насильственной шиитизации сирийского населения оказали определенное влияние на изменение конфессиональной карты сирийского общества. Действительно, религиозные, этнические и земляческие факторы сыграли одну из ключевых ролей в развитии сирийского кризиса. Сегодня указанные факторы продолжают оказывать сильное влияние не только на ход военно-политических процессов, но и на выработку основных принципов урегулирования сирийского кризиса. В условиях военных действий демография превратилась в своеобразный инструмент пропагандистской войны противоборствующих сторон с целью оказать влияние на региональных и международных участников конфликта, подтолкнув их к принятию выгодных той или иной стороне решений. В начале 2006 г. на одном из популярных арабоязычных интернет-сайтах были опубликованы необычные статистические данные о конфессиональном составе сирийского общества. Согласно этим данным, все население Сирии составляло в 2005 г. приблизительно 18 млн человек. По своей конфессиональной принадлежности оно распределялось следующим образом: 45% — сунниты-арабы, 20% — алавиты, 15% — курды, 12% — христиане, 3% — друзы, 3% — муршидуны, 1,5% — исмаилиты, 0,5% —

шииты. Таким образом, сирийское общество состояло из основных четырех религиозных и этнических групп суннитов-арабов, алавитов, курдов, христиан. Малочисленные общины были представлены друзами, муршидунами, исмаилитами и шиитами. С этой точки зрения Сирия не сильно отличалась от соседнего Ливана, где, как известно, в основе управления страной лежал принцип «политического конфессионализма». Приведенные выше данные внушали определенное сомнение, особенно в отношении численности алавитов (3,6 млн чел.) и их процентного соотношения по сравнению с другими группами населения. По данным ряда источников, население Сирии в 2011 г. составляло приблизительно 20 млн человек и распределялось в конфессиональном и этническом отношении следующим образом: 65% — сунниты-арабы, 15% — курды, 10% — алавиты, 5% — христиане, 3% — друзы, 1% — исмаилиты, 1% — шииты. Грубые подсчеты показывают, что, по официальным данным, темпы прироста населения в этот период составляли 3–3,5% в год. В этом случае все население страны за 5 лет должно было вырасти на 3–4 млн и, соответственно, составить 21–22 млн человек. Именно эту цифру можно было чаще всего встретить в работах отечественных и зарубежных исследователей, а также политических обозревателей и экспертов. При этом данные Центрального статистического бюро (ЦСБ) САР за 2011 г. показывают, что население Сирии составляло более 24 млн человек¹. С середины 1990-х годов в Сирии стал наблюдаться постепенный спад темпов прироста населения до 2,6–2,5% в год. В провинциях этот показатель был еще ниже и составлял 2%, особенно это касалось Тартуса, Латакии, Сувейды и Хасаке. Возможно, эти показатели повлияли на разницу в подсчетах совокупной численности населения САР в указанный период. В любом случае, накануне сирийских событий (САР) общество уже было разделено по конфессиональным и этническим линиям. Возможность выхода на поверхность каких-либо проявлений этнических и конфессиональных разно-

¹ Аль-Маджмуа аль-Ихсаийя. Аль-Мактаб аль-марказий ли-ль-ихса. Димашк, 1980, 1981, 1985, 1986, 1988.1999, 2011(на араб. яз.); Ан-Нашра ли-т-таадад ас-сукканийя ва-ль-ихса'и аль-мабани'а фи ам 2004 фи-ль-манатык ва-р-риф димашк. Аль-мактаб аль-марказий ли-ль-ихс'а. Димашк, 2007 (на араб. яз.).

гласий жестко пресекалась властью. С другой стороны, подобные разногласия искусно гасились за счет системы сдержек и противовесов. На них базировалась выстроенная Х. Асадом конструкция государства и его система управления. Недооценка подлинной конфессиональной и этнической ситуации в стране сыграла важную роль в сирийских событиях. Она способствовала их превращению в конфессиональный и этнический вооруженный конфликт. К весне 2017 г. от 7 до 9 млн человек оказались за пределами страны, около 6 млн находилось в состоянии постоянной внутренней миграции; общее число населения Сирии сократилось до 16 млн человек¹. Указанные выше данные отражают лишь общую тенденцию и требуют более четкой верификации. К этому времени сирийские власти фактически перестали публиковать подробные статистические данные о составе и численности населения. Подобная ситуация осложняла получение более или менее объективных данных о реальном положении местного населения и его демографических показателях. Трансформация религиозного и этнического состава Сирии во многом предопределялась высокой смертностью как военных, так и гражданских, эмиграцией и внутренними перемещениями населения. В то же время ряд меньшинств внутри Сирии смогли увеличить свои показатели как в абсолютном, так и относительном отношении. Во многом это произошло за счет значительного сокращения суннитов-арабов. Из общего показателя эмигрировавших сирийцев к 2017 г. 80% (около 5,5 млн чел.) составили именно сунниты-арабы. К тому же наиболее интенсивные боевые действия велись на территории, где они традиционно проживали. Гражданская война отрицательно сказалась и на сирийских христианах, возможно, потому что, в отличие от алавитов и друзов, они не располагали собственным анклавом. К концу 2017 г. общее число покинувших страну христиан составило около 10%. При этом христианская эмиграция началась еще в 2011 г.

¹ Подробнее об этом см.: Balanche, Fabrice. *Communautarisme en Syrie lorsque le mythe devient realite* // *Confluences Mediterranee*, 89, Spring 2014. URL: <https://www.cairn.info/revue-confluences-mediterranee-2014-2-page-29.htm>; Phillips, Christopher. *Sectarianism and Conflict in Syria* // *Third World Quarterly*, 2017. Vol. 36, No 2.

В 2015 г. 10% курдского населения также выехало из Сирии, в основном они нашли себе прибежище в Иракском Курдистане. Меньше всего из страны выехало алавитов, друзов, исмаилитов и шиитов¹. В конце 2017 г. 80% территории находилось под контролем правительства Б. аль-Асада. Там проживало около 75% всего населения Сирии. При этом на территориях, занятых «ИГ» и вооруженными формированиями сирийского сопротивления (северо-запад страны, южные районы, Гута), население не могло чувствовать себя в безопасности из-за постоянно ведущихся боевых действий. Характерно, что в зонах контроля сирийских властей 42% населения представляли сунниты-арабы. В то же время в районах, занятых вооруженной оппозицией, сунниты-арабы составляли 87% населения. Несмотря на то что алавиты, друзы, христиане, исмаилиты и шииты в основном поддерживали Б. аль-Асада, численность меньшинств выросла на рубеже 2015–2016 гг. всего на 5% — по сравнению с 20% до начала сирийского восстания. Курды составляли 15% населения страны, сунниты-арабы — 60%². Несмотря на все усилия Тегерана, в Сирии сохраняется превосходство суннитов-арабов на фоне малочисленности и разобщенности алавитского меньшинства. Правящие элиты Сирии и Ирана с недоверием воспринимали планы урегулирования кризиса в САР, исходящие из Турции и арабского окружения с преимущественно суннитским населением. В этих условиях Дамаск вряд ли откажется от поддержки Тегерана. В перспективе политика Ирана в Сирии будет во многом определяться характером эволюции политических систем обеих стран, динамикой развития политических процессов в них, трансформацией их правящих элит. Заметное влияние на политику ИРИ в САР будут оказывать природа трансформации региональных отношений и политика мировых держав на Ближнем Востоке.

¹ Balanche, Fabrice. Communautarisme en Syrie lorsque le mythe devient realite // Confluences Mediterranee. Vol. 89, Spring 2014. URL: <https://www.cairn.info/revue-confluences-mediterranee-2014-2-page-29.htm>; Phillips, Christopher. Sectarianism and Conflict in Syria // Third World Quarterly, 2017. Vol. 36, No 2.

² Phillips, Christopher. Sectarianism and Conflict in Syria // Third World Quarterly, 2017. Vol. 36, № 2.

Глава V

Специфика взаимодействия ИРИ с региональными и международными участниками сирийского конфликта

В настоящее время Исламская Республика Иран (ИРИ) играет ключевую роль в событиях в Афганистане, Ираке, Сирии, Ливане, Ливии, Йемене. Борьба Ирана в Сирии и Ираке за Ближний Восток повлияла на характер взаимодействия Тегерана с региональными государствами и мировыми державами. Активизация вооруженного вмешательства Ирана в ряд арабских государств изменила характер взаимоотношений ИРИ с Россией, Израилем, Турцией, монархиями Персидского залива. Проблема сирийского примирения во многом определяет параметры внешней политики ИРИ на Ближнем Востоке и служит одним из важных факторов, влияющим на градус конфликтного потенциала региона, ключевые параметры ближневосточного урегулирования.

1. Особенности российско-иранского взаимодействия в САР

Россия и Иран проводят сегодня активную политику на Ближнем Востоке, результаты которой оказывают заметное влияние на состояние баланса сил и систему безопасности в регионе. Обе страны расположены в одном геополитическом пространстве с Ближневосточным регионом. Развитие военнополитических процессов, эволюция силового ба-

ланса и проблем безопасности на Ближнем Востоке затрагивают жизненно важные интересы Москвы и Тегерана в Средней Азии и Закавказье и касаются вопросов их национальной безопасности. Сирийский кризис и происходящие вокруг него события находятся в центре ближневосточной политики. Специфика отношений России и Ирана с САР оказывала заметное влияние на характер российско-иранского взаимодействия на Ближнем Востоке¹. В течение последних десятилетий Дамаск занимал особое место в ближневосточной политике Москвы и Тегерана. Российские военные и гражданские специалисты помогли отстроить современную военную и гражданскую инфраструктуру САР. После распада СССР характер российско-сирийских связей изменился: российско-сирийские отношения ограничивались в основном поставками российского оружия и запчастей к нему. Иран фактически заместил прежнее место России в Сирии, прочно закрепившись в социальной ткани сирийского общества, активно действовал в торгово-экономической и военной сферах². Начавшийся на волне «Арабской весны» кризис в САР в марте 2011 г. был с обеспокоенностью встречен в Москве и Тегеране и внес определенные коррективы в характер российско-иранских отношений. Реакция на сирийские события заметно отличалась в России и Иране. До начала операции российских Военно-космических сил (ВКС) в САР в сентябре 2015 г. Москва ограничивалась в основном политической поддержкой сирийского руководства в ООН и на других международных площадках. Россия последовательно выполняла свои контрактные обязательства в отношении сирийского режима. В результате операции российских ВКС баланс сил в САР изменился в пользу правящего режима. Москва смогла установить практически полный контроль над воздушным пространством Сирии и обезопасить свои позиции в районе Средиземноморского прибрежного пояса с севера на юг. Россия вернула большую часть сирийской территории под контроль сирийского правительства. Москва ис-

¹ Shaffer, B. *Partners in Need. The Strategic Relationship of Russia and Iran*. Wash., 2001.

² Ахмедов В. М. Современная Сирия. История. Политика. Экономика. М.: ИВ РАН, 2011. С. 207–219.

ключила вопрос смены действующей власти в САР из переговорной повестки по Сирии¹. С момента начала сирийских событий Исламская Республика Иран (ИРИ) оказала финансовую и военно-техническую поддержку сирийскому режиму. Тегеран способствовал удержанию власти в стране президентом САР Б. аль-Асадом и активно участвовал в борьбе с вооруженной оппозицией². Иранская поддержка способствовала некоторому укреплению эффективности и боеспособности национальных вооруженных сил. Это позволило режиму добиться определенных успехов в борьбе с вооруженной оппозицией в первой половине 2015 г. Однако этого оказалось недостаточно для того, чтобы сирийская армия смогла сохранить достигнутые успехи, тем более обеспечить победу правительственных войск над вооруженной оппозицией. Подобное развитие событий поставило под вопрос все прежние достижения Ирана в Сирии. В результате Иран был вынужден обратиться к России с просьбой вмешаться в сирийский вооруженный конфликт³. До ввода российских войск в Сирию была проведена серия встреч между российскими и иранскими высокопоставленными представителями. В ходе этих встреч РФ и ИРИ выработали основы стратегии поддержки сирийского режима. В январе 2015 г. состоялась встреча советника рахбара по внешней политике Али Акбар Велаяти с президентом и министром обороны России в Москве, в ходе которой А. Велаяти передал российскому руководству письменное послание рахбара. Речь шла об увеличении размера поддержки сирийского режима, в том числе обсуждалась вероятность прямого вооруженного вмешательства со стороны РФ. Накануне этого визита в Москву в Тегеране прошло несколько встреч между министром обороны России и его иранским коллегой о заключении второго соглашения между ИРИ и РФ о военно-техническом сотрудничестве (ВТС). Это был первый за

¹ Ахмедов В. М. Сирийское восстание. История. Политика. Идеология. Москва: ИВ РАН, 2018. С. 134–152.

² Ansari, A, Understanding Iran's Role in the Syrian Conflict. London: Royal United Services Institute. 2016.

³ Muhsen Abu al-Nour. Muhammad, Implications of the Russian Intervention on Iran's Role in Syria // International Politics. 11.05.2016.

15 лет официальный визит российского министра обороны в Тегеран. Москва отклонила просьбу К. Сулеймани совершить визит в Москву зимой 2015 г. для личной встречи с президентом России, в ходе которой он намеревался убедить В. В. Путина ввести российские войска в САР для поддержки сирийского режима¹. В марте 2015 г. К. Сулеймани встретился с министром иностранных дел России С. Лавровым в Иране. Россия с озабоченностью восприняла информацию иранцев об укреплении позиций сирийских отрядов оппозиции на северо-западе и юге САР и о наступлении «ИГ» на северо-востоке страны. После захвата «ИГ» Пальмиры в мае 2015 г. территории, подконтрольные режиму, заметно сократились. Тегеран считал неизбежным падение режима и раскол Сирии. В 20-х числах июля 2015 г. К. Сулеймани добился неофициальной встречи с президентом и министром обороны России в Москве, на которой, по некоторым данным, обсуждались вопросы координации совместных военных операций в САР. Одновременно Москва и Дамаск подписали закрытое соглашение о создании в Хмеймим российской базы ВВС. В это же время наблюдалась массированная переброска в САР российских военных и техники. В сентябре Москва заявила о создании оперативного центра в Багдаде совместно с ИРИ, Ираком и САР для обмена информацией и координации действий по разработке операций против «ИГ» на границе САР с Ираком. В результате совместных российско-иранских операций были образованы военные формирования за рамками сирийских правительственных войск под командованием РФ. В результате слабости сирийской армии практически все операции планировались и проводились с участием российских военных. Для облегчения РФ проведения военных операций и координации действий с милицейскими формированиями на базе Хмеймим был создан совместный центр оперативного командования, куда вошел ряд сирийских спецподразделений, КСИР, «Хезболла», корпус «аль-Кодс», отряды сил национальной обороны. Для координации политических шагов РФ и ИРИ в САР в иранском руководстве была создана

¹ Muhsen Abu al-Nour, Muhammad, Implications of the Russian Intervention on Iran's Role in Syria // International Politics, 11.05.2016.

специальная должность во главе с главой СНБ ИРИ Али Шамхани. К. Сулеймани играл важную роль координатора по связям между РФ и ИРИ в военных вопросах вплоть до его гибели в январе 2020¹. В целом позиции Москвы и Тегерана в отношении событий в САР совпадали: Россия рассматривала Иран как своего союзника в Сирии, Тегеран связывал с Москвой успех осуществления своих планов в Сирии и на Арабском Востоке в целом. На рубеже 2018–2019 гг. в развитии сирийского кризиса произошел ряд важных трансформаций. Они были вызваны ростом вооруженной конфронтации, усилением вмешательства внешних акторов, изменением регионального баланса сил. Ключевые участники конфликта скорректировали формат участия в сирийских событиях. Многие провели переоценку роли партнеров и оппонентов на поле сирийского урегулирования в контексте обеспечения собственных интересов и безопасности². Россия и Иран сохранили свои позиции в САР. Новая ситуация поставила под вопрос абсолютное доминирование любого участника конфликта. Москва и Тегеран не могли теперь полагаться исключительно на фактор силы. Обе страны были вынуждены учитывать амбиции других крупных региональных и международных игроков в регионе. Россия играла основную роль в сирийских событиях. Москва была вынуждена считаться с присутствием на сирийской территории вооруженных отрядов под контролем Ирана. На рубеже 2021–2022 гг. крупные региональные игроки на поле сирийского конфликта были готовы применить силу для изменения сложившегося баланса сил в своих интересах. Москва оказалась втянутой в большую региональную игру с участием США, Израиля, Ирана и Турции. В военно-политической географии Сирии стало появляться все больше районов, подконтрольных другим международным и региональным силам. Частично причины сложившегося положения могут корениться в допущенных сирийским режимом просчетах еще до начала операции ВКС РФ. Так не совсем

¹ Вызовы для сирийской оппозиции после потери Алеппо и Московской Декларации. 26.12.2019. URL: <https://goo.gl/2ZwVda>. (на араб. яз).

² Sinan, H. Russia and Iran: Economic Influence in Syria, London: Chatham House, March 2019. URL: <https://syria.chathamhouse.org/>.

оправдала себя принятая режимом логика «силового взаимодействия» с протестным движением, недооценка постепенно нараставшей угрозы со стороны ближайших соседей и ряд других моментов. Все это привело к избыточной интернационализации конфликта и дало возможность активного вмешательства внешних сил в сердцевину сирийского кризиса и даже манипулирования им на ряде этапов. В результате любой политический и военный выигрыш стал выглядеть не столь очевидным и в любой момент мог превратиться в предмет политического торга и необходимости выработки консенсуса. Усилия сирийского правительства стабилизировать ситуацию за счет активных боевых действий одновременно на ряде направлений с целью ограничения территории, занимаемой вооруженной оппозицией, не гарантировали достижения позитивного результата. Инициированные Москвой в мае 2017 г. при поддержке основных международных и региональных игроков идеи создания «зон деэскалации», несомненно, сыграли свою положительную роль в снижении напряженности в ряде районов Сирии. Всего на рубеже 2017–2018 гг. указанные зоны охватывали около 304 населенных пункта, в 43 из которых 14% вооруженной оппозиции были представлены отрядами Свободной сирийской армии (ССА) и исламистскими бригадами, в 189–60% так же составили подразделения ССА и исламистские бригады и в 73–24% отрядов «ИГ». После изменения ситуации в стране и позиций стран-гарантов выполнение ранее достигнутых соглашений по зонам не выглядело столь однозначным. России приходилось идти на ряд уступок и компромиссов, чтобы добиться согласованного решения по вопросам управления указанными «зонами». Нельзя не учитывать и тот факт, что страны-гаранты «трехстороннего соглашения по безопасности» («зоны деэскалации») не могли не воспользоваться шансом, извлечь для себя выгоду, причем на легальных основаниях. Вопрос о выработке новых параметров безопасности, в рамках которых Москва могла бы законно утвердить свое первенство и достижения в Сирии, является на сегодняшний день ключевым. Сегодня многое зависит от того, как Россия, Турция и Иран будут менять прежние договоренности о системе безопасности в Сирии. В 2018–2020 гг. в САР на-

ходило до 80 иностранных баз и опорных пунктов. США имели 11 баз и опорных пунктов в Ракъа, Хасаке, Алеппо, провинция Дамаск. Турция — 10 (Аллепо, Идлеб), Россия — 10 (Алеппо, Хама, Хомс, провинция Дамаск, Кунейтра, Деръа), Иран — 15 (Алеппо, Хама, Хомс, провинция Дамаск, город Дамаск, Кунейтра, Деръа)¹. Взаимодействие России и Ирана в САР представляло собой сложную мозаику противоречивых интересов в регионе Ближнего Востока. После участия ВКС России в сирийском конфликте Москва и Тегеран практиковали общий военнополитический подход в сирийском кризисе. Он основывался на достижении военного превосходства, освобождении захваченных повстанцами территорий, борьбе с вооруженной сирийской оппозицией. Достигнутые военные успехи формировали политические победы, которые служили укреплению места и роли Москвы и Тегерана в сирийском кризисе. Развитию российско-иранского сотрудничества способствовало общее видение целей и задач в борьбе с вооруженной оппозицией. При поддержке российской авиации и массированном наземном наступлении иранских сил Москве и Тегерану достаточно быстро удалось очистить от вооруженных повстанцев прибрежные районы Сирии и установить контроль над восточными районами Алеппо². Постепенно Россия и ИРИ приобрели необходимый опыт снижения напряженности в тактических вопросах в ходе совместных военных операций и смогли извлекать выгоду из особых отношений с сирийским режимом. Это улучшило способность двух стран справляться с потенциально конфликтными ситуациями. По мере развития сирийского кризиса различия между Москвой и Тегераном в подходах к его разрешению стали проявляться все заметнее. Москва не разделяла иранскую идею укрепления «оси исламского сопротивления» против Израиля. Россия не приветствовала действия Корпуса стражей исламской революции (КСИР) ИРИ по созданию в составе сирийской армии подразделений, личный состав которых индокринировался на

¹ How Iranian Militias are Integrated into Regime Forces. Al-Modon // Newspaper. 05.04.2018 (in Arabic).

² Вызовы для сирийской оппозиции после потери Алеппо и Московской декларации. 26.12.2019. URL: <https://goo.gl/2ZwVda>. (на араб. яз).

религиозной основе¹. Москва последовательно выступала за сохранение светского характера сирийских силовых структур. Россия отрицала саму возможность создания на сирийской территории конфессиональных анклавов, настороженно относилась к шиитским милициям, их роли в вооруженном конфликте. Россия стремилась к подготовке и созданию единых и профессиональных сирийских Вооруженных сил. Россия имела давние отношения с сирийскими Вооруженными силами. С начала кризиса Россия поддерживала сирийских военных необходимым снаряжением и обеспечивала советническую помощь. После начала операции ВКС помощь России качественно изменилась. Россия предприняла усилия по реструктуризации сирийских Вооруженных сил.

Прежде всего российские военные отобрали группу сирийских офицеров, которых прикрепили к базе Хмеймим. Россия оказала нажим на режим, побудив его провести серию перестановок в руководстве армии и спецслужб с целью избавиться от тех офицеров, которые не хотели сотрудничать с Москвой и симпатизировали Ирану. Важным шагом России в деле перестройки сирийских Вооруженных сил стало создание ряда новых армейских подразделений из сирийских добровольцев. Вновь созданные корпуса находились фактически под российским командованием, отличались численным составом, вооружением, дислокацией. Москва помогла сирийскому режиму создать 25-ю специальную бригаду под командованием Сухейля аль-Хасана, 5-й корпус под командованием Зейда Салеха. Военная помощь Ирана носила дозированный характер, она ограничивалась поставкой нескольких БМП и легкого вооружения. Иран стремился к укреплению своего влияния в Халебе, Хомсе и Дейр аз-Зоре, пограничных с Ливаном районах. Несмотря на укрепление позиций правящего режима и некоторую политическую стабилизацию, Иран продолжал сталкиваться в Сирии и на Ближнем Востоке с рядом серьезных проблем². В 2018–2020 гг. Израиль нанес около сотни ударов по воен-

¹ Ахмедов В. М. Сирийское восстание. История. Политика. Идеология. Москва: ИВ РАН, 2018. С. 134–152.

² Sinan, H. Russia and Iran: Economic Influence in Syria. London: Chatham House, March 2019. URL: <https://syria.chathamhouse.org/>.

ным объектам ИРИ в САР. Некоторые иранские политики считали, что между Москвой и Тель-Авивом якобы достигнуто понимание необходимости сокращения иранского военного присутствия в Сирии¹. Тегеран испытывал растущее международное давление в вопросах вывода своих войск из Сирии. Во главе антииранской кампании стояли США, Израиль и Саудовская Аравия. Россия была связана особыми отношениями с Израилем и рядом арабских государств. Москва была не готова предоставить эффективную защиту ИРИ за счет связей с указанными ближневосточными странами. Это отрицательно сказывалось на российско-иранском сотрудничестве по сирийскому кризису. В последние годы роль Ирана в Сирии заметно возросла. Иран интегрировал часть шиитских милиций в формальные армейские структуры Сирии. Они влились в состав Дивизии республиканской гвардии (ДРГ) и 4-й дивизии войск специального назначения САР². В 2017 г. Б. аль-Асад подписал специальный меморандум, в нем был формализован статус сирийских граждан, которые активно сотрудничали с Ираном в период кризиса³. Подконтрольные Ирану сирийские территории имели тенденцию к росту и были отмечены разной степенью глубины проникновения в местные сферы безопасности, общественной инфраструктуры, экономики⁴. В 2018 г. созданные Ираном Силы местной обороны (СМО) пополнились новыми боеспособными частями такими как «ан-Найраб», «ар-Рида», «ар-Радван», «Сукур ад-Дахер», «Хан аль-Асаль», «Бригада-313», «Имам Зайюб аль-Абидин»⁵. Общее командование СМО осуществлялось непосредственно иранскими военными в координации с Министерством обороны (МО) САР. В 2020 г. ИРИ обновила статус СМО, и они официально вошли в состав национальных воо-

¹ Исса, Т. Куда ударят израильтяне? 01.12.2021, URL: <https://www.aljournhouria.com/ar/news/625693/> (на араб.яз.).

² How Iranian Militias are Integrated into Regime Forces. Al-Modon. Newspaper. 05.04.2018. (in Arabic).

³ Al-Tamimi A. J. 03.05.2017. Administrative Decisions on Local Defense Forces Personnel: Translation & Analysis. [In Arabic].

⁴ Hubbard, Ben, Iran, Deeply Embedded in Syria., New York Times, February 19, 2018. URL: <https://www.nytimes.com/>.

⁵ Juneau, T., Iran's Costly Intervention in Syria: A Pyrrhic Victory. Mediterranean Politics, 2020. Vol. 25, No. 1.

руженных сил САР. Общий состав СМО составил свыше 170 тыс. человек¹. Наиболее боеспособные подразделения СМО (около 45 тыс. чел.) участвовали в боевых действиях против вооруженной сирийской оппозиции в районах юга Алеппо. Они были представлены иранскими бригадами «аль-Бакир», «Джейш аль-Махди», «Имама аль-Хусейна», «Асъяд Алла аль-Галиба», их личный состав состоял из сирийцев. Они сражались преимущественно в районах Халеба, Дейр эз-Зора, Дамаска с пригородами и Латакии. Характерно, что за исключением бригады «аль-Бакир» их общая идеологическая платформа базировалась на племенных верованиях, часть личного состава исповедовала шиитское учение имама М. ас-Садра. Наряду с ними в районах Северного Алеппо сражались милицейские формирования «Нубул» и «Захра», которые также состояли из сирийцев и исповедовали идеологию, основанную на учениях имама Хомейни.

В начале 2018 г. к СМО присоединились наиболее боеспособные части — бригады «Дошка», «ас-Сафира», «аль-Берри», «аль-Хикма», а также подразделения «ан-Найраб», «Исламское сопротивление в Сирии», «ар-Рида», «ар-Радван», «Сукур ад-Дахер», «Хан аль-Асаль», «Бригада-313», «Христианские силы аль-Гадаб», «Имам Зайюб аль-Абидин», группа «аль-Кишш»². В основном они состояли из сирийцев и незначительного числа ливанцев и иракцев и действовали в районах Халеба, Хама, Хомс, Ракъя, Идлиба, Пальмиры, Латакии. Они контролировали значительную территорию от юго-восточных районов Дейр эз-Зора, южных пригородов Ракъя до восточных кварталов Алеппо. В ноябре 2017 г. по инициативе КСИР в составе южного фронта ВС САР была создана «Бригада-313». В этом же году в городе Изръя (провинция Деръя) ею был открыт вербовочный пункт по набору бойцов. За короткий период времени им удалось привлечь в свои ряды более 200 сирийцев, которым были выданы документы с эмблемой КСИР, что позволяло им беспрепятственно проходить через все посты сирийской армии. Штаб-квартира «Бригады-313» располагалась в 30 км, от границы с Иорданией и 45 км от границы с Израилем.

¹ Карам, Ф. Иран расширяет присутствие своих милиций и вооружений в Сирии. 06.04.2022. URL: <https://aawsat.com/home/article/3577221/> (на араб. яз.).

² Там же.

Это нарушало ранее достигнутые в Гамбурге соглашения между Москвой и Вашингтоном. Однако данный факт не смущал Иран, и он продолжал наращивать силы этого подразделения за счет привлечения бойцов из Ливана, Ирака и Афганистана¹. В конце 2021 г. Иран предпринял ряд шагов по укреплению своего военного присутствия в различных районах Сирии. К середине лета 2021 г. Иран, по некоторым данным, располагал 277 опорными пунктами, укрепайонами и базами в 12 провинциях САР. С начала 2022 г. Иран в тесной координации с правящим режимом САР предпринял ряд мер по укреплению своих позиций в военной, политической, экономической, идеологической сферах жизни сирийского государства и общества. Сирийский режим с пониманием воспринял намерения ИРИ расширить сеть своих боевых ячеек в районах Сирийского Курдистана, предварительно очистив их от влияния Рабочей партии Курдистана (РПК) и Сирийских демократических сил (СДС). В феврале 2022 г. Иран заметно расширил поставки различных видов вооружений и военной техники из Ирака в Сирию и Ливан. Одновременно Тегеран активизировал деятельность шиитских милиций на юге Сирии, прежде всего в районах Дераъа и Ас-Сувейда. В феврале 2022 г. сирийское правительство подписало с Ираном меморандум о сотрудничестве в госсекторе сирийской экономики. Иран расширил объемы приобретения недвижимости в городских центрах САР. Активность Тегерана велась в рамках проекта «шиитизации» местного населения и изменения демографии сирийского социума². Москва была вынуждена принять более решительные меры по укреплению своего влияния в САР. Россия инициировала серьезные перестановки в высших эшелонах управления четырьмя основными сирийскими спецслужбами³. В то же время политика, которую Иран проводил в Сирии на протяжении последних лет, позволила

¹ The Russian-American "Hamburg Agreement" on Syria: Its Objectives and Implications. 11.07. 2017. URL: <https://goo.gl/hW4GAr>. (дата обращения: 13.09.2018) (In Arabic).

² Нааме, А. После «Аль-Имам Али»... Иран строит вторую базу на востоке Дейр эз-Зора в САР. 28.10.2021. URL: <https://www.arabi21.com/story/1394178/>. (на араб.яз.).

³ Подробнее о сирийских спецслужбах см.: Радван Зияде. Ас-султа ва-ль-истихбарат фи сурия (Власть и спецслужбы в Сирии). Beirut, March. 2013. (на араб.яз.).

ему создать серьезные заделы в рядах системных и влиятельных внесистемных сил и организаций в стране. В сложившихся обстоятельствах Иран прибег к стратегии переформатирования своих сил и созданию локальных временных союзов. Это позволило Тегерану глубоко интегрироваться в ткань сирийского общества и государства, прежде всего в армию и силы безопасности САР. Стратегия ИРИ в сирийском кризисе перешла в новую фазу, которая характеризовалась рекрутированием лояльных правящему режиму сирийцев в вооруженные формирования, которые действовали под прямым административным и оперативным контролем КСИР. В апреле 2017 г. Б. аль-Асад подписал представленный ему административно-организационным управлением ВС САР с подачи иранцев документ в виде специального меморандума с предложениями по формализации статуса гражданских и военных лиц из числа сирийских граждан, которые активно сотрудничали с Ираном в период сирийского кризиса¹. Россия не собиралась спокойно взирать на укрепление иранских позиций в силовых структурах Сирии. Москва предприняла решительные меры по укреплению своего влияния в сирийских силовых структурах². Летом 2019 г. начальник Управления контрразведки противовоздушных сил (ПВО) САР генерал-майор Джамиль аль-Хасан был внезапно снят со своего поста, несмотря на то что срок его пребывания в должности был продлен еще на один год. Это произошло в результате провала его переговоров с израильтянами, которые он проводил по инициативе российских военных в конце июня 2019 г. вместе с рядом высших офицеров из состава 5-го корпуса сирийской армии. Россия поставила Дж. аль-Хасана перед выбором: либо принять условия израильтян относительно иранского военного присутствия в Сирии и остаться еще на год на своем посту, который он занимал последние 10 лет, либо в случае отказа уйти в отставку. Суть

¹ Al-Tamimi. Aymenn Jawad. Administrative Decisions on Local Defence Forces Personnel: Translation & Analysis. 03.05.2017. Link: <https://goo.gl/ngXYKc>, (дата обращения: 13.06.2018). (in arabic).

² Подробнее о сирийских спецслужбах см.: Радван Зияде. Ас-султа валь-истихбарат фи сурия (Власть и спецслужбы в Сирии). Beirut, 2013 (на араб. яз.).

поддержанных Россией израильских предложений сводилась к тому, чтобы ввести 5-й корпус в состав правительственных Вооруженных сил, а также провести специальные операции, целью которых стал бы вывод иранских военных и подконтрольных им шиитских милиций с части сирийской территории. Однако сирийский генерал не только отверг российско-израильские предложения, но и провел ряд карательных операций против мирного населения Кунейтры и Деръа, пытаясь оказать на них давление, чтобы убедить их относиться к иранским военным и шиитским формированиям как союзникам, открыто назвав их «нашими сирийскими братьями»¹. Отставка Джамиля аль-Хасана стала звеном широкомасштабных перестановок в высшем руководстве сирийских спецслужб, которые проводились по инициативе России и с одобрения Б. аль-Асада. Был отправлен в отставку генерал-майор Диб Зэйтун с поста начальника Управления военной контрразведки ВС САР (УВКР), который считался близким другом и соратником сирийского президента, на этом посту его заменил генерал-майор Хуссам Лука. Москва инициировала серьезные перестановки в высших эшелонах управления четырьмя основными сирийскими спецслужбами. Список лиц, подлежащих увольнению, был составлен российскими военными летом 2019 г. и представлен президенту Б. аль-Асаду. После этого состоялась закрытая встреча российских представителей с группой упомянутых в этом списке высших офицеров Генерального штаба ВС САР и ключевых служб безопасности, включая начальника Бюро Национальной Безопасности САР (БНБ) генерала Али Мамлюка.

Россия сталкивалась с известными сложностями в проведении глубокой зачистки сирийских органов безопасности от сторонников Ирана. В этой связи Россия, скорее, могла осуществить частичные реформы паллиативного характера, заменяя уволенных офицеров «временщиками», которые никогда бы не могли занять высокие посты в сирийских силовых структурах без поддержки

¹ Ан-Нахас, С. Аль-Мамлюк и новое руководство спецслужб: Россия берет долю Асада. 08/07/2019. URL: <https://bit.ly/2JpNnfM> (на араб. яз.).

Москвы¹. Россия и Иран оказали Дамаску большую военнотехническую, финансовую и гуманитарную помощь вплоть до прямой военной поддержки сирийского правительства. Б. аль-Асад умело использовал своих союзников в лице Ирана и России и манипулировал их заинтересованностью в поддержке его режима. Пока Москва и Тегеран выступали гарантами выживаемости режима Б. аль-Асада, сам сирийский президент обеспечивал своим союзникам высокую планку влияния в Сирии и происходящих в ней событиях. Очевидно, что Б. аль-Асад в определенной мере зависит от России и Ирана. Именно они помогли ему сохранить власть и режим. В условиях кризиса Б. аль-Асад не обладал безусловным контролем над армией и принимаемыми решениями. Он был вынужден разделять его со своими союзниками Ираном и Россией. Несмотря на то что рутинные приказы по армии подписывались сирийскими офицерами, решения по стратегическим и другим особо важным вопросам не принимались без согласования с Москвой и Тегераном. Одновременно с растущей военной поддержкой режима со стороны Москвы и Тегерана, возвращения с их помощью ранее утраченных территорий снижался единоличный контроль Б. аль-Асада как главнокомандующего в процессе принятия решений. В сирийских Вооруженных силах стали накапливаться негативные явления. Процесс рекрутирования в боевые правительственные формирования стал приобретать все более размытый характер и строился на основе религиозной, земляческой и конфессиональной общности. Это явилось отражением растущего в Сирии процесса региональной автономизации и отчасти местного сепаратизма. В армии это вело к утрате роли центрального командования и падения уровня боеготовности и боевой эффективности, ослабления внутренней организационной структуры и падения дисциплины. Москва и Тегеран оказывали растущее влияние даже в кадровых вопросах назначения на командные должности в армии и спецслужбах. Постепенно Россия и Иран стали иметь отдельные аэродромы и взлетные полосы на территории Сирии, фактически полностью

¹ Al-Mamluk and New Mukhabarat's Leaders: Russia takes Assad's Quota. Al-ModonOnline. 07.08.2019, URL: <https://bit.ly/2JpNnfM> (дата обращения, 12.08.2020). (in arabic).

контролировать наиболее боеспособные формирования. Б. аль-Асад мог принять самостоятельное решение без консультаций с Москвой и Тегераном о начале масштабной военной операции. Однако он опасался, что не сможет успешно завершить ее, поэтому решения подобного рода принимались им с оглядкой на мнение России и ИРИ. Одновременно Б. аль-Асад мог повлиять на решение Москвы о проведении той или иной военной операции, несмотря на незаинтересованность России в ее осуществлении и нежелание портить отношения с Анкарой и Тегераном. При этом Б. аль-Асад имел определенную свободу действий в решении ключевых вопросов внутренней и внешней политики Сирии. Б. аль-Асад стремился ослабить влияние России на САА. В свое время Москва содействовала назначению бригадного генерала Асефа Дикра во главе 293-го отдела, который отвечал за все назначения и перемещения по службе в САА. А. Дикр пять лет учился в России и свободно говорил по-русски. Однако он был смещен со своего поста в результате спровоцированного конфликта с группой офицеров САА. Аналогичная судьба постигла генерала Заида Салеха, главу комиссии по безопасности в Идлибе. Он был уволен с военной службы в январе 2021 г. В феврале лишился своего поста другой протеже Москвы. Генерал Низар Ходер, который был назначен на должность командующего 17-й дивизией в декабре 2020 г. был заменен алавитом Хейсамом Баракатом через неполные три месяца пребывания в должности. Б. аль-Асад держит на расстоянии вытянутой руки любые подходы Москвы и Тегерана к сирийским спецслужбам, особенно к Военному бюро и личному офису в Президентском дворце. Что касается Ирана, то взятие под контроль УВКР САР всех шиитских милиций, шабихи, «Хезболлы» заметно ослабило возможности ИРИ руководить этими силами на территории САР. В сентябре 2021 г. Б. аль-Асад расформировал отряд «Арабских воинов» из состава Сил Национальной обороны, которые были созданы Ираном в 2013 г. С тех пор иранские военные стали регулярно наезжать в САР, обнаруживая отсутствие своих протеже в САА. Одновременно Б. аль-Асад распустил и удалил все отряды шиитских милиций из рядов регулярной армии, отправив их в Ливию и на восток САР. Несмотря на особые отношения Б. аль-Асада с Москвой и Тегераном, его

сегодня сложно назвать марионеткой в руках России и Ирана¹. В сентябре 2020 г. в Сирии и России торжественно отметили 5-летие с начала участия ВКС России в сирийских событиях. За несколько месяцев до этого торжественного события, в июле 2020 г. были подписаны российско-сирийские соглашения о сотрудничестве в различных сферах экономики. В рамках этих соглашений планировалось осуществлять работу по 40 новым проектам: намечалось строительство нескольких электростанций; осуществление реконструкции ряда объектов в энергетической инфраструктуре; проведение разведочных работ в нефтяном и газовом секторах. Помимо этого, был подписан специальный контракт на добычу и разведку нефти и газа на средиземноморском побережье Сирии. Одновременно Дамаск заключил с Тегераном важное соглашение о военно-техническом сотрудничестве. По оценке сирийского президента, подписанное соглашение имело стратегический характер и венчало собой годы совместной работы и сотрудничества Сирии и Ирана в ходе кризиса в стране. Москва в настоящее время обладает решающим словом в Сирии и имеет возможность вмешиваться в механизм принятия решений по вопросам сирийского урегулирования. Однако этот приоритет Москвы соотносится исключительно с влиянием Ирана в Сирии. Сегодня сложно однозначно утверждать, что Москва или Тегеран имеют приоритет в сирийских событиях. Россия не располагала достаточным числом полевых сил и делала упор на ракетно-космическое вооружение, авиацию и артиллерию. Иран обладал большим числом формирований, которые сражались на земле. Практически в каждом подразделении находились советники из ИРИ и «Хезболлы». Иран фактически «наводнил» сирийский социум, прежде всего военных, своими идейными и религиозными единомышленниками². Осенью 2021 г. между российскими военными и шиитскими формированиями на северо-востоке САР возник конфликт из-за нескольких постов и укрепрайонов. Россия

¹ Al-Assad's strategy to avoid becoming a puppet of Russia and Iran. Special Assessment. Syria: Security Services. 11.03.2021. URL: <https://newlinesinstitute.org/>(дата обращения: 20.12.2022) (in arabic).

² Hamou, A. Five Years after the Russian Military Intervention Iran's Influence in Syria is Growing. 10. 05. 2020. URL: <https://syriadirect.org/>.(in arabic).

предложила Ирану передать их под контроль российских военных в обмен на защиту от возможных воздушных ударов Израиля. Но Иран отклонил российские предложения. Позднее ИРИ была вынуждена уступить давлению Москвы. Однако шиитские милиции успели укрепить эти районы, опасаясь атак коалиции и Израиля¹. Активность Тегерана в САР проходит на фоне российской спецоперации на Украине и переговоров по ядерной проблеме ИРИ. Иран рассчитывает расширить сферу своего влияния в САР в случае затягивания российской спецоперации на Украине и возможного ослабления интереса Москвы к Сирии. В то же время, динамика вооруженного конфликта в САР неизбежно ведет к объединению военно-политических усилий России и Ирана в САР. Военная операция Турции в октябре 2019 г. на северо-востоке Сирии против курдских повстанцев и союзных им Сирийских демократических сил (СДС) позволила России зайти в зону американского влияния к востоку от Евфрата, которая прежде оставалась закрытой для российских представителей в САР. В результате соглашений с Турцией и СДС в октябре 2019 г. российские военные стали осуществлять совместное патрулирование этих стратегически важных районов вдоль сирийско-турецкой границы. До этого Россия после долгих усилий сумела упрочить свое присутствие в восточных пригородах Дейр эз-Зора, которые формально находились под контролем Дамаска, а на деле управлялись иранскими военными. В результате поставок нескольких партий логистического оборудования и вооружений в эти районы Москва смогла взять под свой контроль север Сирии. Одновременно Иран смог вернуть свое влияние в южных пригородах Бу-Камаль и Маядин. Данный факт мог свидетельствовать о конкуренции между Ираном и Россией за контроль над нефтеносными районами на востоке Сирии. На деле соперничество между Россией и Ираном в Сирии не носило конфронтационного, враждебного характера. И Москва, и Тегеран были заинтересованы в поддержании и сохранении режима Б. аль-Асада. В этой связи было бы уместным предположить общность взгля-

¹ Нааме, А. После «Аль-Имам Али»... Иран строит вторую базу на востоке Дейр эз-Зора в САР. 28.10.2021. URL: [https:// www. arabi21.com/story/1394178/](https://www.arabi21.com/story/1394178/). (на араб.яз.)

дов Москвы и Тегерана на будущее Сирии. Несмотря на то что в ходе договоренностей с США и Израилем в 2018 г. по югу Сирии, Россия обещала предотвратить ввод иранских сил в южные районы страны, Москва игнорировала вход проиранских милиций в районы Ладжат и Тафс, ряд других населенных пунктов в Деръаа. Таким образом, Москва дала понять, что не собирается осложнять отношения с Ираном из-за «незначительных полевых разборок». Со своей стороны, Иран никогда открыто не противодействовал военным операциям российских военных на сирийской территории. К концу лета 2022 г. заметно возросла военная и политическая активность Тегерана в регионе. При этом, как считают в Дамаске и Тегеране, интенсификация израильских бомбардировок сирийской территории происходит в отсутствие ясной позиции Москвы — их главного союзника на поле сирийского конфликта. Такое «равнодушное» отношение России к воздушным атакам Израиля против САР и Ирана настораживает руководство этих стран. В определенных кругах военной и политической элиты Ирана и Сирии растут сомнения в том, что им вряд ли удастся воспользоваться войсковой операцией Москвы на Украине к собственной выгоде на Ближнем Востоке, и в Сирии в частности. В Тегеране считают, что ИРИ таким образом «тактично» указывают на неизбежность вывода войск с юга Сирии, во исполнение трехсторонних соглашений 2018 г., инициированных Дамаском и согласованных с Москвой. Указанные опасения усиливаются в результате занятой Западом на переговорах в Вене позиции, которая как бы перекликается с российским отношением к израильско-иранскому конфликту в Сирии. Звучит парадоксально с учетом характера складывающихся сегодня взаимоотношений России и коллективного Запада из-за событий на Украине. В июне 2022 г. США, Германия, Франция и Великобритания предложили новый проект резолюции МАГАТЭ на переговорах с ИРИ по ядерной проблеме. В тексте документа явно показано нежелание ведущих стран Запада, закрывать глаза на нарушения ИРИ положений договора 2015 г. по целому комплексу вопросов, связанных с транспортировкой, хранением, обогащением отработанного ядерного топлива. Напомним, что Россия является одним из активных и заинтересованных участников пе-

реговорного процесса. Москва отвечает за вопросы безопасности, связанные с использованием Ираном отработанного урана. Одновременно западные переговорщики выдвинули недвусмысленное требование Ирану прекратить деятельность КСИР на Ближнем Востоке, большинство стран Запада считают КСИР террористической организацией. Запад дал ясно понять, что в противном случае заключение соглашения с ИРИ по ядерной проблеме становится проблематичным. Характерно, что еще несколько лет тому назад западные столицы, в отличие от Москвы, не выражали столь сильной обеспокоенности развитием ситуации в Ираке, Сирии, Ливане, Йемене, связанной с иранской активностью в этих странах. Сегодня их позиция изменилась коренным образом, и не в пользу Ирана и его союзников в регионе. Таким образом, руководству Тегерана пытаются навязать иную точку зрения на иранскую активность в регионе. Ирану дают ясно понять, что его деятельность в Сирии, ряде других арабских стран, регионе в целом не только бесперспективна, но и носит деструктивный характер в отношении основных институтов государства указанных стран. Тем самым, Тегеран осознанно ставится в точку «невозврата» на поле ближневосточного конфликта¹. Действия основных международных и региональных акторов на Ближнем Востоке, и в Сирии в частности, могут неоднозначно оцениваться с точки зрения международных и региональных интересов России. Москва поддерживает тесные контакты с Израилем по широкому спектру двусторонних отношений и вопросам региональной безопасности. За час до начала воздушной атаки в июне 2022 г. по целям в Сирии, Тель-Авив уведомил о своих планах Москву. Согласно информационным утечкам из сирийских специальных служб примерно в это же время состоялась встреча между военными представителями сирийского режима, их иранскими коллегами с высокопоставленными российскими офицерами в Дамаске. Встреча прошла в «энергичном» духе. Сирийские и иранские военные выразили озабоченность «нейтральной» позицией Москвы в отношении израильских бомбардировок сирийской территории. Они напомнили российским военным о взятых

¹ Хейралла Х. Регион кипит. 13.06.2022. URL: <https://alarab.co.uk/>. (на араб.яз.).

Москвой на себя обязательства обеспечивать защиту сирийских военных и гражданских объектов. Сирийские представители недвусмысленно дали понять своим российским коллегам, что в соответствии с одним из пунктов российско-сирийского соглашения, регламентирующим присутствие российских военных в Сирии, является обеспечение Москвой физической защиты государственных и военных объектов режима, включая Дамасский аэропорт. Российские военные указали, что полностью выполняют взятые на себя обязательства, однако не собираются защищать военные объекты КСИР и портить отношения с Израилем из-за Ирана. Одновременно российские представители подчеркнули, что Москва также не хочет осложнять отношения с Тегераном из-за Израиля. После этой встречи Б. аль-Асад спешно отбыл в Тегеран, где был принят аятоллой Хаменеи, иранским президентом, встретился с командующим КСИР ИРИ. В некоторых российских экспертных кругах расценили этот визит как намерение Б. аль-Асада расширить и интенсифицировать сотрудничество с Тегераном по самому широкому спектру вопросов безопасности¹. Чтобы успокоить сирийских и иранских партнеров участники 18-го раунда встречи в «Астанинском» формате (июнь 2022 г.) впервые единодушно осудили удары израильской авиации по сирийской территории, прежде всего по военным объектам ИРИ и САР. По инициативе Москвы страны-гаранты потребовали от Израиля прекратить бомбардировку позиций САА и сирийских военных объектов. На практике может возникнуть неоднозначная ситуация. Тель-Авив, возможно, учтет заявления участников «Астаны-18». Однако, при малейшем намеке на потенциальную угрозу своей безопасности, без колебаний нанесет массированный авиационный удар по сирийским и иранским военным объектам, которые, как правило, расположены в непосредственной близости от российских позиций. В отличие от России, которая была заинтересована в военных контрактах, Иран сделал все, чтобы увеличить число своих сторонников в сирийской армии и в результате серьезно закрепился в одном из ключевых институтов сирийского государства. Нельзя исключать, что после окон-

¹ Аль-Амин, Х. Российское пренебрежение интересами Дамаска. 13.06.2022. URL: <https://www.al-akhbar.com/Syria/338969/> (на араб. яз.).

чания острой фазы конфликта, Россия закрепится на своих военных базах в Хмеймиме и Тартусе и будет реализовывать ряд крупных финансово-экономических проектов. В тоже время Иран продолжит осуществлять контроль над сирийским обществом и важнейшими институтами государства через своих единомышленников, которым он дает солидную финансовую подпитку и политическую поддержку¹. Таким образом, российско-иранские противоречия не носят конфронтационного характера. А 500-летняя история российско-иранских отношений предполагает сотрудничество по более широкому спектру, чем только «сирийский кризис». Подтверждением этого положения служит визит в Москву в июле 2022 г. президента Ирана И. Раиси и результаты его встречи с российским коллегой В. В. Путиным. В этих целях Россия должна приложить усилия для того, чтобы консолидировать и укрепить достигнутые преимущества, даже если они не соответствуют предпочтениям Ирана, Турции, Израиля. Несмотря на циркулирующие слухи о сокращении российского военного присутствия в САР, Москва пока не собирается выводить свои войска из этой арабской страны и сохраняет проекцию силы на весь Ближний Восток. Сегодня в Тель-Авиве, Анкаре и Тегеране внимательно относятся к московским инициативам по Сирии. Москве требуется усилить подготовку личного состава сирийских Вооруженных сил и поставить им новые системы вооружений, чтобы придать Дамаску уверенности перед лицом Ирана, Турции и Израиля. Несмотря на успехи сирийского режима в борьбе с оппозицией, сирийское руководство ясно отдает себе отчет в том, что добиться нормализации внутривосточного положения легче при содействии России и Ирана. В Дамаске ясно понимают, что перспективы мирного политического транзита в Сирии во многом зависят от характера взаимодействия между Москвой и Тегераном. Преодоление сирийско-иранских разногласий и соперничества в САР особо значимо для обеспечения мирного политического транзита в Сирии и сохранения характера стратегического партнерства в российско-иранских отношениях. В условиях спецоперации на Украине сотрудничество с Ираном

¹ Hamou, A. Five Years after the Russian Military Intervention Iran's Influence in Syria is Growing. 10.05.2020. URL: [https://syriadirect.org/news/.\(in arabic\)](https://syriadirect.org/news/.(in arabic)).

в Закавказье и Центральной Азии приобретает критическую значимость для России. У Ирана и стран Центральной Азии появились сегодня общие политические интересы: Афганистан, каспийская проблема, противодействие радикальным религиозным и националистическим движениям, борьба с наркобизнесом и др. Иран усиливает свои позиции в этом районе. Заключая экономические и политические соглашения со странами Центральной Азии, Иран стремится объединить эти государства, оставив за собой главенствующую роль. В итоге это может отрицательно сказаться на характере российско-иранских отношений, способствовать усилению позиций в государствах Средней Азии и Закавказья, стран Запада, прежде всего США, в интересах противодействия иранскому влиянию. Вашингтон рассматривает регион Ближнего и Среднего Востока, Средней Азии, Закавказья как сферу своих политических интересов. Подобное развитие ситуации не может служить подлинным интересам ни России, ни Ирана. Это достаточно очевидно на фоне последних событий в Афганистане, Азербайджане, Армении, Казахстане, на Украине. Политика Вашингтона ведет к дестабилизации ситуации в Средней Азии и Закавказье, которые являются сферой жизненно важных интересов Москвы. В складывающейся ситуации немаловажную роль могут сыграть контакты двух государств на высшем уровне. В январе 2022 г. в Москве прошла встреча президента России В. В. Путина с его иранским коллегой. Москва и Тегеран продемонстрировали обоюдную заинтересованность в поддержании стабильности в регионе Ближнего Востока, Средней Азии и Закавказья. Было подчеркнуто, что стабилизации ситуации в этих районах отвечает интересам двух стран и способствует углублению российско-иранских отношений. Политические и экономические интересы России и Ирана в этом регионе во многом совпадают, поэтому России и Ирану необходимо проводить более скоординированную политику в регионе Большого Ближнего Востока, чтобы упрочить там свои позиции, углубить свои отношения со странами этого региона. Согласованная политика Москвы и Тегерана при поддержке Турции на южном направлении может положительно сказаться на урегулировании ситуации в регионе Ближнего Востока, в том числе и в Сирии.

2. ТЕГЕРАН — ТЕЛЬ-АВИВ: «ВОЙНА» ДО ПОБЕДНОГО

Связи Ирана с Израилем, отношение Тегерана к арабо-израильскому конфликту, палестинской проблеме и сегодня определяют характер политики ИРИ на Ближнем Востоке¹. В 1940–1960-х годах в силу ряда географических факторов, этнических, конфессиональных, культурных различий населения Израиля и Ирана Тегеран не рассматривал Тель-Авив с точки зрения потенциальной угрозы своей безопасности. Однако, будучи исламским государством, Иран чувствовал себя ответственным за святыне в Палестине. После начала первой арабо-израильской войны 1948 г. ряд представителей духовенства пытались организовать в Иране отряды добровольцев для сражения в Палестине. Динамика международных отношений и развитие региональных процессов наряду с переменами во внутренней политике Ирана и эволюцией стратегии национальной безопасности в Израиле привели к некоторому сближению двух стран.

В 1950 г. иранские власти фактически признали Израиль. Иран и Израиль открыли неофициальные представительства в своих столицах². В результате проведенной в Тель-Авиве и Тегеране переоценки объектов национальных угроз и их источников между двумя государствами сложились нормальные отношения и наладилось взаимовыгодное сотрудничество. Иран стал важным поставщиком нефти в Израиль. Главным политическим приобретением Ирана от отношений с Израилем стало некоторое улучшение его отношений с Западом, прежде всего с США. Это было важно для Ирана перед лицом угрозы со стороны революционных арабских режимов. Для Израиля была крайне нежелательна любая нормализация отношений Ирана с арабскими странами. Конфликты и враждебность в отношениях арабов и Ирана отвлекали внимание арабских стран от Израиля и его

¹ Mathew M. W. The Balfour Declaration and the Palestine Mandate: British Imperial Imperatives. *British Journal of Middle Eastern Studies* 2013. Vol. 40, no 3.

² Ramazani R. K. Iran and the Arab-Israeli Conflict // *Middle East Journal* Autumn 1978. Vol. 32.

политических акций в регионе¹. Установление и развитие отношений между Ираном и Израилем в 1958–1973 гг. усиливало настороженность в отношении израильского государства в среде иранского духовенства и светски настроенных иранских националистов. Позднее исламистское крыло националистических сил объединилось с левыми и исламистскими силами и выступило на стороне исламской революции 1979 г. в Иране. Несмотря на это, Иран продолжал сохранять свое фактическое признание Государства Израиль². Ирано-израильские контакты привели в действие конфликтный потенциал арабо-иранских отношений. Арабские страны обвиняли Иран в том, что под видом развития экономических связей с Израилем Тегеран хочет постепенно изменить демографический баланс в арабских странах и превратить их в свои колонии. Собственно, они были не так далеки от истины, если посмотреть на то, что сегодня делает Иран в Сирии. После арабо-израильской войны 1967 г. Иран стал опасаться возможных «гегемонистских» планов Израиля в регионе, рассматривая их как потенциальную угрозу своей национальной безопасности. В этой связи иранские власти решили сбалансировать свои отношения с Израилем за счет развития связей с враждебными Израилю арабскими режимами. Решить эту задачу помогла Сирия. В 1975 г. Х. Асад посетил Тегеран. Ирану удалось также сблизиться с Ираком. С точки зрения Израиля, нормализация отношений Ирана с Ираком была вызовом национальной безопасности еврейского государства. Тель-Авив опасался, что, нормализовав отношения с Тегераном, Саддам Хусейн может активизироваться на израильском направлении³. После исламской революции 1979 г. ИРИ разорвала все отношения с Израилем и заявила о необходимости уничтожения израильского государства. ИРИ стала считать Израиль главной угро-

¹ Sohbani S. The Pragmatic Entente: Israeli-Iranian Relations: 1948–1988. Westport. CT: Praeger, 1989.

² Ramazani R. K. Iran and the Arab-Israeli Conflict // Middle East Journal. Autumn, 1978. Vol. 32.

³ McGlinchey S. and Murray W. R. Jimmy Carter and the Sale of AWACS to Iran in 1977. Diplomacy and Startecraft, 2017. Vol. 28, № 2. URL: <https://www.tandfonline.com/>.

зой своей безопасности и всего исламского мира. Развитию антиизраильских настроений в Иране способствовали, по некоторым данным, антисемитские взгляды некоторых представителей иранского духовенства, которые основывались на историческом придании о том, что исповедовавшая иудаизм часть населения Медины предала Пророка Мухаммеда¹. Некоторые лидеры исламской революции ставили исламские ценности выше национальных интересов, не задумываясь, как это может отразиться на самом Иране. Несмотря на антиизраильскую политику Ирана, Тель-Авив в начале ирако-иранской войны помогал Ирану, снабжая его оружием. После появления «Хезболлы» в Ливане, Израиль пересмотрел свое отношение к Ирану. Ожидания Израиля в отношении нового исламского режима в Иране оказались ошибочны. С конца 1980-х годов Израиль стал менять свою ближневосточную политическую стратегию. В 1990 г. Тель-Авив установил близкие отношения с Турцией, а вскоре и с Азербайджаном, окружив Иран поясом дружественных Израилю государств. В начале 2000 г. в ряде арабских столиц и Тель-Авиве заговорили о возможности установления арабо-суннитского и израильского альянса против шиитского Ирана. Через два десятилетия эти планы стали реализовываться в виде «Авраамских соглашений». На самом деле Иран обладал достаточно ограниченным политическим инструментарием в отношении Израиля. Враждебность к Израилю не гарантировала Тегерану дружбу с арабским миром. Нормализация ирано-израильских отношений усиливала недоверие к Тегерану в большинстве арабских столиц. Подобная ситуация демонстрировала определенную геополитическую «изолированность» Ирана и его «зажатость» между арабскими амбициями и израильскими стремлениями. Кризис в САР заметно эскалировал проблему противостояния Ирана и Израиля на Ближнем Востоке. Речь прежде всего идет о воздушных ударах израильской авиации по военным объектам Ирана. Этот вопрос имеет свою историю. С момента начала сирийских событий в 2011 г., Израиль нанес по сирийской территории около 80 ударов с воздуха и суши, а настоящие сражения

¹ Бартольд В. В. Работы по истории ислама и арабского халифата. Москва, 1966. Т. 4. С. 96–100.

в сирийском небе развернулись в начале 2018 г. В них приняли участие ВВС Израиля, ВВС и ПВО ССА, иранские БПЛА. Иран продолжил наращивать силы шиитских милиций за счет привлечения новых бойцов, в том числе из Ливана, Ирака и Афганистана. Подобная активность Ирана не могла долго оставаться незамеченной в Израиле. В феврале 2018 г. израильские вертолеты перехватили иранский летательный аппарат, вторгшийся на Голанские высоты. Вслед за этим израильская авиация нанесла серию ударов по иранским объектам на сирийской авиабазе «Т-4». Один из израильских самолетов был подбит силами 16-го полка сирийских ПВО, находившегося под контролем Ирана. Вслед за этим израильская авиация нанесла серию ударов по иранским объектам в пригородах Дамаска, Деръа и Кунейтры. Объектом израильского авиаудара стали прежде всего подразделения «Бригады-313», дислоцированные в городке Димас и по трассе Дамаск–Бейрут. В результате израильских авиаударов были уничтожены три батареи сирийских ПВО и четыре иранских военных объекта. Весной 2018 г. Израиль нанес несколько ударов по территории Сирии в районе Хомса, уничтожив ряд военных сирийских и иранских объектов. В мае 2018 г. Израиль нанес удар по 1-й бронетанковой дивизии ВС САР в районе Кисва (пригород Дамаска). В результате оказались уничтожены иранские установки «Фаджр-3». Не случайно в этот же день иранский генерал КСИР Хишам Абдул Рассул, разработчик «Фаджр-3», посетил ряд районов в Забадане и Международный Дамасский аэропорт. Иран выпустил 20 ракет по израильским позициям на Голанских высотах. В ответ израильская авиация атаковала иранские цели в районах Дамаска, Кунейтры и Деръа, нанеся более дюжины ударов по военным объектам Ирана и «Хезболлы». Зимой 2018 г. ирано-израильское противостояние продолжилось. Израиль нанес серию авиаударов по Дамаску и его пригородам, главной целью которых стали склады с оружием и боеприпасами. Любопытно, что Израиль не смутило наличие на сирийской территории российского ПЗРК «С-400». Ряд экспертов муссировали тему о якобы достигнутом между Москвой и Тель-Авивом соглашении о сокращении иранского военного присутствия в САР. Израильские удары по иранским объектам в Сирии

смогли на какое-то время затормозить иранскую экспансию в восточные районы Сирии, где стало заметно усиливаться российское присутствие. Израиль продолжил наносить удары по иранским военным целям и инфраструктуре сирийской армии. В январе 2019 г. Тель-Авив нанес удары по десяти объектам КСИР и сирийской армии в районе Дамаска в ответ на запущенную в сторону Израиля с сирийской территории ракету «земля-земля». Весной 2019 г. израильские налеты на Сирию продолжились. Очередной удар по северным районам Алеппо причинил ощутимый ущерб иранским складским помещениям и инфраструктурным объектам аэропорта, которым активно пользовалась «Хезболла»¹. В иранские социальные сети просочилась информация, что данный налет был, якобы, согласован с Турцией, желавшей руками Израиля очистить от шиитских формирований городские поселки ан-Нубул и аз-Захрѳа, чтобы таким образом завершить создание «суннитского» пояса в районе Идлиба. В апреле 2019 г. Израиль нанес удар по городу Хама с целью уничтожить военные объекты КСИР в районе лагеря «ат-Тал'а». В целом же израильские удары по иранским объектам в Сирии оказались неспособны серьезно поколебать прочность иранских позиций в САР. После начала российской спецоперации на Украине подконтрольные Ирану территории имеют тенденцию к росту. Они отмечены разной степенью глубины проникновения в местные сферы безопасности, общественной инфраструктуры, экономики. Российский опыт взаимодействия с рассмотренными выше конфликтами показал, что Москве приходилось постоянно отходить от генеральной политической линии в разрешении сирийского конфликта, чтобы снизить градус противостояния сторон и обеспечить положительное сальдо в отношениях с ними. На практике усилия Москвы обеспечить необратимое решение вопроса об ирано-израильском противостоянии в САР имели лишь временный эффект и оканчивались с «нулевой суммой». После начала спецоперации на Украине и изменения международной обстановки, Москве, возможно, придется скорректировать свою политику на Ближнем Востоке

¹ Location of the raid. //Wikimapia.org.<http://wikimapia.org/m/#lat=36.2631&lon=37.255325&z=11&l=36&m=b>. (дата обращения: 12.08.2019).

и в Сирии, в частности. В 2022 г. ирано-израильское противостояние усилилось и прошло точку невозврата в июне 2022 г. после массовой бомбардировки израильской авиацией Дамасского аэропорта. Между Тель-Авивом и Тегераном развернулась настоящая шпионская война без «красных линий», и был открыт «сезон охоты» на старших офицеров элитных подразделений армии, служб безопасности и высокопоставленных гражданских специалистов, занятых в сферах ядерных технологий. В 2022 г. на лужайке собственного дома в Тегеране был убит начальник управления специальных операций КСИР в Сирии и Ираке генерал Сайад Ходаи. Аналогичная участь постигла начальника управления закордонных операций КСИР генерала Али Исмаил Заде. Эти громкие убийства обнажили лишь верхушку айсберга тайной войны между КСИР и «Моссад». Специальные подразделения КСИР ведут «охоту» на офицеров «Моссад». Командование КСИР весьма обеспокоено удачными последними операциями израильской разведки по внедрению своих агентов в некоторые подразделения иранских спецслужб. Сводные специальные подразделения иранской армии и органов безопасности в течение нескольких последних месяцев пытались вскрыть израильскую шпионскую ячейку в своих рядах. В 2022 г. они провели серию удачных операций в Ираке, в ходе одной из которых обезвредили израильскую агентуру в Эрбиле. Со своей стороны, специальный отряд израильских снайперов убил в Багдаде нескольких офицеров КСИР. В 20-х числах июня 2022 года подразделения военной турецкой разведки (MIT) и специальные отряды полиции провели серию арестов в отелях Стамбула. Было задержано несколько граждан ИРИ и Турции, которые подозревались в покушении на убийство израильских туристов. За несколько дней до этого турецкие власти по просьбе Израиля срочно эвакуировали всех граждан Израиля из Анкары. В израильском «Моссад» и МИДе нарастала обеспокоенность действиями иранских спецслужб. Несмотря на то что главной мишенью КСИР являлись офицеры «Моссад», иранские специальные службы и подконтрольные им боевые зарубежные ячейки вели «отстрел» гражданских лиц. Созданные иранской разведкой и ливанской «Хезболлой» в Латинской Америке боевые ячейки атаковали

руководителей еврейской общины в Буэнос-Айресе (Аргентина). О накале шпионской войны между Тегераном и Тель-Авивом свидетельствуют ряд фактов. Характерно, что более 20% израильских туристов в Турции являются арабами, палестинцами. Планировавшаяся акция в Стамбуле совпала с визитом в Турцию наследного принца КСА М. бен Сальмана. Иран не был обеспокоен последствиями своих действий в контексте отношений с исламскими палестинскими организациями, Турцией и КСА¹. Иранская делегация на переговорах в Вене отклонила требование Запада отказаться от мести за убийство К. Сулеймани в январе 2020 г. Во второй половине июня 2022 г. был снят с поста начальника разведки КСИР генерал Хусейн Тайиб. Он был назначен на должность советника командующего КСИР, которую прежде занимал генерал Нуссейн Саламе. Как и большинство его коллег, Х. Тайиб был весьма закрытой фигурой, поэтому об истинных причинах его отставки с поста начальника разведки остается только гадать. Ряд экспертов считают, что отставка Х. Тайиба была вызвана провалом операции КСИР в Стамбуле и убийством нескольких высокопоставленных иранских офицеров. Другие полагают, что отставка Х. Тайиба знаменовала собой начало масштабных кадровых перестановок в иранских силовых структурах на уровне высшего и среднего командного состава. Планировалось также перестроить организационную структуру КСИР, других силовых ведомств, приведя ее в соответствие с новыми задачами и приоритетами в сферах безопасности и внешней политики ИРИ². Ирано-израильское противостояние только набирает обороты. Ни одна из сторон конфликта не готова пока «сложить оружие». География смертоносных акций «Моссад» и КСИР расширяется и охватывает новые страны. Тегеран обеспокоен активной ролью Израиля в Азербайджане. Особую тревогу Ирана вызывает нахождение израильских Войск специаль-

¹ «Шпионская война» Ирана и Израиля в Турции. Редакционная статья. 06.23.2022. URL: <https://www.alquds.co.uk/>. (на араб.яз.).

² Что означает ожидаемое решение об отставке начальника разведки КСИР? Признание упадка или подготовка к наращиванию убийств в войне с государством оккупантом? Станет ли месть за убийство К. Сулеймани основной задачей нового начальника разведки КСИР? // Редакционная статья. 06.23.2022. URL: <https://www.raialyoun.com/>. (на араб.яз.).

ного назначения на северных границах ИРИ. Военно-политическая деятельность Тель-Авива вблизи иранских границ расценивается иранским руководством как явная демонстрация Израилем своих возможностей по сдерживанию Ирана на этом направлении. По оценкам Тегерана, в сложившейся ситуации Израиль может дать асимметричный ответ на действия ИРИ и «Хезболлы» в Ближневосточном регионе. Таким образом, тщательно отстроенная Тегераном ось сопротивления Израилю серьезно меняет свою директорию. Израильское присутствие на Кавказе рассматривается в Иране как потенциальная угроза национальной безопасности и территориальной целостности ИРИ. Израиль может использовать свое стратегическое преимущество для осуществления террористических акций в отношении иранских ученых-ядерщиков. Иран испытывает тревогу по поводу возможных действий Израиля в отношении иранских азербайджанцев, общая численность которых составляет около 25% совокупного населения ИРИ. Иран, который активно работает в среде иранских и шиитских анклавов в арабских странах, ясно осознает весь негативный потенциал эвентуальной активности Израиля в азербайджанской общине Ирана, большинство представителей которой проживают в северо-западных иранских провинциях, на границе с Арменией и Азербайджаном. Тегеран испытывает скрытые опасения, что если Израиль при поддержке ряда арабских стран Персидского залива начнет работу в этом направлении, то это может реально угрожать сохранению территориальной целостности Ирана. Озабоченности Ирана отнюдь не беспочвенны, если принять во внимание народные волнения в иранской провинции Хузистан (июль 2021 г.), которую многие арабские националисты и исламисты до сих пор считают арабской территорией, «оккупированной» Ираном. С этой точки зрения Иран не исключает возможность создания военного альянса Турции и Израиля в Азербайджане. В октябре 2021 г. Иран провел военные маневры вблизи пограничной территории с Азербайджаном, что, естественно, вызвало негативную реакцию Баку и Анкары¹. Израильское военное присутствие в Азер-

¹ Иран опасается присутствия израильской «Хезболлы» на своих северных границах. Редакционная статья. 10.07.2021. <https://alarab.co.uk/> (на араб.яз.).

байджане имеет под собой определенные основания. В конце 2021 г. глава израильской разведки находился с визитом в США, в ходе встречи со своими американскими коллегами он передал им особое досье по Ирану. В досье содержалась новая информация о ядерной программе Ирана, а именно были указаны два секретных объекта, где, по оценке израильтян, Тегеран вел работы по обогащению урана свыше установленной нормы (20%). Один из объектов был расположен на севере Ирана в 50 км. от границы с Азербайджаном. Второй, — находился на юге Ирана в провинции Ахваз на побережье Персидского залива. Одновременно США посетил министр обороны Израиля, который стремился получить новое ракетное вооружение с целью укрепления так называемого «Железного Щита», — гарантия безопасности против воздушных атак со стороны Ирана. Израильский министр обороны добивался продажи Израилю новейших американских систем вооружений типа «Arrow» и систем ПВО, основанных на разработках лазерного оружия. Израильскому министру обороны пришлось убеждать США в том, что Тель-Авив не стремится к вооруженному конфликту с Ираном, на самом деле, Израиль крайне обеспокоен возможными итогами венских переговоров. В середине декабря 2021 г. глава израильской разведки публично пообещал, что он не допустит появления у Ирана ядерного оружия. С аналогичным заявлением выступил и президент Израиля И. Герцог, который подчеркнул, что в случае провала переговоров в Вене Израиль сделает свой выбор самостоятельно¹. Примерно в это же время на одном из предприятий в иранском городе Натанз (Исфахан) произошел взрыв. По данным иранских источников, в воздушное пространство Ирана проникли неопознанные БПЛА, которые могли принадлежать Израилю. По тем же данным, 5 БПЛА несли на борту совершенное электронное оборудование для ведения разведки и сбора данных относительно ведущихся в г. Натанзе работ. Несмотря на все усилия, иранские системы ПВО «Bavar-373», «С-300» и поднятые в воздух ВВС КСИР не смогли поразить неопознанные БПЛА, которые беспре-

¹ Аль-Джарида раскрывает досье главы Моссад для Дж. Байдена по Ирану // Редакционная статья. 07.12.2021. [https://www.aljarida.com/articles/163881328997575600/\(на араб.яз.\)](https://www.aljarida.com/articles/163881328997575600/(на араб.яз.)).

пятственно около часа совершали несколько облетов территории вокруг Натанза¹. Еще одним «полем брани» между ИРИ и Израилем становится регион Персидского залива. Тегеран был раздосадован торжественным открытием в 2021 г. посольства Израиля в Манама. В начале октября 2021 г. на своем сайте КСИР поместил угрозы в адрес властей Бахрейна. Руководители КСИР сделали ряд резких заявлений в связи с визитом министра иностранных дел Израиля в Манама. Действительно, во время своего визита на Бахрейн израильский министр посетил 5-й американский флот США. На борту одного из эсминцев он провел переговоры с представителями властей Манама о возможности организации совместной обороны против иранской угрозы. Одновременно министр обороны Израиля встретился с командованием 5-го флота США и пытался договориться о совместных операциях в случае нарастания военной угрозы со стороны Ирана. По оценке иранских военных, Израиль стремится превратить Бахрейн и ОАЭ в новый плацдарм для ведения активной разведывательной деятельности против Ирана. География Бахрейна его близость к Ирану позволяют создать там идеальную разведывательную базу Израиля против Ирана. В случае расширения Израилем своей деятельности на Бахрейне, Иран планирует усилить свое военное присутствие в прибрежных водах Бахрейна и начать проводить спецоперации на его территории при поддержке местных оппозиционных группировок, таких как «Ассоциация Народного Согласия», «аль-Махтар» и «аль-Аштар». С учетом геополитической значимости Персидского залива для Ирана его отношения с малыми монархиями определялись соображениями безопасности. Демографические характеристики Ирана и малых государств Залива программируют особый характер их взаимоотношений. В этих странах проживают немалые по численности иранские общины, которые имеют глубокие исторические корни. Для властей Бахрейна близость Ирана представляет, куда большую опасность, нежели израильское присутствие. Неизбежным следствием географических и демографических различий между ИРИ и арабскими монархиями Персидского за-

¹ Маджид, М. Беспилотники проникли в воздушное пространство Ирана. 08.12.2021. URL: <https://www.alqabas.com/article/5870214/> (на араб. яз.).

лива становится разное понимание природы угроз их национальной безопасности¹. Ирано-израильское противостояние, в том числе в зонах жизненно важных интересов России, представляет потенциальную угрозу позициям Москвы на Ближнем Востоке и затрагивает вопросы национальной безопасности Российской Федерации. Москва в равной степени имеет хорошие отношения с Тель-Авивом и Тегераном и сотрудничает с ними по целому комплексу вопросов политики и безопасности в Сирии и на Ближнем Востоке в целом.

3. ТУРЕЦКО-ИРАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В СВЕТЕ ПРОБЛЕМЫ «СИРИЙСКОЙ НОРМАЛИЗАЦИИ»

События в Сирии развели Иран и Турцию по разные стороны политических баррикад. Анкара выступила против правящего в САР режима и предоставила свою территорию в качестве плацдарма противникам Дамаска. Сегодня турецкие войска находятся в Сирии и Ираке. Анкара поддерживает противостоящие Дамаску боевые формирования сирийской оппозиции. После 12 лет с начала сирийских событий и в результате изменения ситуации в регионе в ирано-турецких отношениях выявляется больше общих черт, чем различий. Сближению позиций Тегерана и Анкары отчасти способствовала Россия, объединив усилия Ирана и Турции в рамках «Астанинских» встреч как стран-гарантов по сирийскому урегулированию. Данное обстоятельство не мешает Ирану и Анкаре конкурировать в Сирии и на Ближнем Востоке в целом. Оба государства являются региональными державами и стремятся укрепить свое влияние на Ближнем Востоке. Несмотря на различия в этническом, религиозном составе населения, государственной идеологии, политических системах, в политике Турции и Ирана на Ближнем Востоке прослеживается немало общих факторов. Обе страны используют наряду с политическими инструментами силовые методы для реализации своих интересов в регионе. Мотивы их действий и характер интересов в государствах Арабского Востока не носят

¹ Хамуд Ю. Превратится ли Бахрейн в новую площадку борьбы между Израилем и Ираном? 13.07.2021. URL: <https://alkhaleejonline.net/> (на араб. яз.).

конфронтационного характера и не ведут к обострению ирано-турецких связей. Характер отношений Ирана и Турции с ближневосточными государствами отличается определенными различиями, которые Анкара и Тегеран стараются использовать для укрепления собственных позиций в регионе. В результате разрыва отношений с Дамаском Анкара утратила возможность прямого контакта с сирийским режимом. Сирийско-турецкое взаимодействие осуществляется сегодня по иранским каналам. Иран стремится воспользоваться хорошими отношениями Турции с Израилем и монархиями Персидского залива для снятия напряженности в отношениях с Тель-Авивом и Эр-Риядом. Тегеран и Анкара имеют общие озабоченности в отношении намерений и действий отрядов курдского вооруженного сопротивления, прежде всего в лице СДС и РПК. Объявленная в конце мая 2022 года Р.Т. Эрдоганом войсковая операция на севере Сирии рассматривается в Иране как продолжение прежних усилий Анкары по созданию 30 км буферной зоны на границе с САР. Решение о проведении операции было принято после активизации во второй половине 2022 г. атак на турецкие объекты в северных районах Халеба и на южных участках турецко-сирийской границы со стороны ряда курдских организаций, прежде всего Рабочей партии Курдистана (РПК) и СДС. С учетом этого Анкара намерена создать зоны безопасности в районах Айн аль-Араб, Тель Риф'ат, Айн Исса и Манбидж. Принятие Анкарой решения о вводе войск в Сирию мотивировалось целой группой факторов, которые во многом понятны Ирану. При этом геополитические интересы Анкары во многом детерминировали решение о проведении вооруженной операции. Как и Иран, Анкара рассчитывала использовать ситуацию на Украине в интересах усиления своего влияния в Сирии. Одновременно Турция не хочет осложнять отношения с Тегераном, в котором видит не только соперника, но и выгодного экономического партнера на Ближнем Востоке. Анкара рассчитывает на нейтральную позицию Тегерана в отношении турецкой вооруженной операции, в результате которой планирует укрепить свои позиции в САР с целью большего учета ее интересов на Ближнем Востоке. Соображения внутривосточного характера также сыграли определенную

роль в принятии Анкарой решения о военной операции в САР. Анкара не без оснований надеется на успех военной кампании, что сможет укрепить позиции правящей Партии справедливости и развития (ПСР) и лично Р. Т. Эрдогана в преддверии президентских выборов 2023 г. Снижение рейтингов правящей партии отрицательно сказалось на политическом имидже Р. Т. Эрдогана. В канун нового 2022 г. Р. Т. Эрдоган развернул беспрецедентную борьбу внутри страны за укрепление позиций ПСР. Основное внимание было сосредоточено на Стамбуле, где ПСР пыталась вернуть утраченную в ходе поражения в марте 2019 г. на муниципальных выборах поддержку горожан и жителей сельских пригородов. Специально назначенная комиссия в составе представителей МВД проводила регулярные инспекции в Стамбульском муниципалитете. Ее представители выясняли причины недавних назначений сотен новых служащих, которых власти подозревали в принадлежности к РПК и движению «Хизмет», основанному Ф. Гюленом. Турецкие власти обвинили главу Стамбульского муниципалитета из Республиканской народной партии (РНПК) в прямой причастности к увольнению 15 тыс. служащих Стамбульского муниципалитета. Вместо них он назначил 45 тыс. новых чиновников, которых некоторые турецкие политики называли не иначе как «террористами». Многие турецкие эксперты не исключали, что увольнение главы Стамбульского муниципалитета и руководителей местных органов власти в курдских районах решенный вопрос¹. В Сирии Турция, как и Иран, прежде всего исходит из соображений безопасности. В ходе объявленной операции Анкара намерена обеспечить возвращение нескольких сот тысяч беженцев в северные районы Сирии. С этой точки зрения Турция делает акцент на освобождении районов Тель Риф'ат, Манбидж, Айн аль-Араб от влияния СДС. В рамках войсковой операции Анкара стремится окончательно ликвидировать очаги угроз в пограничной полосе и стабилизировать там ситуацию. Анкара намеревается пресечь сецессионные замыслы сирийских курдов и окончательно ней-

¹ Абдерразак, С. Эрдоган разворачивает упреждающую борьбу за возвращение Стамбула и устранение имама Оглу. 03.01.2022. URL: <https://aawsad.com/home/article/3392176/> (на араб. яз).

трализовать угрозу со стороны РПК на своих южных рубежах. Турецкая кампания на севере САР вряд ли способна оказать негативное влияние на позиции ИРИ на Ближнем Востоке, в Сирии в частности и критически изменить природу отношений Ирана с правящим в САР режимом. Заявленные Анкарой цели операции так или иначе корреспондируются с основными положениями итогового коммюнике 18-го раунда встреч в «Астанинском» формате, которые поддерживали страны-гаранты (Россия, Турция, Иран)¹. Если Анкара сможет выполнить хотя бы часть поставленных задач, то, возможно, это укрепит безопасность на севере САР. Иран заинтересован в стабилизации ситуации на этой территории, чтобы сохранить свои позиции в стратегически важных северо-восточных районах Сирии. Столкнувшись с противодействием крупных региональных и международных игроков в своих попытках основательно утвердиться в Ливии, Ираке, Азербайджане, Афганистане, Анкара рассчитывала, что ей удастся без особых усилий создать зону своего влияния в Ливане. Турция надеялась воспользоваться политическим вакуумом в суннитской общине Ливана, который возник в результате конфликта (2021 г.) между Бейрутом и Эр-Риядом. При этом, как считали турецкие эксперты, Анкаре не придется задействовать силы и возможности «Братьев-мусульман» как это происходило в других странах-объектах турецких политических устремлений. Визит в Бейрут (2021 г.) министра иностранных дел Турции М. Дж. Оглу стал настоящей презентацией намерений турецкой дипломатии в Ливане. Турецкий министр был принят на высшем уровне. В ходе бесед с ведущими политиками страны он заявил, что Анкара намерена приложить максимум усилий для разрешения политического кризиса в Ливане. М. Дж. Оглу дал понять, что Анкара намерена оказать ливанским суннитам не только морально-политическую поддержку, но и обеспечить определенную материальную помощь. На деле Анкара прекрасно понимает, что в одиночку она не сможет разрешить конфликт в Ливане. Турция стремится заполнить социальный и политиче-

¹ Сиржави А. Ничего нового в 18-м раунде конференции в Астане кроме осуждения Израиля и части копии (материалов) 17-го раунда... подробности. 19.06.2022. URL: <https://awtanpost.net/post/48672/> (на араб. яз.).

ский вакуум в суннитской общине, сыграв на ее бедственном положении и обиде на КСА. Турция играет важную роль в вопросах безопасности в Сирии и Ливане и стремится расширить свое влияние в Леванте в целом. Характерно, что Анкара и не думает конкурировать с Ираном на политической арене Ливана. В Турции понимают, что Иран и «Хезболла» занимают настолько прочные позиции в Ливане, что без их одобрения турецкие планы имеют мало шансов на успех. В конце 1980 — начале 1990 г. «Хезболла» распространила свою деятельность на территорию Турции. Характерно, что этому способствовал не только Иран, но и Анкара, которая, по-видимому, недооценила организационные и военно-мобилизационные способности «Хезболлы». В начале 1990-х годов по инициативе турецких властей, в частности губернатора провинции Батман, было решено привлечь ряд боевых формирований «Хезболлы» к военным действиям против РПК. Бойцов «Хезболлы» снабдили оружием и предоставили им значительную свободу действий в проведении военных операций против курдских повстанцев. В дальнейшем боевые отряды «Хезболлы» частично вышли из-под контроля турецких властей и стали действовать в качестве самостоятельной военной силы, в том числе в других районах на востоке Турции. «Хезболла» смогла не только укрепить позиции своего турецкого филиала, но и создать альтернативный канал доставки оружия и боеприпасов из Тегерана в Ливан. В январе 1996 г. по этому маршруту прошло 6 транспортов с оружием для ливанской «Хезболлы». Политические демарши Анкары в Ливане не вызывали обеспокоенности ИРИ. Иран не намеревался препятствовать действиям Турции, а собирался использовать их в собственных интересах в региональных политических раскладах¹. В условиях быстроменяющегося баланса сил на Ближнем Востоке Тегеран и Анкара стремятся утвердиться в качестве основных участников в процессе сирийского урегулирования. Подлинные интересы Турции и Ирана выходят за рамки Леванта. Многие политики в Анкаре и Тегеране мечтают о том, чтобы Иран и Турция как две регио-

¹ Турция не нуждается в «Братьях-мусульманах», чтобы закрыть суннитский вакуум в Ливане // Редакционная статья. 11.17.2021. URL: <https://alarab.co.uk/>. (на араб. яз.).

нальные сверхдержавы определяли ситуацию на Ближнем Востоке. Однако пока Ближний Восток находится в фокусе мировой политики, исполниться этим мечтам вряд ли суждено. С учетом непростой внутривосточной ситуации в обеих странах, Иран и Турция опасаются, что крупные мировые державы могут разыграть арабскую карту не в их интересах. В результате политические интересы двух стран в регионе и их внутренняя безопасность окажутся под угрозой¹. С этой точки зрения Иран не только внимательно следит за попытками Турции нормализовать отношения с сирийским режимом, но и содействует этому процессу. В отличие от монархий Персидского залива и Израиля, Турция не обуславливает восстановление отношений с Дамаском выводом из Сирии иранских военных. Решить задачу возобновления сирийско-турецкого диалога было поручено начальнику турецкой разведки Х. Фидану. В последние годы Х. Фидан имел ряд контактов с главой БНБ САР А. Мамлюком. Встречи проходили в неофициальном формате в третьих странах. Первая официальная встреча Х. Фидана с А. Мамлюком состоялась в Москве в 2020 г. Встреча носила кратковременный характер и проходила на фоне нарушения соглашений о перемирии в Идлибе и нескольких случаях убийства турецких военных. К лету 2021 г. положение сирийского режима осложнилось в результате социально-экономических проблем и укрепления позиций вооруженной оппозиции в Идлибе. Международные гаранты стали более терпимо относиться к роли Турции в северо-западных районах Сирии. С такой переговорной сирийскому президенту было весьма сложно убедить свое силовое окружение в необходимости подобной встречи². Очередная встреча Х. Фидана и А. Мамлюка прошла в сентябре 2021 г. в Багдаде. Несмотря на осторожный оптимизм в ряде ближневосточных элит, встреча не привела к желаемому результату. Позиция Турции в отношении режима в Дамаске мало изменилась. Отно-

¹ Gorvett J. Secret Syria talks speak to a post-US Middle East era. Syrian and Turkish Intel chief meeting in Baghdad is just one of many signals the region's geopolitics are again fast reconfiguring. Asia Times. URL: <https://asiatimes.com/>.

² Mamluk and Fidan between two meetings. al-Idrak for Studies and Consultations. Istanbul // Special Assessment. August, 2021. URL: <https://www.idraksy.net/> (in arabic).

шение сирийского руководства к Анкаре оставалось негативным. Дамаск опроверг саму возможность диалога с Турцией. Разное понимание характера террористических угроз предполагало отсутствие общей переговорной платформы по вопросам безопасности и борьбы с терроризмом. Даже в случае организации переговоров было мало шансов на нормализацию отношений двух стран. Как и Тегеран, Анкара была обеспокоена выводом американских войск из Сирии и Ирака. В этом случае образовавшийся вакуум мог быть занят враждебными Турции и Ирану курдскими вооруженными формированиями. Турецкое руководство хотело заранее подготовиться к подобному развитию событий. С этой целью Анкара стремилась наладить диалог с сирийским руководством и добиться взаимопонимания с Дамаском в вопросах безопасности турецкой территории. Анкара попыталась сблизиться с Египтом, КСА и ОАЭ, которые активно участвовали в процессе вывода Сирии из политической изоляции в арабском мире. Анкара рассчитывала на содействие этих стран в вопросах сближения с Дамаском¹. Политика Анкары была обусловлена стремлением обеспечить стабильность правящей власти, поддержать внутреннюю безопасность государства и сохранить приобретенные позиции в регионе, прежде всего в Сирии. Несмотря на успехи сирийского режима в борьбе с оппозицией и удержание власти, сирийское руководство ясно отдавало себе отчет в том, что добиться нормализации отношений с другими арабскими странами будет легче, возобновив контакты с Анкарой. К тому же процесс возвращения САР в ЛАГ потребовал бы определенной разрядки напряженности в Леванте, что вряд ли возможно достичь без участия Турции. В течение 2021–2022 гг. Анкара установила неплохие отношения с ключевыми странами Арабского Востока и Персидского залива. Турция серьезно ограничила деятельность «Братьев-мусульман» по просьбе властей Египта и КСА. Р. Т. Эрдоган кардинально пересмотрел принципы политики Анкары в регионе. В итоге ревизии внешнеполитического курса Анкары на Ближнем Востоке было принято решение вернуться к прежней политике «ноль проблем».

¹ Халаф К. Просил ли Хаккан Фидан о встрече с Асадом в Дамаске? 16.09.2021. URL: <https://www.raialyoum.com/> (на араб.яз.).

Решающим фактором изменения позиции Анкары в отношении Дамаска стало соглашение с сирийскими властями. Турецкие войска заняли позиции на глубину до 35 км² (против прежних 5 км) для борьбы с курдскими повстанцами на сирийской территории. По мнению многих экспертов именно данное обстоятельство сделало возможным организацию новой сирийско-турецкой встречи. В конце декабря 2021 — начале января 2022 г. состоялись контакты между высокопоставленными представителями сирийских и турецких служб безопасности. Переговоры прошли на уровне высшего руководства сирийских спецслужб (А. Мамлюк) и турецких сил безопасности (Х. Фидан). Встреча была организована в районе порта Акабы (Иордания). В ней приняли участие представители служб безопасности ОАЭ, КСА, Катара. По мнению Дубая, именно ОАЭ сыграли решающую роль в организации этой встречи, проведя в течение декабря 2021 г. серию контактов с руководством Турции. На переговорах основное внимание было уделено организации совместных действий против вооруженных курдских повстанцев на севере САР, прежде всего СДС и РПК. Обсуждались также совместные проекты восстановления Халеба и его промышленной зоны, проблема возвращения беженцев¹. Пока рано утверждать, что результатом переговоров руководителей сирийских и турецких служб безопасности может стать личная встреча Б. аль-Асада с Р. Т. Эрдоганом. Однако сам факт такого рода контактов внушает надежды на возможность масштабной смены политических декораций в регионе. Несмотря на широкий спектр, противоречий и расхождений, Дамаск и Анкара ищут взаимоприемлемые пути для снятия остроты ситуации. Сирия и Иран заинтересованы в развитии взаимовыгодного торгово-экономического сотрудничества, прохождении транзитной торговли из Турции в Иорданию и страны Персидского залива через Сирию. Дамаск и Анкара имеют схожие подходы в курдском вопросе. Обе страны стараются не допустить становления курдской государственности. Сирия и Турция имеют общие подходы к решению пробле-

¹ Встречи представителей сил безопасности САР и Турции в Иорданской Акабе при посредничестве ОАЭ // Редакционная статья. 31.12.21. URL: <https://www.raialyoum.com/> (на араб. яз.).

мы борьбы с наркобизнесом и контрабандой оружия, которые формируют позитивный фон для нормализации двусторонних связей. Общая для обеих стран нарастающая угроза исламского экстремизма вынуждает светские (в своей основе) режимы в Сирии и Турции к более активному взаимодействию в целях нейтрализации дестабилизирующих проявлений исламского фактора в регионе. Осознание бесперспективности конфронтационного пути внушает надежды на нормализацию сирийско-турецких отношений в обозримой перспективе.

4. ИРАН И АРАБСКИЕ МОНАРХИИ ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА МЕЖДУ СИРИЙСКИМ ПРИМИРЕНИЕМ И ИСТОРИЧЕСКИМ НАСЛЕДИЕМ

Затянувшийся процесс политического урегулирования в САР вызывал обеспокоенность в арабских странах Ближнего Востока. По мнению арабских руководителей, продолжающийся кризис в САР, усиливал позиции Ирана и Турции не только в Сирии, но и в регионе в целом. Отсутствие политической стабильности в САР угрожало дестабилизации внутривосточной обстановки в других странах арабского мира. Многие представители арабских элит считали ошибкой поддержку сирийской оппозиции и изоляцию Сирии в результате событий марта 2011 г. Они полагали, что таким образом, арабы облегчили укрепление позиций ведущих мировых держав и крупных региональных игроков в лице Турции и Ирана на Ближнем Востоке. Подобная арабская позиция имела свои исторические прецеденты. Поведенческий стереотип арабских стран определялся сущностными характеристиками межарабских отношений на рубеже столетий. В последние десятилетия изменения динамики идеологических парадигм в арабских странах Ближнего Востока и межарабского баланса сил оказали большое влияние на характер межарабских отношений. Складывающаяся сегодня ситуация на Ближнем Востоке представляет реальную угрозу безопасности и территориальной целостности многих арабских государств. Размывание традиционной системы государственного управления и власти в арабских странах, изменения реги-

онального баланса сил оказали негативное влияние на характер межарабских отношений. Саудовская Аравия превратилась в одного из ключевых игроков на Ближнем Востоке и стала предпринимать попытки определять параметры будущего регионального порядка. Особенно заметными саудовские шаги в этом направлении стали после того, как Мухаммед бен Сальман стал наследным принцем. Одновременно КСА приняло вооруженное участие в йеменских событиях. ОАЭ активно поддерживали КСА. Это вызвало конфликт среди членов Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ). Катар выступил против политики КСА и ОАЭ. ОАЭ пытались занять лидирующие позиции в Аравии, что вызвало напряженность в отношениях с КСА, хотя внешне между двумя странами сохранялись дружеские отношения¹. Результаты военного присутствия ИРИ в Сирии и Ираке вызвали озабоченность арабских стран и заставили их лидеров предпринять активные действия по возвращению Дамаска и Багдада в лоно арабской политики. Начиная с 2016 г. КСА стало предпринимать попытки вернуть САР и Ирак под арабский контроль и побудить их отойти от Тегерана, обещало Дамаску и Багдаду финансовую помощь, стало более терпимо относиться к иракским шиитам. Однако САР и Ирак не торопились выполнять требования Саудовской Аравии и разрывать связи с Ираном. Одновременно иракский режим предпринял ряд шагов в сторону сближения с некоторыми арабскими странами, исходя из соображений политической необходимости и финансово-экономической выгоды². С учетом места и роли САР в региональных событиях процессы ускоренного политического урегулирования, экономической реконструкции Сирии, приобретают сегодня особое звучание. В зависимости от того, удастся ли остановить вооруженный кризис в САР, Дамаск сможет сыграть как пози-

¹ Snyder S. Saudi and UAE Boots on the Ground Intensify the Yemen War. The World, PRI. 12.08.2015. URL: <https://www.pri.org/>.

² См.: Исаев Л. М., Мардасов А. Г., Коротаев А. В. Протесты 2019 г. В Ираке в контексте новой волны ближневосточной дестабилизации // Сб. по итогам конференции Института Африки РАН «Перспективы стабилизации/дестабилизации политической ситуации на Ближнем Востоке и Северной Африки». М., 2019.

тивную, так и отрицательную роль в текущей ситуации на Ближнем Востоке. Развитие ситуации в Сирии и вокруг нее занимает приоритетные позиции в политической повестке большинства региональных и международных игроков на Ближнем Востоке. Визит министра иностранных дел ОАЭ в Дамаск в первой декаде ноября 2021 г. был тесно связан с характером взаимоотношений стран ССАГПЗ с ИРИ. Очевидный провал стратегии США на Ближнем Востоке, что было явно видно на примере Афганистана, Сирии, Ирака, давал Ирану временное преимущество, чтобы укрепить свои позиции в регионе. В ходе переговоров с сирийским руководством А. Бин Заид дал ясно понять, что арабские монархии не ставят вопрос нормализации отношений с САР в зависимости от изменения характера отношений Дамаска с Тегераном. Многие руководители арабских монархий пришли к убеждению, что разбить стратегическое партнерство Дамаска и Тегерана в обозримой перспективе практически невозможно. Несмотря на нерешенность проблемы островов в Персидском заливе, в Абу-Даби предпочли не поднимать этот вопрос, чтобы не раздражать Иран. ОАЭ были заинтересованы в развитии торговых отношений с Тегераном. Иран обеспечивал более 40% доходов внешней торговли эмиратов. Арабские монархии были готовы поддержать переговорный процесс по ядерной программе Ирана, чтобы дать возможность США быстрее определиться в отношении к Тегерану и его ядерной программе. Лабильная ситуация в регионе и явное военно-экономическое превосходство Тегерана в Персидском заливе заставляло государства этого субрегиона временно забыть о своих прежних амбициях. Арабские монархии Персидского залива были обеспокоены прежде всего собственной безопасностью, и поэтому предпочитали игнорировать военно-политическое присутствие Тегерана в Ираке, Сирии, Ливане. Показное игнорирование «заливниками» присутствия Тегерана в указанных странах вполне устраивало Израиль до тех пор, пока это не затрагивало напрямую интересы безопасности еврейского государства. Активная политика Тегерана в ряде арабских стран постоянно провоцировала межарабские разногласия,

что Тель-Авив использовал в своих интересах¹. Для арабских монархий Персидского залива этот вопрос приобретал особую актуальность в связи с характером отношений Ирана с КСА. В последние десятилетия, несмотря на спорадические контакты между двумя странами, природа их двусторонних отношений оставалась неизменной. Иран и КСА относились друг к другу с взаимным недоверием и подозрительностью². Нападение в 2016 г. на посольство КСА и саудовское консульство в Мешхеде (Иран) вызвало дальнейшее ухудшение отношений ИРИ с арабскими государствами Персидского залива. Неудивительно, что в 2016 г. официальные отношения между Ираном и КСА были разорваны. Несмотря на это, спорадические контакты между двумя странами не прекращались. Кувейт, Катар и ОАЭ понизили уровень представительства в ИРИ, а Бахрейн разорвал дипотношения с Ираном. Действия Кувейта были продиктованы активностью так называемой шпионской сети «Абдали», к которой, по некоторым данным, имел отношение Иран. Однако после визита президента ИРИ в Кувейт в феврале 2017 г. отношения стали постепенно налаживаться. КСА, ОАЭ, Кувейт были обеспокоены контактами Катара с «Братьями-мусульманами». Доха поддерживала правительство М. Морси в Египте; Катар оказывал помощь «братьям» в Сирии; Эр-Рияд был недоволен работой «Аль-Джазиры» и ее отношениями с Ираном. В 2017 г. эти разногласия достигли пика. КСА, Бахрейн, ОАЭ, Египет разорвали отношения с Катаром и устроили воздушную блокаду Дохи. Иран предоставил свое воздушное пространство Катару, открыл свои порты и снабжал Катар продовольствием. Катар восстановил отношения с Ираном в полном объеме. В октябре–ноябре 2017 г. стороны обменялись визитами высоких официальных лиц. Катар выразил желание инвестировать в развитие иранских портов и наладить долговременное экономическое сотрудничество с ИРИ. В 2021–2022 гг. Катар принял активное участие в реконструкции САР. Доха была убеждена в том, что в Сирии необходи-

¹ Что скрывается за визитом министра ОАЭ в Дамаск? // Редакционная статья. 11.12.2021. URL: <https://www.raialyoum.com/>. (на араб. яз.).

² Nehme D. Top Saudi Cleric says Iran Leaders Not Muslims as Haj Row Mounts. Reuters, 07.09.2016. URL: <https://www.reuters.com/article/>.

мо обеспечить комплексное урегулирование, а не идти путем постепенного умиротворения отдельных районов. Доха особо выделяла проблемы возвращения сирийских беженцев и оказание гуманитарной помощи как непереносимые условия для достижения прочного и долговременного урегулирования в этой арабской стране. Катар является крупнейшим донором гуманитарной помощи в САР. С 2011 по 2021-х г. Доха выделила около 2 млрд долл. на оказание гуманитарной помощи Сирии. В сентябре 2021 г. Катар принял участие в проекте по восстановлению северных районов Сирии, который получил название «Города Надежды». В рамках реализации этого проекта на севере САР с центром в Азазе планировалось построить 1400 домов, куда смогли бы вернуться около 9 тыс. сирийских беженцев. Общая оценочная стоимость проекта составила около 7,5 млн долларов¹. В результате связи с Ираном стали частью внешнеполитической стратегии Катара. К тому же Катар и Иран связывали общие экономические интересы и совместные проекты в нефтегазовой сфере. Изменение внутривосточной ситуации внутри КСА и в Иране на фоне охвативших Ближний Восток событий подтолкнули страны к тому, чтобы начать процесс переосмысления характера двусторонних связей. В начале октября 2021 г. в арабские и западные СМИ стала просачиваться информация о возможной нормализации отношений между Ираном и КСА. Действительно, после 2016 г. представители КСА и Ирана провели в Багдаде 4 раунда переговоров, в ходе которых обсуждались различные варианты восстановления двусторонних отношений. В первых числах октября 2021 г. министры иностранных дел КСА и Ирана последовательно сделали заявления о ведущихся между Тегераном и Эр-Риядом переговорах. Так, министр иностранных дел КСА Фейсал Бин Фархан рассказал о том, что в двадцатых числах сентября 2021 г. в Багдаде завершился 4-й раунд переговоров между представителями двух стран². Он подчер-

¹ Аль-Ани Т. В чем значимость роли Турции-Катара в поддержке политического решения в САР? 30.10.2021. URL: <http://khaleej.online/3oBeBo> (на араб. яз.).

² Хамуд Ю. «Неминуемое соглашение». Наступит ли в сложных саудовско-иранских отношениях новый период нормализации. 10.12.2021. URL: <http://khaleej.online/MDkVKB> (на араб. яз.).

кнул особый характер этой встречи, которая впервые прошла после избрания нового президента Ирана И. Раиси. Действительно, уровень саудовско-иранских контактов был немного повышен. В работе 4-го раунда приняли участие государственный министр КСА по иностранным делам Адель аль-Джубейр и генеральный секретарь Высшего совета национальной безопасности ИРИ Али Шамхани. Буквально через несколько дней после своего саудовского коллеги иранский министр иностранных дел Хусейн Амир Абдул Лахьян в ходе выступления в Бейруте сообщил о некоторых аспектах 4-го раунда переговоров в Багдаде. По словам иранского министра, саудовско-иранские переговоры двигались в верном направлении. Между КСА и ИРИ были достигнуты специальные договоренности по особым вопросам двусторонних и региональных отношений. Прошедшая в сентябре 2021 г. в Багдаде серия саудовско-иранских встреч могла в недалекой перспективе способствовать нормализации двусторонних отношений. По оценке иракских экспертов, в ближайшие недели после окончания парламентских выборов в Ираке можно было ожидать 5-й раунд саудовско-иранских переговоров. Договаривающиеся стороны рассчитывали, что в отличие от прежних контактов, 5-й раунд даст конкретные результаты в виде официальных договоренностей по ключевым вопросам двусторонних отношений¹. Несмотря на то, что ирано-саудовские переговоры проходили в сугубо закрытом режиме, а суть обсуждаемых вопросов тщательно скрывалась, ряд признаков вторичного характера указывали на то, что в Эр-Рияде и Тегеране было общее желание нормализовать характер двусторонних отношений. На переговорах речь шла об открытии консульских представительств, о развитии торгово-экономического сотрудничества и поисках путей урегулирования конфликта в Йемене. До разрыва отношений между Ираном и КСА ежегодный объем товарооборота двух стран в период с 2006 по 2016 г. составлял 200 млн долл. Политика США двойных стандартов в отношении Ирана и КСА побудила их к выходу на прямые контакты. В Иране уже порядком устали от политической игры США, которые одновре-

¹ Там же.

менно оппонировали Ирану и пытались возобновить с ним переговорный процесс по «мирному атому». Подобные действия США были продиктованы в первую очередь несогласованностью действий внутри американской администрации и отсутствием внятной общей позиции США и их европейских партнеров. После того как США демонтировали и вывезли с территории КСА комплексы ПВО «Патриот», отношение к США в КСА изменилось. Внутри саудовского руководства окончательно сформировалось убеждение, что в сегодняшней ситуации на Ближнем Востоке Эр-Рияд уже не может целиком полагаться на США в вопросах защиты своей национальной безопасности и обеспечения саудовских интересов в регионе. В случае достижения согласованного политического решения Тегеран и Эр-Рияд были вполне способны самостоятельно урегулировать йеменский кризис. Атаки «хуситов» не представляли прямой угрозы для национальной безопасности КСА. Куда большую обеспокоенность саудовские военные проявляли в отношении национальных нефтеперерабатывающих предприятий и нефтепромыслов, маршрутов доставки нефти в Персидском заливе в случае дальнейшей эскалации вооруженного конфликта в Йемене¹. Иранский министр иностранных дел заявил, что Тегеран никогда не видел пути решения конфликта в Йемене, кроме как политическими средствами. Несмотря на десятилетиями наработанный общий негативный фон в отношениях между Эр-Риядом и ИРИ, в обеих странах всегда были силы, несогласные с враждебным курсом КСА в отношении ИРИ. Изменения внутривнутриполитического характера в обеих странах могли повлиять на нормализацию ирано-саудовских связей. Естественно, сложное историческое наследие и религиозный фактор оказывали значительно большее влияние на этот процесс, чем в случае нормализации отношений Ирана с другими арабскими странами. Ваххабизм как государственная идеология КСА определил заведомо отрицательное отношение саудовских властей к Ирану. Часть властной элиты КСА, близкая к М. бен-Сальману, считала, что, если наследному принцу удаст-

¹ Саудовская Аравия и Иран в преддверии открытия консульств и закрытия страницы войны в Йемене // Редакционная статья. 13.10.2021. URL: <https://alarab.co.uk/> (на араб. яз.).

ся реализовать планы общественного переустройства королевства путем новой самоидентификации саудовского социума на основе идей партикулярного национализма, прежний характер связи дома Аль-Сауд и ваххабизма может измениться. С другой стороны, после исламской революции 1979 г. политизированная версия шиизма стала основой государственной идеологии и инструментом внешней политики ИРИ. На деле она сужала горизонты внешней политики Ирана и ограничивала возможности для маневра на Ближнем Востоке. Любые новации в этом плане могли также оказать влияние на изменение характера ирано-саудовских отношений¹. Изменение характера системы международных отношений и региональной политики, баланса сил на Ближнем Востоке непременно скажутся на характере ирано-саудовских связей. На деле так и произошло. До конца 2021 г. обе стороны заявляли о достигнутом прогрессе в сближении позиций Эр-Рияда и Тегерана и формировании общей позиции по обсуждаемым вопросам. Однако дипломатический кризис между КСА и Ливаном глубокой осенью 2021 г. поставил под вопрос примирение между Эр-Риядом и Тегераном. В последние годы позиции КСА в Ливане несколько ослабели, в том числе из-за отношения Эр-Рияда к вооруженному конфликту в САР. Предпринятые КСА на фоне переговоров с Ираном попытки укрепить свои позиции в Ливане натолкнулись на скрытое сопротивление ливанской «Хезболлы», которая являлась крупнейшей военно-политической силой Ливана и подчинялась исключительно приказам из Тегерана. Саудовско-ливанский кризис отразил весь спектр расхождений между Эр-Риядом и Тегераном по вопросам безопасности на Ближнем Востоке. По мере разрастания кризиса между Эр-Риядом и Тегераном стороны обменялись рядом нелестных заявлений, которые могли означать, что восстановление дипломатических отношений между КСА и ИРИ откладывается на неопределенное время. Так, спикер комитета по внешней политике и безопасности иранского меджлиса (парламента) М. Машкини фактически обвинил Эр-Рияд в затягивании переговорного процесса с Ираном. Ему вторил министр ино-

¹ Long D. E. US-Saudi Relations: Evolution, Current Conditions, and Future Prospects // *Mediterranean Quarterly*, 2004. Vol. 15, № 3.

странных дел ИРИ Абдула Мир Лахъян, который дал понять, что КСА не заинтересовано в налаживании отношений с Ираном. В свою очередь, министр иностранных дел Саудовской Аравии Фейсал Бин Фархан подчеркнул, что Ливан находится под контролем Тегерана. Действительно, Эр-Рияд неоднократно обвинял Иран в поддержке экстремистских и сепаратистских движений в Йемене, Ливане, Сирии, Ираке. Дипломатический кризис между КСА и Ливаном глубокой осенью 2021 г. поставил под вопрос примирение между Эр-Риядом и Тегераном. Саудовско-ливанский кризис отразил весь спектр расхождений между Эр-Риядом и Тегераном по вопросам безопасности на Ближнем Востоке. На самом деле разногласия между КСА и ИРИ выходили далеко за пределы конфликта в Йемене и Ливане и имели экзистенциальный характер¹. В сложившейся ситуации Саудовская Аравия решила восстановить прежний объем отношений с Пакистаном. После отказа Исламабада поддержать КСА в йеменском конфликте в 2015 и 2018 г. отношения между странами заметно охладели. Саудовцам было сложно забыть нанесенные (предположительно ИРИ) в сентябре 2019 г. удары по нефтехранилищам на саудовской территории в районе Бкейк и Хрейс. В свое время КСА затратило сотни миллиардов долларов на поддержку ядерной программы Пакистана в надежде на то, что Исламабад сможет создать для Эр-Рияда ядерный «зонтик», который защитит саудовцев от возможных ударов Ирана. При этом, саудовские руководители не обольщались на счет Исламабада. Они отдавали себе ясный отчет в том, что в случае вооруженного конфликта с Ираном Пакистан не станет сражаться «в одном окопе» с Эр-Риядом. Основные опасения Эр-Рияда были связаны с возможными ударами США и Израиля по Ирану. В этом случае КСА рассчитывало на то, что Исламабад окажет саудовцам необходимую военно-политическую поддержку, чтобы не допустить иранских ударов по территории королевства². Подобные

¹ Хамуд Ю. Повлияет ли кризис между Эр-Риядом и Бейрутом на саудовские переговоры с Ираном? 11.06.2021. URL: <http://khaleej.online/9DWdj3>. (на араб. яз.).

² КСА возобновляет расчеты в отношении Пакистана в противодействии Ирану. Редакционная статья. 11.07.2021. URL: <https://alarab.co.uk/>, (на араб. яз.).

опасения арабских монархий Персидского залива имели достаточно обоснованный характер. В последние годы Персидский залив стал превращаться в новый район конфронтации между Ираном и Израилем. Еще в 1990 г., когда у арабских стран Персидского залива были нормальные отношения с Ираном, Оман и Бахрейн поддерживали контакты с Израилем. Политика США по созданию израильско-суннитского альянса против Ирана подталкивала эти страны к развитию связей с Израилем. Однако активизация контактов Израиля и стран Персидского залива началась позже, когда иранская угроза стала особенно явной и усилились позиции «Братьев-мусульман». Не все страны Персидского залива хотели вести диалог с Израилем за счет отношений с Ираном¹. Определенную роль в продвижении этого трека сыграл визит в Оман израильского премьера Б. Нетаньяху в октябре 2018 г. Может быть, Оман хотел обезопасить себя от последствий возможных ударов США по Ирану². Летом 2020 г. были подписаны так называемые Авраамские соглашения о нормализации отношений Израиля и ряда арабских государств Персидского залива. Подписание указанных соглашений отражало новый тренд развития ситуации в регионе, в котором идея нормализации отношений арабских стран и Израиля занимала не последнее место. Все больше арабских государств начинало разделять указанную идею и пересматривать свои прежние установки в отношении Израиля³. Во многом это происходило под воздействием процессов, которые породили события «Арабской весны». Многие арабские руководители начинали осознавать, что главная опасность исходит не столько от Израиля, сколько от местных радикальных исламистов, рвущихся к власти, и крупных региональных соседей в лице Турции и Ирана, которые стремятся поделить регион на зоны своего влияния. После подписания соглашений между Израилем, Бахрейном и ОАЭ Иран

¹ Hanley, Delinda C. UAE Seeks Regional Stability. Warns against War on Iran. Washington Report on Middle East Affairs. 2007. Vol. 26, no.8.

² Dourian, Kate. Iran and Oman Sign Oil, Gas Cooperation Agreement. Platts Oilgram. 18.05.2007.

³ Ulrichsen. Christian Coates. Israel and the Arab Gulf States: Drivers and Directions. Center for Middle East Policy. Rice University's Baker Institute for Public Policy. September, 2016.

резко ужесточил антиизраильскую риторику. Тегеран полагал, что Израиль стремился превратить Персидский залив в новый плацдарм для ведения активной разведывательной деятельности против Ирана. В случае расширения Израилем своей деятельности Иран планировал усилить свое военное присутствие в Персидском заливе и начать проводить спецоперации на территории ряда арабских монархий. В прошлом арабские страны обвиняли Иран в поддержке оппозиционных группировок на Бахрейне (Ассоциация Народного Согласия, аль-Махтар и аль-Аштар) с целью подготовки условий для свержения законной власти в стране¹. Иранская дипломатия и закордонные подразделения КСИР обладали достаточно обширным запасом методов и средств, чтобы подорвать идущие вразрез иранским интересам соглашения на региональном уровне. Иран не раз демонстрировал свои «эксклюзивные» способности на практике. В феврале 2020 г. на одном из заседаний Стратегического Совета ИРИ по международным делам прозвучала идея об организации новой мощной палестинской интифады при массовой поддержке ИРИ. А в сентябре 2020 г. представители руководства «ХАМАС» и ливанской «Хезболлы» договорились о более тесном сотрудничестве по ключевым военно-политическим вопросам. Иран на постоянной основе открыто оказывал поддержку «ХАМАС» и «Исламскому джихаду». В сложившейся ситуации было бы уместным упомянуть о скрытых контактах ИРИ с «ль-Каидой», с помощью которых Иран мог попытаться радикализировать палестинцев. Иран на постоянной основе открыто оказывал поддержку «ХАМАС» и «Исламскому джихаду». Более осторожно и скрытно Иран поддерживал нерегулярные контакты с представителями «аль-Каиды» и «Талибан» (еще до прихода к власти в Кабуле) по мере необходимости. По оценке ряда представителей американских спецслужб, впервые контакты между Ираном и «аль-Каидой» были зафиксированы после событий 11 сентября 2001 г. Отношения между ними носили весьма неровный характер и отличались взаимным недоверием и цинизмом. Однако, когда речь шла об интересах националь-

¹ Хамуд.Ю. Превратится ли Бахрейн в новую площадку борьбы между Израилем и Ираном? 13.07.2021. URL: <https://alkhaleejonline.net/> (на араб. яз.).

ной безопасности Ирана, Тегеран не брезговал пользоваться логистической и военной поддержкой «аль-Каиды» в проведении операций против Израиля и США. Известно, что в своей пропагандистской деятельности «аль-Каида» постоянно уделяла внимание палестинскому вопросу. Так, после решения США перевести в 2018 г. свое посольство в Иерусалим Айман аз-Завахири публично осудил бездеятельность арабских стран и призвал мусульман к вооруженному джихаду против арабских правительств и США. В 2019 г. после признания США Голанских высот территорией Израиля А. аз-Завахири призвал палестинцев к атакам смертников на Израиль и его объекты. В то же время отношение «аль-Каиды» к палестинскому делу носило неопределенный характер. Воинственная риторика «аль-Каиды» по палестинскому вопросу не сопровождалась конкретными операциями, что вызывало резкую критику в джихадистких и такфиристских кругах. Однако существовала гипотетическая опасность, что рано или поздно «аль-Каида» под воздействием Ирана может начать действовать и перейти от слов к делу. В 2015 г., по некоторым данным (требуют дополнительной проверки. — А. В.), иранские власти освободили из-под домашнего ареста 5 старших оперативников «аль-Каиды», удерживаемых на территории ИРИ. При этом двое из них Сэйф аль-Адель и Абу Мохаммед аль-Масри (оба египтяне — А. В.), оставались в Иране, откуда, по всей видимости, пытались помогать руководить деятельностью организации. Трое других, в том числе заместитель аль-Завахири по египетскому досье Абу Хейр аль-Масри, Халед аль-Арури (старший оперативник по иорданскому досье) и Сари Шихаб вошли в состав проиранских сил, действовавших на территории Сирии. Предоставление Ираном убежища ряду руководителей «аль-Каиды», с тем чтобы предотвратить враждебные действия организации в отношении ИРИ и ее интересов, сопровождалось существенной логистической поддержкой ее оперативников. В свою очередь, Иран мог рассчитывать на ответные действия со стороны организации. Несмотря на свою доктрину ограниченного сотрудничества и взаимодействия в условиях враждебного окружения и контролируемого характера такого сотрудничества, «аль-Каида» могла пойти на сотрудничество с Ираном с учетом

оправданного риска и очевидной выгоды. В такой ситуации, «заливники» опасались, что примирение с Израилем может породить иные виды угроз и косвенно способствовать расширению иранской «оси сопротивления» с привлечением в нее новых радикальных элементов, в том числе и «аль-Каиды» (естественно, неофициально). Тегеран стремился не допустить создания арабо-израильского альянса, тем более с участием Дамаска и Багдада. Иран был обеспокоен стремлением арабских стран снизить уровень иранского присутствия в Сирии и Ираке. В марте 2022 г. министр иностранных дел ИРИ посетил Дамаск и Бейрут. Высокопоставленный иранский представитель уверил руководителей Сирии и Ливана, а также глав шиитских милиций и общин, что Иран не намерен менять характер своей политики в регионе¹. Неожиданный визит Б. аль-Асада в Тегеран в июне 2022 г. внес коррективы в арабские планы в отношении Дамаска. В течение нескольких последних десятилетий, отношения Ирана с арабскими монархиями Персидского залива носили уникальный характер и определялись рядом факторов внутреннего и внешнего характера. С учетом значимости Персидского залива, для Ирана вопросы безопасности играли заметную роль в политике Тегерана в отношении этих стран. В отличие от других арабских стран, географическая близость Ирана и «малых» монархий Персидского залива, служила важным аспектом в их двусторонних отношениях. Территориальные и демографические различия между Ираном и «малыми» монархиями Персидского залива генерировали озабоченности последних за свою безопасность. В случае вооруженного конфликта военная мощь и экономический потенциал Ирана, который отчасти определялся его территориальными и демографическими особенностями, могли обеспечить Тегерану военное превосходство и стать решающим фактором в определении исхода конфликта. Напротив, «малые» монархии Персидского залива отличались незначительной численностью коренного населения и были вынуждены опираться на инонациональную рабочую силу в своей экономической дея-

¹ Аль-Факих, И. Станет ли Ближний Восток свидетелем новых союзов, далеких от Вашингтона. Стамбул. 05.04.2022. URL: [https://www.aa.com.tr/ar/2555368/\(на араб.яз.\)](https://www.aa.com.tr/ar/2555368/(на%20араб.яз.)).

тельности и вопросах обеспечения безопасности. Кроме того, в большинстве этих стран проживали крупные иранские общины, которые имели глубокие исторические корни. Конфессиональные различия между коренным населением и иранскими общинами служили дополнительным источником напряжения в отношениях с Ираном¹. Власти «малых» монархий рассматривали шиитские общины на своей территории как инструмент влияния Ирана и потенциальный фактор саботажа и дестабилизации. Поэтому для «малых» монархий Персидского залива иранские общины представляли большую опасность, нежели выходцы из Индии или Пакистана. С другой стороны, присутствие шиитских общин на территории «малых» государств Персидского залива не обязательно предполагало враждебность в отношении Ирана. В Кувейте проживало 30–40% шиитов, большинство из которых были этническими иранцами. При этом отношения между Кувейтом и Ираном носили в целом нормальный характер. Примерно так же складывались отношения между ИРИ и Катаром². Последние изменения в политике США на Ближнем Востоке явно складываются не в пользу арабских монархий Персидского залива. Несмотря на это, арабские монархии упорно не доверяют Ирану и хотели бы иметь арабскую систему безопасности, возможно, с участием России и Китая как ее гарантов. В отличие от стран Арабского Востока, правящая элита арабских монархий Персидского залива никогда не была национально ориентированной³. Большинство арабских монархий Персидского залива не прошли путь борьбы за национальную независимость и предпочитали доверять свою безопасность Западу. Их правящий класс опасался не столько Ирана, сколько арабского национального движения, которое сегодня пытается возродиться, в том числе и на основе объединения арабских усилий в деле сирийского урегулирования.

¹ Chubin, Shahram and Zabih, Sepehr. *The Foreign Relations of Iran: A Development State in a Zone of Great Power Conflict*. Berkeley: University of California Press, 1976.

² Kamrava, Mehran. *Qatar: Small State, Big Politics*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2013.

³ See: Kenneth Katzman. *Oman: Reform, Security, and US Policy*. Washington, DC: Congressional Research Service. 04.12.2017.

Сегодня на Ближнем Востоке идет борьба за влияние между крупными региональными игроками в лице Ирана, Турции, Израиля. Политика этих государств мотивируется задачами капитализации силы, соображениями национальной безопасности, возможностью переформатировать региональный баланс сил в собственных интересах. Исходя из указанных параметров, эти страны принимают решение о вооруженном вмешательстве в «слабые» ближневосточные государства. С этой точки зрения поддержание контролируемой нестабильности в подобных государствах Ближнего Востока (Сирии, Ираке, Ливане, Йемене) облегчает им решение указанных задач. Особую озабоченность вызывает продолжающийся в САР кризис и складывающаяся вокруг Дамаска конфликтогенная обстановка. В Сирии идет острое политическое соперничество, в основе которого лежат религиозные, идеологические, этнические различия, которые иранская дипломатия и разведка искусно используют для обеспечения интересов ИРИ.

Заключение

На рубеже столетий характер наиболее острых конфликтов на Ближнем Востоке и основные параметры их урегулирования определялись региональной политикой Ирана, алгоритмы которой детерминировались особенностями арабо-иранских отношений. Речь прежде всего идет об арабо-иранском историческом наследии и специфики развития внутриполитических систем в арабских странах и Иране. После исламской революции 1979 г. в ИРИ сформировалась уникальная политическая модель государственного устройства, в рамках которой военные и духовенство занимали ведущие позиции. В условиях «Арабской весны» большинство арабских стран пережили острый социально-политический кризис, который продолжается до сих пор. В Иране главный упор во внешней политике был сделан на обеспечение внутренней безопасности и сохранение территориальной целостности. Исламские ценности служили идеологическим обоснованием политического курса в регионе. С укреплением позиций Ирана на Ближнем Востоке важные процессы внутренней политики многих региональных стран получили не только новое измерение, но и обрели иную стратегическую перспективу. Как показали последние события в Афганистане, Ираке, Сирии, Ливане, Ливии, Тунисе, Йемене, Тегеран претендовал на то, чтобы

самостоятельно решать вопросы власти, войны и мира на Ближнем Востоке. В итоге современный характер арабо-иранского взаимодействия стал отличаться заметным ростом напряженности и усилением взаимной враждебности. В то же время отношения между арабскими странами и Ираном являлись одним из важных факторов международных отношений на Ближнем Востоке. В своей ближневосточной политике Иран делал ставку на Сирию, Ирак и Ливан. В этих государствах позиции ИРИ были наиболее сильны, что позволяло Тегерану эффективно обеспечивать свои интересы на Ближнем Востоке и сохранять внутреннюю безопасность. Дамаск традиционно являлся одним из главных арабских союзников Ирана. На протяжении последних десятилетий отношения между Дамаском и Тегераном носили дружественный и партнерский характер. С этой точки зрения сирийско-иранский альянс представлял исключение из общей картины арабо-иранского взаимодействия в регионе на рубеже столетий. После прихода к власти в САР Б. аль-Асада отношения между Сирией и Ираном приобрели характер стратегического партнерства. В канун сирийских событий отношения между Дамаском и Тегераном активно развивались в различных областях, включая ВТС, безопасность, экономику и научно-техническую сферу. Сирийско-иранские отношения стали важным компонентом политической ситуации на Ближнем Востоке. Кризис в САР спровоцировал критические изменения в региональной системе безопасности и обозначил переломный этап развития Ближнего Востока. Борьба за Сирию обострила ближневосточный конфликт, участники которого рассматривали сирийские события как новую возможность укрепить свои региональные позиции в рамках начавшегося процесса реформирования Ближнего Востока. Сирийский кризис стал наиболее значимым конфликтом в новейшей истории Ирана после ирано-иракской войны. Иран первым пришел на помощь Сирии, оказав ей финансовую и политическую поддержку. Тегеран был обеспокоен тем, что в результате гражданской войны прежняя политическая система сирийского государства и его основные институты были фактически разрушены. Режим Б. аль-Асада был не способен самостоятельно управлять конфликтом. Сирия оказалась на грани

территориального раскола, утраты национального суверенитета. В результате религиозного характера конфликта Сирия стала ареной борьбы различных джихадистских и экстремистских организаций, прежде всего «Исламского Государства». Эскалация вооруженного противостояния в Сирии подтвердила стратегическую установку ИРИ на то, что Ирак и Ливан являются критическими факторами национальной безопасности Ирана и обеспечения его политики на Ближнем Востоке. С этой точки зрения Иран был обречен на активное участие в сирийских событиях. Решение Тегерана направить в САР свои войска стало для многих неожиданным и противоречило прежней военной доктрине ИРИ. Занятая Тегераном позиция в отношении сирийского конфликта, кардинально отличалась от традиционной политики Ирана в регионе. После ирано-иракской войны 1980–1988 гг. Иран практически избегал прямого вооруженного участия в региональных конфликтах, тем более дислокации своих войск на территории третьих стран. В отличие от Ирака и Ливана, сирийский конфликт не представлял прямой угрозы для ИРИ. Кризис в САР не был причиной атак на иранскую территорию, не угрожал иранскому суверенитету и территориальной целостности. Вооруженное вмешательство Ирана в Сирию и Ирак существенно изменило характер борьбы за Ближний Восток. Решение Ирана вмешаться в сирийские события было продиктовано рядом факторов. Отказ Ирана от своей обычной практики логистической и советнической поддержки иранских региональных союзников и отправка в САР элитных частей КСИР, Артеш и Басидж свидетельствовал о значимости Сирии в региональных раскладах иранской политики на Ближнем Востоке. Проблемы региональной и внутренней безопасности послужили мощным драйвером иранского участия в САР. Вовлеченность Ирана в сирийские и иракские события была вызвана стремлением Тегерана реформативировать региональную систему безопасности в собственных интересах. Несмотря на то что Иран является идеологическим государством, его решения определялись в первую очередь чисто прагматическими соображениями. Основным мотивом вмешательства ИРИ в САР стало его стремление изменить баланс сил на Ближнем Востоке в свою пользу. Тегеран расчи-

тывал, что его вмешательство в САР не позволит изменить региональный баланс сил в интересах соперников ИРИ на Ближнем Востоке. Иран хотел укрепить свои позиции в САР, Ираке, Ливане, превратив эти страны в надежный плацдарм для своих операций на Ближнем Востоке. Удержание САР в орбите своего влияния означало для Тегерана наращивание стратегической глубины в регионе. В контексте иранской перспективы на Ближнем Востоке свободный доступ к сирийской территории играл важную роль в сохранении иранского влияния и поддержании регионального баланса сил на Ближнем Востоке в интересах ИРИ. Давние связи Ирана с алавитским режимом в САР также сыграли важную роль в принятии Тегераном решения вмешаться в сирийский конфликт. Особый характер отношений с правящим режимом и лояльность его представителей политике ИРИ в регионе служили важным элементом механизма принятия решений. Отношение ИРИ к правящему в САР режиму определялось в первую очередь соображениями сохранения иранских позиций в САР и в регионе в целом. Тегеран был озабочен поддержанием внутренней стабильности в Сирии и обеспечением национальной безопасности ИРИ. Идеологические факторы играли второстепенную роль, они служили инструментом мобилизации новых рекрутов для пополнения шиитских милиций в Сирии и Ираке. Забота о сохранении правящего в САР режима была вызвана опасениями ИРИ возможным расширением активности «Исламского Государства» в Ираке и его проникновением на иранскую территорию. В этом плане САР и правящий режим представляли интерес для обеспечения безопасности ИРИ. Реальные внешние угрозы (в лице США и Израиля), к отражению которых готовилась иранская армия, служили определенным стимулом иранского вмешательства в САР. Иран хотел, чтобы его Вооруженные силы совершенствовали свой боевой опыт в условиях вооруженного конфликта в САР. В отличие от Сирии, в иранском руководстве не наблюдалось каких-либо разногласий в отношении иранской военной операции в Ираке. В то же время в отличие от САР нестабильность в Ираке напрямую отражалась на внутренней ситуации в Иране. Поэтому, несмотря на то что иранские силы к моменту начала сирийских событий уже

находились в Ираке, появление «ИГ» побудило Иран усилить свое военное присутствие в этой арабской стране. Укрепление позиций «Исламского Государства» в Ираке и Сирии и начало военной операции сил международной коалиции существенно изменили баланс сил на Ближнем Востоке. Эти события фактически бросили вызов политике Ирана по сохранению своего влияния в Ближневосточном регионе. В деятельности «ИГ» Тегеран усматривал угрозу не только его позициям в Ираке, но и сохранению его территориальной целостности и внутренней стабильности. Иран остановил атаки «ИГ» против своих объектов. Тегеран послал мощный сигнал региональным державам, что в отличие от арабских монархий Персидского залива он в одиночку способен добиваться поставленных целей, обеспечивать собственную безопасность и поддерживать региональный «статус-кво». Этническая и религиозная общность являлась другим важным мотивом иранского вмешательства в САР и Ирак. В военной кампании ИРИ в САР и Ираке «шиитский фактор» имел два основных измерения — военное и общественно-политическое. Силовая составляющая в использовании ИРИ «шиитского фактора» была обусловлена состоянием сирийских и иракских Вооруженных сил. Несмотря на то что армия сохранилась как институт государства, она кардинальным образом трансформировалась в условиях кризиса. Изменение конфессионального состава сирийских силовых структур создало благоприятные условия для укрепления иранских позиций внутри офицерского корпуса САР. Иран отдавал приоритет защите и обучению шиитской общины Сирии. Тегеран сформировал в САР милицейские отряды из афганских и иракских шиитов, сражавшихся на стороне правящего режима. В отличие от Ирака в Сирии Тегеран сделал явный акцент на сотрудничестве с алавитами и шиитами. Действительно, многие расчеты Ирана в его региональной политике строились помимо силового фактора на отношениях с иранскими землячествами и шиитскими общинами в арабских странах. Продвигая шиитов Ирака, Сирии и Ливана («Хезболла») к власти, Иран рассчитывал укрепить свое политическое и военное присутствие в Леванте. В отличие от Сирии в Ираке Иран пытался привлечь на свою сторону часть суннит-

ского населения для борьбы с «ИГ». Иран был вынужден поддерживать центральную власть в Багдаде, чтобы не допустить дезинтеграции Ирака. Такая поддержка носила дозированный характер, чтобы не вызвать значительного усиления власти в Ираке. Тегеран опасался, что в этом случае Багдад попытается снизить иранское влияние в Ираке. Иран осознавал все риски создаваемой им конструкции взаимоотношений с Сирией и Ираком как государствами-клиентами. Несмотря на религиозную общность части правящих элит, укоренившийся в иракском и сирийском общественном сознании ген арабского национализма и национального партикуляризма мог в определенных обстоятельствах сыграть против ИРИ. Курдский вопрос оказывал сильное влияние на характер ирано-иракских отношений. Настойчивые попытки иракских курдов добиться создания собственного государства побуждали Иран крепить иракскую государственность. Проведенный иракскими курдами в 2017 г. референдум о создании независимого государства сильно обеспокоил Тегеран. Иран приложил все усилия к тому, чтобы не допустить отделения Иракского Курдистана в качестве самостоятельного государства. Как и в случае с курдскими организациями, Иран использовал свои связи с шиитскими общинами Ирака как в интересах поддержки центральной власти Багдада, так и для ее ослабления. Такая двойственная политика имела неоднозначные результаты для позиций Ирана в Ираке. Шиитская община Ирака не являлась единой. Расхождения в шиитской общине Ирака затрудняли Ирану процесс выстраивания отношений с иракскими шиитами как единой структурой. Попытки Тегерана управлять ею были чреваты осложнением позиций Ирана в Ираке. Иран практически не имел никаких серьезных связей с иракскими суннитами, поэтому Тегеран не мог в полной мере управлять политическим процессом в Ираке. В условиях сирийского кризиса Тегеран уже не мог рассчитывать на прежнюю поддержку Дамаска по защите своих интересов в Ливане. Многие политические силы Ливана меняли свое отношение к Ирану, пересматривали прежний характер связей с Тегераном. В условиях сирийского кризиса управление «Хезболлой» в Ливане и Сирии требовало особого внимания Тегерана. За время уча-

ствия в сирийской кампании организация потеряла несколько тысяч высокопоставленных офицеров и основательно испортила отношения с политическими силами в Ливане и большинстве арабских государств. В результате сирийских событий «Хезболла» оказалась в террористических списках многих исламских государств. Возможные последствия участия организации в сирийском конфликте вызывали обеспокоенность ее руководства сохранением своего привилегированного положения в Ливане. В условиях сирийского кризиса Тегеран был вынужден периодически вмешиваться во внутренние дела Ливана, чтобы эффективно контролировать действия организации в Бейруте и Дамаске. Силовая политика ИРИ в Ближневосточном регионе оказывала определенное влияние на развитие внутривнутриполитической обстановки в Иране. Вызывала определенную эволюцию иранской политической системы, меняла расстановку сил внутри властных структур, отражалась на состоянии иранского социума и его мировоззрении. Вооруженное вмешательство ИРИ в САР и Ирак сочеталось с элементами гуманитарной дипломатии. Поддержка Тегераном шиитских милицейских формирований, особенно в интересах борьбы с «ИГ», воспринималась частью местного населения в гуманитарном аспекте и являлась инструментом «мягкой силы». Парадоксально, но иранская военная кампания в САР и в Ираке обеспечила качественные сдвиги в «гуманитарной» дипломатии ИРИ, балансировавшей на грани «жесткой» и «мягкой» силы. После участия ИРИ в сирийском конфликте военная доктрина Ирана приобрела новые измерения. Наряду с прежним оборонительным характером новая иранская военная доктрина включала задачи проведения зарубежных войсковых операций с участием иностранных наемников в интересах обеспечения национальной безопасности Ирана. Для ее реализации потребовалось видоизменение функционала части боевых подразделений иранских Вооруженных сил, наполнение их новым содержанием, обеспечение современными видами вооружений. Изменения в военной доктрине ИРИ оказали влияние на корректировку инструментария иранской дипломатии. Во внешнеполитической практике возросла роль неклассических инструментов внешней политики.

Борьба Ирана в Сирии и Ираке за Ближний Восток повлияла на характер взаимодействия Тегерана с региональными государствами и мировыми державами. Активизация вооруженного вмешательства Ирана в ряд арабских государств изменила характер взаимоотношений ИРИ с Россией, Израилем, Турцией, монархиями Персидского залива. Ирано-израильское противостояние в Сирии придало новые измерения конфликту между Тегераном и Тель-Авивом. Развернувшаяся «шпионская война» между двумя странами, в том числе в зонах жизненно важных интересов России, представляла потенциальную угрозу позициям Москвы на Ближнем Востоке и затрагивала вопросы национальной безопасности Российской Федерации. Москва в равной степени имела хорошие отношения с Тель-Авивом и Тегераном и сотрудничает с ними по целому комплексу вопросов политики и безопасности в Сирии и на Ближнем Востоке в целом. Российско-иранское соперничество в Сирии не носит конфронтационного характера. Политические и экономические интересы России и Ирана в этом регионе во многом совпадают. России и Ирану необходимо проводить более скоординированную политику в регионе Большого Ближнего Востока, чтобы упрочить там свои позиции, углубить свои отношения со странами этого региона. Согласованная политика Москвы и Тегерана при поддержке Турции на южном направлении может положительно сказаться на урегулировании ситуации на Ближнем Востоке, в том числе и в Сирии. Продолжающийся в САР кризис и складывающаяся вокруг Дамаска конфликтогенная обстановка вызывает особую озабоченность региональных и мировых держав. В Сирии сохраняется острое политическое соперничество, в основе которого лежат религиозные, идеологические, этнические различия, которые иранская дипломатия и разведка искусно используют для обеспечения региональных интересов ИРИ. Проблема сирийского примирения во многом сегодня определяет параметры внешней политики Ирана на Ближнем Востоке. Политическое решение вооруженного сирийского конфликта служит одним из важных факторов, определяющих конфликтный потенциал региона. Затянувшийся процесс политического урегулирования в САР вызывает обеспокоенность в арабских госу-

дарствах Ближнего Востока. По мнению их руководителей, продолжающийся кризис в САР усиливает позиции Ирана не только в Сирии, но и в регионе, в целом. Отсутствие внутривластной устойчивости в САР чревато дестабилизацией обстановки в других странах арабского мира. С учетом значимости Персидского залива для Ирана вопросы безопасности играли заметную роль в отношениях Тегерана с государствами этого субрегиона. Последние изменения в политике США на Ближнем Востоке явно складываются не в пользу арабских монархий Персидского залива. Несмотря на это, арабские монархии упорно не доверяют Ирану и не видят его в числе участников новой системы региональной безопасности. Арабские монархии хотели бы иметь региональную систему безопасности, возможно, с участием России и Китая как ее гарантов. В целом Иран выиграл в спровоцированном сирийским кризисом новом витке борьбы за Ближний Восток. Военная операция Ирана в Сирии и Ираке позволила ему распространить проекцию силы на ряд других государств региона. В Ираке Иран сражался с международным терроризмом в лице «ИГ», в Сирии обеспечивал сохранность законной власти, в Ливане поддерживал своих союзников, в Йемене формировал фронт поддержки «хуситов» против своего регионального соперника в лице КСА. Одномоментная вовлеченность ИРИ в ряд региональных конфликтов поднимала авторитет Ирана в регионе. Иран доказал, что способен одновременно вести успешные войны на нескольких фронтах. Тегеран серьезно укрепил свой авторитет на Ближнем Востоке и в мире. Иранскому руководству удалось убедить значительную часть общества в необходимости военной операции в Сирии. В 2016 г. около 63% иранцев одобряли политику ИРИ на Ближнем Востоке, более 80% высказались в пользу военной операции ИРИ в Сирии, однако только 50% респондентов поддержали режим Б. аль-Асада. Военно-политические достижения Ирана заставляли считаться с ним США, их западных союзников, учитывать мнение Тегерана по ключевым региональным и международным вопросам. Это объективно повышало запросную планку ИРИ на переговорах с Западом по иранской ядерной проблеме. Силовая операция ИРИ в САР и в Ираке обеспечила Тегерану взаимодействие

с представителями различных этносов и конфессий (курдами, суннитами и шиитами). Таким образом, Тегеран опроверг обвинения в том, что он действует исключительно в интересах шиитских групп населения. Иран включился в процесс реконструкции Ирака и САР и смог частично покрыть свои расходы на поддержку Дамаска, Багдада и своих союзников в Ливане. Тегеран оказывал населению этих стран гуманитарную помощь, что также подчеркивало значимость региональной роли ИРИ. В итоге Иран обеспечил сохранность оси исламского сопротивления и решил в свою пользу ряд геополитических задач на Ближнем Востоке. Иранские Вооруженные силы и шиитские милиции приобрели уникальный опыт проведения совместных войсковых операций в условиях реального боя. Это позволило военному руководству переформатировать структуру иранских силовых структур, повысив их боеспособность и усилив готовность к отражению эвентуальных атак со стороны Израиля и США. В результате военных кампаний Ирана в Ираке и Сирии шиитские милиции стали частью сирийских и иракских Вооруженных сил. Представители близких Ирану в религиозном и этническом отношении местных общин заняли руководящие позиции в ключевых институтах государственного управления. В итоге Иран глубоко проник в общественные, административные и политические институты этих государств и мог влиять на принятие ими решений. Поскольку иранская вооруженная интервенция в Ирак и САР принесла ИРИ значительные политические выгоды, можно предположить, что Иран в рамках складывающегося баланса сил на Большом Ближнем Востоке в будущем может самостоятельно решать, куда, когда и как вмешиваться силовым путем.

Summary

The armed conflict in Syria is one of the major issues of the contemporary situation in the Middle East. The rebellion against the Assad regime dealt severe political blows to Tehran. The Syrian-Iranian alliance was shaped due to the varying degrees of the experiences and different geography of the two states. Iranian influence on Syria peaked in 2007–2009 when Iran signed a whole series of profitable economic contracts with the new Syrian leadership. As events developed in Syria many regional and international actors considered it as a good opportunity to rid Syria of Assad. Iranian leadership saw Assad's survival as a vital for its own security. Iran feared that regime change in Syria could undermine Iranian interests in the region. The Syrian crisis shaped a new phase of political and military struggle for the Middle East. In the wake of crisis aggravation in Syria and the hostilities in Iraq caused by "Islamic State's" revolt, the component of "direct force" in Iranian foreign policy began to prevail. This gave an impetus for military intervention in Syria and Iraq to safeguard Iranian security and preserving regional power balance in favor of Iran. Iran increased its military presence in Syria through IRGC and Artesh's units and Shiite militia. Those issues and many others formed a subject of academic research by V.M. Akhmedov (Ph. D.), senior researchers in the Moscow based Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Science in

his new book «The Syrian Crisis and Iran's Struggle for Middle East (1990–2020-th.)». The main research's goal shaped by comprehensive study of the new developments in Iran's Mideast politics and Iranian military operations in Syria and Iraq regards struggle for Middle East caused by eruption of the Syrian crisis. Main attention is paid to investigate reasons and motives of the Iranian military intervention in Syria and Iraq. The research study of the nature and specificity of Iran's military operations helped the author to group most influential factors in explaining Iran's decision to intervene by force in Syria and Iraq regards its struggle for dominance in the Middle East. Those factors determine by the presence of identically typical group populations in the targeted countries, opportunities to change the regional power balance, the perception of external threats, and the existence of alliances with the local governments. The most important factors affecting Iranian interventions were geopolitical and domestic in nature, not ideational or economic. The investigation of Iranian military drive in the region has resulted in several key conclusions. The presence of the typical confessional group populations appears to be nearly a prerequisite for Tehran's interventions. It would be exaggeration to say that all Shias worked with Iran. However, all Iranian ground interventions have affected nations with identically similar group populations. Regional power balance and stability was a critical factor affecting the likelihood of adversary military interventions, as well. Iran views itself as a fundamentally vulnerable state in a predominantly Arab and Sunni region, where it has historically felt marginalized and often attacked. From Iran's perspective, unless the balance of power is in its favor, the country could once again become a target for adversarial forces. A key strategy pursued by Iran to ensure a favorable balance of power was to ensure that no regional competitor was strong enough to present a threat to or resist influence by Iran. Many of Iran's military interventions have resulted from an external threat perception caused by state adversaries. The rise of ISIS in Syria and Iraq gave an opportunity for Iran to strengthen its military presence, allowing Islamic Republic to project its power, increase strategic depth, cultivate external clients, and build its influence in key countries and beyond its borders. Iran used to deploy Special Forces (mostly from

the IRGC) rather than conventional ones and favors committing IRGC forces rather than Artesh personnel and troops to military interventions. The Iranian intervention in Syria was much larger in terms of the estimated number of forces deployed there and the different services involved in the country. Iraqi's operation was much more typical Iranian interventions, with low numbers of IRGC forces on the ground, mostly in an advice-and-assist capacity. Training and assistance have been a key component of many Iranian military interventions. Syria presents an exclusive example from this model, because Iran has also recruited nonlocal foreign fighters to deploy in combat. To prove and illustrate above mentioned scientific conclusions, an author investigated Iranian's politics in Syria, Iraq, Lebanon, Arab Gulf monarchies. He studies the challenges, caused by crisis in Syria for Iran and its relations with other Middle Eastern states. Special attention is attributed to the behavioral patterns of military institutions in Syria, Lebanon, Iraq, and Iran. The author focuses on the Iranian military activities in Syria and Iraq, showing why and how Iran managed to ground so deeply in the Syrian and Iraqi armies and social fabric of those Arab societies. In view of strengthened confessional strive in the Syrian conflict and Iraqi's crisis the behavioral patterns of various Shiites communities and militias, its interaction with Syrian and Iranian ground forces formed a special subject of this research. Akhmedov V.M. shows how Iran used its "Coup de force" in order to facilitate and accelerate the process of socialization of Shiite communities, to increase their influence in Arab society, and create positions in the political systems of these states. By propelling the Shiites of Iraq, Syria, and Lebanon to power, Iran was able to strengthen its political and military presence in the Levant. In a number of Persian Gulf monarchies (Qatar, Kuwait, United Arab Emirates) Iran created a whole network of the representatives of Shiite communities of its open and secret supporters, and a number of security issues and a positive trade balance of these countries, became largely dependent on the nature of their relationship with Iran. An author shows the main spheres of Iranian, Israelis, Arabs and Russian interactions in the region and Syria, especially. Akhmedov V. M. concludes that the process of ongoing changes in the Arab Mashriq could not be considered apart

of the continuing confrontation between Iran and the Arab monarchies of the Persian Gulf. The warring parties in the Levant and the Persian Gulf carefully watched for any signs of a change in the situation in order to reconsider their positions in time and react to it. Akhmedov V.M. stresses that one of the future footholds for Iranian advance in the region is Syria and Iraq, or rather the division of spheres of influence in these countries after the final withdrawal of foreign troops. In this regard, Iran would rather prefer not to aggravate relations with Russia and Turkey because of the Assad regime, which can significantly limit the sphere of its interests in Syria and Iraq. The ongoing clashes in different parts of Syria and continued Israeli attacks on Iranian objects have shown, that Iran wasn't going to reduce its military presence in Syria, but is striving to aggravate "spy wars" with Israel to maintain and expand Iranian positions in Syria, and undermine Sunny-Israeli alliance in the region. Akhmedov V.M. came to conclusion that military operation in Syria and Iraq helped Tehran to approve the core components of Iran's politics in the Middle East. Tehran has succeeded in strengthening its place and role in the Middle Eastern politics. The stand of the key international and regional players regards given situation demonstrated their low abilities to revert developments in present Iranian role in the Middle Eastern political and military power balance and security environments. Even if some hopes for optimism concerning Iran's role in the region and Syrian settlement still exist, one has to remember that no matter how difficult the transformation process in Syria would be the future of Iran and the region in general depends also on whether there can be reached an agreement on the nuclear issue. As for Iran, this is a question not only of politics but much more as an ideology and vital concerns. Iranian intervention in Syria marked a new era of Iranian real politic in the Middle East that might challenge key international and regional players in the Middle East. Some factors, both internal and external, may change the Iranian way of war. Khamenei's eventual departure and the following succession may have a deep effect on Iranian national security thinking, including Tehran's role in armed conflicts and broad regional portfolios. The accession of an individual aligned with the IRGC (Ebrahim Raisi) may increase presence in the

political realm by the Revolutionary Guards and their affiliates. Coming in power a more reform-minded individual (such as Rouhani) may be more inclined to empower the Artesh. Significant changes in the international relations may affect Iranian motives and calibrate military intervention approach. The future of great-power competition in the Middle East plays important role in shaping Iranian vision of its military activities. A passed away period of greater Washington power in the region would seem to provide fewer threats and more opportunities for Iran. American interventions in the region over the past two decades and instability resulting from the collapse of central authorities has paved the path for Iranian involvement in key countries. Ethnic or sectarian tensions coupled with weak governments facilitate Iranian interventionism. Conversely, more inclusive governments whose populations do not experience significant grievances can serve as a bulwark against Iranian military interventions in the region. Inclusion of minority Shiites populations in governance and military activities in countries with majority Sunni populations and leadership could exclude the country as a target of Iranian activity. More inclusive state's economics may also reduce the risk of civil war or at least lessen instability in the region that attracts Iranian intervention. Mentioned above author's perceptions are welcomed to consider by Russian authorities in achieving political solution and durable peace in Syria and the Middle East.

Аннотация

Монография В. М. Ахмедова «Сирийский кризис и борьба Ирана за Ближний Восток (1990–2020-е годы)» представляет собой комплексное инновационное исследование эволюции ближневосточной политики ИРИ в контексте иранской вооруженной операции в САР и Ираке в условиях обострения борьбы за Ближний Восток, вызванной сирийским кризисом. Основной целью работы является всестороннее исследование причин, сущностного содержания, характера, итогов борьбы Ирана за Ближний Восток на примере вооруженной операции ИРИ в САР и Ираке, особенностей политики Ирана в отношении Ливана и арабских монархий Персидского залива. Достижение поставленной цели осуществлялось на основе оригинальной теоретической модели, адаптированной к ближневосточным реалиям. Ведущим методом исследования послужил синтез элементов структуралистского, мотивационного, конструктивистского подходов на междисциплинарной основе с использованием инструментов системного, сравнительного, исторического анализа в рамках теорий международных отношений. Для углубленного понимания роли силовых структур в сирийском кризисе и исследования мотивов вооруженного участия Ирана в САР и Ираке автор использовал методологические подходы разных школ военной политологии. Решая поставленные в работе задачи, автор прежде всего опирался

на разнообразные источники, документальные, архивные материалы, научную литературу и ресурсы интернета (на русском, английском, арабском и персидском языках) по ключевым вопросам истории развития арабо-иранских отношений на Ближнем Востоке. Большую помощь в работе оказал уникальный научный опыт и знания, накопленные в ИВ РАН по общим вопросам политики и международных отношений на Ближнем Востоке, а также материалы научных трудов сотрудников института по специфическим аспектам истории, политики, экономики, социологии, демографии арабских стран и Ирана. Автор отталкивался от достигнутого в иранском секторе ИВ РАН высокого уровня научного осмысления истории Ирана, общих закономерностей современного развития Исламской Республики, ее политики на Ближнем Востоке. Определенную пользу принесли полевые исследования и полученные в их результате материалы ближневосточной действительности в период учебы и работы В.М. Ахмедова в арабских странах. Автор также использовал опыт командировок в ряд государств Западной Европы в 2004–2019 гг. Конкретизации некоторых деталей исследуемой темы способствовали личные беседы В.М. Ахмедова с представителями разнообразных профессиональных и общественно-политических групп населения Сирии, Египта, Саудовской Аравии, Ливана, Ирана, Турции. Определенным подспорьем в исследовании роли военных в сирийском кризисе и вооруженной операции ИРИ стал опыт личного общения автора с представителями офицерского корпуса ряда арабских государств. С учетом избранной темы и метода исследования автор разработал оригинальную исследовательскую концепцию и адекватную ей структуру работы. Это позволило избежать всестороннего рассмотрения обстоятельств сирийского кризиса, которые были достаточно подробно изучены в более ранних трудах автора. В результате автор сосредоточился на решении основного исследовательского вопроса о войсковой операции ИРИ в САР и Ираке в борьбе за Ближний Восток, в контексте которого были по-новому рассмотрены узловые аспекты сирийских событий. Для всестороннего раскрытия и обоснования поставленных в работе исследовательских вопросов автор выдвинул ряд основных научных положений и гипотез.

тез, выделил несколько ключевых задач, определил приоритетные подходы, методы и средства их решения. Тегеран традиционно стремился к упрочению позиций в арабских странах Ближнего Востока, исходя из соображений обеспечения своих государственных интересов и национальной безопасности. В этом плане Иран в течение последних десятилетий, стремился укрепиться в Сирии, Ираке и Ливане с целью обеспечения благоприятного баланса сил в Леванте и арабских монархиях Персидского залива. На рубеже столетий отношения между САР и ИРИ носили дружественный и партнерский характер. С этой точки зрения сирийско-иранский альянс представлял исключение из общей картины арабо-иранского взаимодействия в регионе на рубеже столетий. Действительно, с укреплением позиций Ирана в регионе важные процессы внутренней политики многих арабских стран получили не только новое измерение, но и обрели иную стратегическую перспективу. Характер наиболее острых конфликтов на Ближнем Востоке и основные параметры их урегулирования в немалой степени определялись политикой Ирана в этом стратегически важном районе мира. Активная политика Ирана на Арабском Востоке негативно сказывалась на состоянии арабо-иранских отношений, которые в ряде случаев приобретали характер открытого противостояния. Развитие ситуации на Ближнем Востоке формировало новые измерения арабо-иранских разногласий. Иногда они могли имплементироваться в виде острой религиозной вражды и рассматриваться обеими сторонами в плоскости защиты национальной безопасности и сохранения территориальной целостности государств. В условиях противостояния Ирана и арабских стран арабо-иранское историческое наследие, национально-религиозные различия и факторы культурно-цивилизационного характера заметно политизировались. В канун сирийских событий внутриполитическая обстановка в САР, в Ираке и Ливане характеризовалась острым политическим соперничеством, основанном на религиозных, идеологических, этнических противоречиях, которые иранская дипломатия и разведка искусно использовали в собственных интересах. Тегеран претендовал на то, чтобы самостоятельно решать вопросы власти, войны и мира на Ближ-

нем Востоке. Дополнительный импульс реализации подобных устремлений Ирана на Ближнем Востоке был во многом придан сирийским конфликтом. Сирийский кризис спровоцировал критические изменения в региональной системе безопасности и обозначил переломный этап в развитии Ближнего Востока. Гражданская война в Сирии, ее характер и последствия меняли прежнюю военно-политическую конфигурацию Ближневосточного региона. С этой точки зрения, проблемы региональной и внутренней безопасности послужили мощным драйвером вооруженной иранской интервенции в Левант. В условиях развития сирийского кризиса опорные элементы ирано-сирийского альянса подверглись критическим изменениям. В последние десятилетия Иран имел отношения не столько с Сирией, сколько с правящей алавитской элитой, поэтому в случае ее ухода от власти позиции ИРИ в Сирии могли кардинально измениться, и не в пользу Ирана. Кризис в САР еще раз подтвердил стратегическую установку ИРИ на то, что Ирак является критическим фактором национальной безопасности Ирана. В Ливане Тегеран уже не мог рассчитывать на прежнюю поддержку Дамаска по защите своих интересов. Ирану пришлось по-новому выстраивать отношения с «Хезболлой», которая стала активным участником вооруженного конфликта в Леванте. Политика Тегерана была мотивирована стремлением закрепить характер отношений с Сирией, Ираком и Ливаном как с государствами-клиентами. Вовлеченность Ирана в сирийские и иракские события была вызвана стремлением Тегерана переформатировать региональную систему безопасности в собственных интересах. Сильным мотивом усиления военного присутствия ИРИ в Леванте были опасения за свою внутреннюю безопасность и территориальную целостность, которые исходили от экстремистских организаций, действовавших на иракской и сирийской территориях. Сравнительный анализ войсковой операции ИРИ в САР и Ираке показал, что важными мотивами вооруженной интервенции служила группа факторов. Они были обусловлены особым характером отношений с местной властью, наличием групп населения, близких в этническом и религиозном отношениях, уровнем внешней угрозы, способностью изменить региональный баланс сил. Ме-

тоды и средства участия Ирана в вооруженном сирийском конфликте корректировались с учетом изменения региональной ситуации. Однако матрицей иранской политики на Ближнем Востоке служила политизированная версия шиизма, которая после исламской революции 1979 г. стала основой государственной идеологии и инструментом внешней политики. С этой точки зрения особый интерес представляла оценка состояния регионального баланса сил в канун сирийских событий, изучение характера отношений ИРИ с сирийским и иракским режимом, обзор иранских позиций в сирийском и иракском социуме, динамики внутренних процессов в ИРИ, изучение военного потенциала Ирана. В рамках избранного метода исследования автор проанализировал эволюцию политики Ирана на Ближнем Востоке на рубеже столетий. Особое внимание уделялось особенностям внутреннего положения в Иране и ряде арабских стран, специфике развития политических и управленческих институтов государства в региональном и международном контексте. Анализ ключевых элементов политической структуры этих стран, их идеологии, географии, исторического опыта, демографии и ресурсной базы помог раскрыть природу эволюции арабской политики ИРИ. В рамках системного подхода автор изучил факторы, влияющие на возможности выбора зависимых и слабых государств (Ливан, Сирия, Ирак) в условиях сирийского кризиса. В. М. Ахмедов констатировал, что сложившаяся на Ближнем Востоке система международных отношений отличалась значительным неравенством государств. В итоге большинству небольших арабских стран приходилось выстраивать «отношения зависимости» от крупных региональных и мировых держав, что подрывало их возможности действовать самостоятельно. Автор акцентировал внимание на исследовании роли идентичности, идеологии, нормативной базы, общественного дискурса в определении поведенческого стереотипа Ирана и ряда арабских стран. Для исследования динамики арабо-иранских отношений автор рассмотрел с позиций реализма системы власти и безопасности в Иране, Сирии и Ираке. Исследована роль «Хезболлы» в Ливане и сирийских событиях. Автор сделал вывод о том, что в условиях обострения борьбы за Ближний Восток

Иран прежде всего заботился о сохранении баланса сил и учитывал виртуальность начала масштабного конфликта с США и Израилем. Автор подробно исследовал роль и структуру силовых структур Сирии в кризисных условиях, характер их взаимодействия с иранскими Вооруженными силами и шиитскими милициями. Подробный анализ мотивов и факторов вооруженного вмешательства ИРИ в САР помог разобраться в специфике иранской вооруженной операции в этих арабских странах. Показаны характер взаимодействия иранских военных с их сирийскими и российскими партнерами, природа связей регулярных иранских сил и специальных войск с милицейскими формированиями, в том числе в борьбе с «Исламским Государством» («ИГ» — запрещено в РФ). Автор констатировал усиление политической роли военных в САР и Иране как следствие обострения борьбы за Ближний Восток. В то же время, несмотря на относительную самостоятельность военных в условиях кризиса, сирийская армия находилась под жестким контролем спецорганов с сильно выраженными признаками конфессиональной и земляческой общности. В Иране элитные войска (КСИР) контролировались духовенством в лице духовного лидера ИРИ. В Сирии военные проводили в жизнь собственные политические решения с использованием силы оружия или угрозы ее применения. Данный факт предопределил характер развития сирийского кризиса. В Иране участие военных в политике протекало в более умеренных формах. Особое внимание автор уделил роли этнических и религиозных факторов в проведении войсковой операции ИРИ в САР и Ираке. На примере сирийской армии и иранского опыта использования шиитских милиций показано, как национальные особенности людей оказывали влияние на армию, — порядок комплектования войск, способы их боевых действий, боевые качества личного состава, моральный духе армии. В ряде случаев определяющее влияние на формирование военной политики оказывала политическая воля крупных военачальников. В Иране таким человеком стал генерал К. Сулеймани. Он выступал в качестве относительно самостоятельной и важной стороны военного фактора геополитики. Его готовность и способность прибегнуть к поддержке проводимого им курса вооруженными ме-

тодами и применить имеющиеся в его распоряжении Вооруженные силы оказали серьезное влияние на степень политической активности иранской армии. Наряду с обеспечением безопасности и интересов на Ближнем Востоке мотивация иранских военных определялась также потребностью совершенствования боеспособности национальных Вооруженных сил в условиях реального боя. Автор дал оценку эволюции военной доктрины ИРИ и подвел итоги вооруженной операции Ирана в указанных арабских странах. Дан анализ внутренних факторов политики ИРИ на Ближнем Востоке и влияние военной операции на внутреннюю политику ИРИ. Изучены последствия иранской вооруженной операции в контексте эволюции отношений ИРИ с Россией, Израилем, Турцией, арабскими монархиями Персидского залива. Отмечено, что активизация вооруженного вмешательства Ирана в САР и Ирак изменила характер взаимоотношений ИРИ с Россией, Израилем, Турцией, монархиями Персидского залива. Автор считает, что проблема сирийского примирения во многом определяет параметры внешней политики ИРИ на Ближнем Востоке и служит одним из важных факторов ближневосточного урегулирования. В.М. Ахмедов приходит к выводу, что в перспективе политика Ирана в Сирии и Ираке будет во многом определяться характером эволюции политических систем этих стран, динамикой развития политических процессов в них, эволюцией их правящих элит. Заметное влияние на политику ИРИ в Ближневосточном регионе будет оказывать природа трансформации региональных отношений и политика мировых держав на Ближнем Востоке. Возможно, что в случае снижения внимания мировых держав к Ближневосточному региону и ослабления их глубокой вовлеченности в региональные процессы сложатся условия для нормализации арабо-иранских отношений. Изложенные выше положения указывают на неслучайный выбор автором заявленной темы исследования. В современных условиях развития Ближнего Востока предложенная тема отличается актуальностью, новизной, имеет практическую значимость. В последние годы в отечественном и зарубежном востоковедении появилось несколько научных трудов, посвященных кризису в САР, политике Ирана в Сирии и на Ближ-

нем Востоке. Однако проблемы эволюции внешней политики ИРИ в условиях сирийского кризиса и борьбы Ирана за Ближний Восток остаются практически неисследованными. Вопросы, касающиеся истинных мотивов и причин иранского вмешательства в сирийский кризис, не получили объяснения в отечественном востоковедении. В монографии В.М. Ахмедова выявлены и обоснованы основные мотивы, характер, особенности и результаты эволюции иранской ближневосточной политики в контексте вооруженной борьбы Ирана за Ближний Восток в условиях сирийского кризиса. Результаты проведенного В.М. Ахмедовым исследования подлинных мотивов и особенностей иранской вооруженной операции в Сирии и Ираке могут дать представление о новой поведенческой модели Ирана не только на Ближнем Востоке, но и в Средней Азии и Закавказье, что имеет приоритетное значение в плане обеспечения интересов России на южном направлении. Таким образом, работа В.М. Ахмедова имеет практическую значимость для российских внешнеполитических ведомств. Представленная монография отличается новизной, использованием широкого круга источников на русском, английском, французском, арабском и персидском языках. Работа В.М. Ахмедова может быть использована в курсе лекций по востоковедной проблематике. Книга рассчитана на широкий круг читателей. В то же время она сориентирована прежде всего на ученых и практических работников, интересующихся проблематикой Ближневосточного региона.

Библиография

1. *Абд ар-Рахман ал-Джабарти*. Египет в канун экспедиции Боннапарта (1776–1798) / пер. с араб., предисл. и примеч. Х.И. Кильберг. М., 1978.
2. *Аль-Маджмуа аль-Ихсаийя*. Аль-Мактаб аль-марказий ли-ль-ихса. Димашк, 1980, 1981, 1985, 1986, 1988.1999, 2011(на араб. яз.).
3. *Ал-Макризи*. Ал-Маваиз ва-л-итибар фи зикр аль-хитат ва-л-асар. Т. 1–2. Булак, 1270/1853 (на араб. яз.).
4. *Аль-Марказ Дирасат аль-Исламийя*. Димашк, 2006 (на араб. яз.).
5. *Ал-Масуди*. Китаб ат-танбих. Лейден, 1894 (на араб. яз.).
6. Ан-Нашра ли-т-таадад ас-сукканийя ва-ль-ихса’и аль-мабани’а фи ам 2004 фи-ль-манатык ва-р-риф димашк. Аль-мактаб аль-марказий ли-ль-ихса. Димашк, 2007 (на араб. яз.).
7. *Ан-Наубахти аль-Хасан ибн Муса*. Шиитские секты. / пер. с арабского, исслед. и комм. С.М. Прозорова. Москва: Изд-во «Наука». 1973.
8. *Аш-Шахрастани Мухаммад ибн Абд ал-Карим*. Книга о религиях и сектах. Ч. 1. / пер. с араб., введ. и коммент. С.М. Прозорова. М., 1984.
9. *Аш-Шидийак Таннус*. Китаб ахбар аль-айян фи Джабаль Любнанию Бейрут, 1859 (на араб.яз.).
10. *Бушев П.П.* Миссия Артемия Волынского в Иран в 1715–1718 гг. М., 1978.
11. Доктрина исламской революции. Избранные мысли и взгляды Имама Хомейни. М.: Научная книга, 2009.

12. Документ о 20-летних перспективах Ирана. URL: <http://rc.majlis.ir/fa/law/show/132295>(на перс. яз.).
13. *Ибн Джубейр*. Путешествие. / пер. с араб. Л. С. Семеновой. М., 1984.
14. *Ибн Хардадбех*. Книга путей и стран. / пер. с араб., комм., исслед., указ. и карты Н. Велихановой. Баку, 1986.
15. К стратегии внешней политики Исламской Республики Иран. Сборник комментариев Верховного руководителя Исламской Республики Иран аятоллы С. А. Хаменеи. URL: <http://book-khamenei.ir/index.aspx?siteid=1&siteid=1&pageid=208&description> (на иран. яз.).
16. Конституция Исламской Республики Иран 1979 г. с дополнениями 1989. URL: http://rc.majlis.ir/fa/content/iran_constitution. (на иран. яз.).
17. Коран. / Пер. и комм. И. Ю. Крачковского. М., 1963.
18. *Куми Хасан б. Мухаммед*. Китаб-е тарих-е Кум. Тегеран, 1934 (на перс.яз.).
19. *Ллойд Джордж Д.* Военные мемуары. Т. 1–6. М., 1934–1938.
20. Мухаммед Казим. Наме-йи аламара-йи надири (Мироукрошающая надирова книга). Т. 1–3. М., 1960–1966.
21. *Насир-и Хусрау*. Сафар-намэ. / пер. и примеч. Е. Э. Бертельса. М–Л., 1933.
22. Сасанидский судебник. / пер. и комм. Ф. Г. Периханян. Ереван. 1973.
23. *Усама ибн Мункыз*. Книга назидания. / Пер. с араб. М. А. Салье. М., 1958.
24. *Хилал ас-Саби*. Установления и обычаи двора халифов (Русум дар ал-хилафа). / пер. с араб., предисл. и примеча. И. Б. Михайловой. М., 1958.
25. Al-Mesbar Studies & Research Center, Second edition. Dubai, 2001.
26. Carnegie Middle East Center, 2012–2017.
27. Euro MeSCo Papers, 14.12.2001.
28. Handbook of Revolutions in the 21st Century. Springer Nature. Switzerland AG, 2022.
29. Handbook to the Modern World. The Middle East. Facts on File Publications. N. Y., 1988.
30. Human Rights Council. Report of the United Nations High Commissioner for Human Rights on the Situation of Human Rights in the Syrian Arab Republic. United Nations General Assembly, A/HRC/18/53, 15.09.2011.
31. Human Rights Watch. We Live as in War: Crackdown on Protesters in the Governate of Homs, New York, 2011.

32. Human Rights Watch. Attacks on Ghouta: Analysis of Alleged Use of Chemical Weapons in Syria, New York, 2013.
33. Human Rights Watch. World Report 2019: Syria, Events of 2018, New York, 2019.
34. Hamdani, Hossein. The beginning of the Syrian crisis according to the narrative of the martyr Hossein Hamdani. 26.12.2016. URL: <https://fa.alalamtv.net/news/1902728/>. (на перс. яз.).
35. Middle East Economic Survey (MEES), 1996.
36. Middle East Economic Digest, 22.12.2000.
37. Middle East Insight, September, October. 1994.
38. Nasser Gamal Abdel. The Philosophy of the revolution. Buffalo, NY: Economica Books, 1959.
39. New York Times Archives. Syrian Chief is said to thwart planned coup. New York Times, 06.02.1982. URL: <https://www.nytimes.com/1982/02/06/world/syrian-chief-is-said-to-thwart-planned-coup.html/>.
40. Pew Research Center. Mapping the Global Muslim Population: A Report on the Size and Distribution of the World's Muslim Population. Washington, D. C., October 2009. URL: <https://www.pewforum.org/2009/10/07/mapping-the-global-muslim-population/>.
41. Pourdasatan, Amir. Details of the presence of the Iranian army in Iraq and Syria. According Narrative of the Chief Commander of Artesh. Fararu, 21.01. 2018. URL: <https://fararu.com/fa/news/> (на перс. яз.).
42. The Encyclopedia on Islamic Movements in the Arab World. Beirut: The Centre for Arab Unity Studies, 2013.
43. The Dayan Center for Middle Eastern and African Studies. Tel-Aviv University, December 1984.
44. The Middle East, October, 1994.
45. *Хизб аль-баас аль-арабий аль-иштиракий*. Аль-муатамар аль-кутрий ас-самин. Димашк, 1985.

МОНОГРАФИИ И СТАТЬИ

46. Агаев С.Л. Иран: внешняя политика и проблемы независимости 1925–1941. М., 1971.
47. Алиева С.М. История Ирана. XX в. М., 2004.
48. Алиев С.А. К национальному вопросу в современном Иране. // Сб. Краткие сообщения Института народов Азии. М.Ю 1964.
49. Арабаджян А.З. Иран. Власть, реформы, революции (XIX–XX вв.). М., 1991.
50. Ахмедов В.М. Ливанская «Хезболла» как военно-политический «центр силы» на Ближнем Востоке: эволюция и перспективы

- в свете ближневосточных интересов России // Исламизм после 11 сентября 2001 г. и начала глобальной антитеррористической операции. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова. 2002.
51. Ахмедов В.М. Сирия на рубеже столетий. Власть и политика. М., 2003.
 52. Ахмедов В.М. Армия и арабские революции на Ближнем Востоке. // Сб. Ближний Восток, арабское пробуждение и Россия: что дальше? М.: ИВ РАН. 2012.
 53. Ахмедов В.М. Кто воюет в Сирии? Институт Ближнего Востока. 2014. URL: <http://www.iimes.ru/>.
 54. Ахмедов В.М. Роль исламского фактора в общественно-политическом развитии арабских стран Ближнего Востока и его эволюция в условиях сирийского восстания (90-е гг. XX — начало XXI в.). Москва. 2015.
 55. Ахмедов В.М. Сирийское восстание. История. Политика. Идеология. М.: ИВ РАН. 2018.
 56. Ахмедов В.М. Философия военно-гражданских отношений на Ближнем Востоке. // Восточный курьер / Oriental Courier. 2021. № 3–4.
 57. Бабуркин С.А. Армия и политика в Андских странах (Венесуэла, Колумбия, Эквадор): автореф. дисс. на соиск. уч. степ. докт. полит. наук. М., 1994.
 58. Бартольд В.В. Работы по истории ислама и арабского халифата. Т. 4. Москва, 1966.
 59. Белова Н.К., Никитина В.Б. Иран. Зарождение идеологии национально-освободительного движения (XIX — начало XX в.) М., 1973.
 60. Белокреницкий В.Я., Каменев С.Б., Мамедова Н.М., Ульченко Н.Ю. Государство, общество, безопасность на Ближнем и Среднем Востоке // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2013. № 2.
 61. Белокреницкий В.Я., Каменев С.Н., Мамедова Н.М., Орешкова С.Ф., Ульченко Н.Ю. Нации и национализм в мусульманском мире. // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2015. № 2.
 62. Белокреницкий В.Я. Ислам и исламистский радикализм в Пакистане. // Религия и общество на Востоке. М. 2015.
 63. Белокреницкий В.Я. Islam and Islamic radicalism in Pakistan. Религия и общество на Востоке. М. 2015.
 64. Белокреницкий В.Я. Пакистан, Южная Азия, исламский мир, Восток. // Избранные публикации 2008–2016 гг. Москва, 2016.

65. *Беляев Е. А.* Арабы, ислам и Арабский халифат в раннее средневековье. М., 1965.
66. *Беляев И. П., Примаков Е. М.* Египет: время президента Насера. М., 1974.
67. *Бокщанин А. Г.* Парфия и Рим. Ч. 2. М. 1966.
68. *Большаков О. Г.* Средневековый город Ближнего Востока. VII — середина XIII в. М., 1984.
69. *Бондарь Ю. М. Сажин В. И.* Военная мощь Исламской Республики Иран. Москва, 2014.
70. *Васильев А. М.* Война в Ираке: региональные и глобальные последствия. // Вестник РАН. 2004. Т. 74.
71. *Васильев А. М.* Египет и египтяне. 3-е изд., перераб. и доп. М. 2008.
72. *Вертяев К. В., Иванов С. М.* Курдский национализм. История и современность. М.: ЛЕНАНД, 2015.
73. *Видясова М. Ф. Умеров М. Ш.* Египет в последней трети XX века. М., 2002.
74. *Воскресенский А. Д.* Восток и политика. Политические системы. Политические культуры. Политические процессы. М., 2015.
75. *Горбунова Н. М., Иванова И. И.* Турция и Ливан в системе региональных противоречий и конфликтов на Ближнем Востоке. Восточная аналитика. 2020, № 4.
76. *Горбунова Н. М., Иванова И. И.* Борьба за шельф Восточного Средиземноморья: итоги и перспективы. // Вестник ИВ РАН. 2020. № 2 (12).
77. *Гусейнов В., Денисов А., Савкин Н., Демиденко С.* Большой Ближний Восток. М., 2007.
78. *Данциг Б. М.* Ирак в прошлом и настоящем. М. 1960.
79. *Долгов Б. В.* Сирийское противостояние. Внутренние и внешние факторы (2011–2021 гг.). М.: ЛЕНАНД, 2021.
80. *Дорошенко Е. А.* Шиитское духовенство в двух революциях: 1905–1911 и 1978–1979 гг. М., 1998.
81. *Дунаева Е. В.* Развитие политического процесса в Иране в 2005–2012 гг. // Сб. Иран при М. Ахмединежаде. М., 2013.
82. *Дунаева Е. В.* Религиозные организации на политическом поле ИРИ. Азия и Африка сегодня. 2013. № 7.
83. *Дунаева Е. В.* Политическая система Исламской Республики Ирана: вызовы либеральной модернизации // Восток (Oriens). 2016. № 1.
84. *Дунаева Е. В.* Иран: исламская политическая идентичность и вызовы современности // Религия и общество на Востоке. 2017. № 1. URL: <https://bsv.ivran.ru/articles?artid=9630>.

85. Дунаева Е. В. Шиитское духовенство в политической жизни современного Ирана. Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11, № 4.
86. Дунаева Е. В., Мамедова Н. М., Сажин В. И. Год после выхода США из ядерной сделки (новые риски для Ирана) // Восточная аналитика. 2019, № 1.
87. Дзяконов И. М. Ахеменидская держава. Гл. XVII. История Востока. // Восток в древности. 2002. Т. I. М.
88. Дзяконов М. М. Очерки истории древнего Ирана. М., 1961.
89. Жигалина О. И. Этносоциальная эволюция иранского общества. М., 1996.
90. Жигалина О. И. Мулла Мустафа Барзани. Исторический портрет. М., 2013.
91. Замараева Н. А. О некоторых аспектах пакистано-иранского сотрудничества // Сб. Иран при М. Ахмединежаде. М., 2013.
92. Заходер Б. Н. История Восточного Средневековья (Халифат и Ближний Восток). Москва, 1944.
93. Иванова И. И. Динамика развития отношений между Турцией и Ираном в XXI в. // Восточная аналитика. 2020. № 4.
94. Иванов М. С. Новейшая история Ирана. М., 1965.
95. Иранская революция 1978–1979 гг. Причины и уроки. М. 1988.
96. Иран в мировой политике. XXI в. М., 2017.
97. Исаев Л. М., Мардасов А. Г., Коротаев А. В. Протесты 2019 г. в Ираке в контексте новой волны ближневосточной дестабилизации // Сб. по итогам конференции Института Африки РАН «Перспективы стабилизации/дестабилизации политической ситуации на Ближнем Востоке и Северной Африки». М., 2019.
98. Исаков А. С. «Мягкая» и «жесткая» сила во внешней политике Исламской Республики Иран: роль гуманитарной дипломатии. // Сб. материалов Всероссийской молодежной научной конференции «Гуманитарная дипломатия: личность, социум и мир» (Екатеринбург, 20–21 апреля 2018 г.). Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2018.
99. История Ирана. М., 1977.
100. Каменева М. С. О трех подходах к понятию «культура» в ИРИ // Сб. Иран при М. Ахмединежаде. М., 2013.
101. Кепель Ж. К. Неприкосновенный запас «мусульманской демократии»? // URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2002/6/kepel.html>.
102. Кириченко В. П. Трансграничная конфессиональная общность и национальное государство: шииты и власть в Ираке в годы правления Саддама Хусейна (1979–2003). Россия и мусульманский мир. 2015. No 11.

103. Колесников А. И. Завоевание Ирана арабами (Иран при «праведных» халифах). М., 1982.
104. Косач Г. Г. Красный флаг над Ближним Востоком. М., 2001.
105. Котлов Л. Н. Национально-освободительная борьба народов Ирака накануне восстания 1920 г. Очерки по истории арабских стран. М., 1959.
106. Котлов Л. Н. Становление национально-освободительного движения в арабских странах Азии. 1908–1914 гг. М., 1986.
107. Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература. Избранные сочинения. В 6 т. Т. 4. М., 1957.
108. Крымский А. История Персии, ее литературы и дервишеской теософии. Т. 1–3. М., 1914–1917.
109. Кузнецова Н. А. Иран в первой половине XIX века. М., 1983.
110. Кузьмин В. А. Противостояние Саудовской Аравии и Ирана в зоне Персидского залива в конце XX — начале XXI в. Научный диалог. Кузьмин В. А. Соколов Н. В. 2017. № 8.
111. Кулагина Л. М. Экспансия английского империализма в Иране в конце XIX — начале XX в. М., 1981.
112. Кулагина Л. М. Общая оценка внешней политики ИРИ. Иранская революция 1978–1979 гг. Причины и уроки. М., 1989.
113. Кулагина Л. М. Иран во второй половине XIX — начале XX в. Гл. 4. История Востока. Восток в Средние века. Т. IV. Восток в новое время (конец XVIII — начало XX вв.). Кн. 2. М., 2005.
114. Кулагина Л. М., Ахмедов В. М. Иран. Ближний Восток, арабское пробуждение и Россия: что дальше? Москва, 2012.
115. Кулагина Л., Ахмедов В. Новые тенденции в ирано-сирийских отношениях. Иран: история и современность. М., 2014.
116. Кулагина Л. М. Ахмедов В. М. Основные направления политики ИРИ в арабских странах Ближнего Востока (1990-е — начало 2020-х гг.) М.: ИВ РАН. 2021.
117. Ланда Р. Г. История арабских стран. М.: Восточный университет, 2005.
118. Левин З. И. Развитие основных течений общественно-политической мысли в Сирии и Египте (Новое время). М., 1972.
119. Левин З. И. Развитие арабской общественной мысли 1917–1945. М., 1979.
120. Левин З. И. Развитие общественной мысли на Востоке. Колониальный период XIX–XX вв. М., 1993.
121. Левин З. И. Общественная мысль на Востоке. Постколониальный период. М., 1999.
122. Левковский А. И. Социальная структура развивающихся стран. М., 1970.

123. Луконин В.Г. Древний и раннесредневековый Иран. М., 1987.
124. Лукоянов А.К. Исламская революция. Иран — опыт первый. М.: Май-принт. 2015.
125. Луцкий В.Б. Новая история арабских стран. М., 1965.
126. Мамедов Р.Ш. Формирование политической элиты современного Ирака: американский и иранский факторы. // Международная жизнь. 2019. № 11.
127. Мамед-заде П.Н. Эволюция египетско-иранских отношений в конце XX — начале XXI в. Иран: культурно- историческая традиция и динамика развития. М., 2006.
128. Мамедова Н.М. Основные направления социально-экономической политики правительства М. Ахмадинежада. // Сб. Иран при М. Ахмеди-нежаде. М., 2013.
129. Мамедова Н.М. Иран: особенности формирования политической элиты. // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2016. № 1.
130. Мамедова Н.М. Экономика Ирана: учебное пособие. М.: МГИМО-У), 2018.
131. Мамедова Н.М. Политическая система Исламской Республики Иран: особенности и возможности трансформации. Контурь гло-бальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11, № 3.
132. Мамедова Н.М. Иран в канун 40-летия Исламской революции. // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62, № 7.
133. Мамедова Н.М. Культурная сложность современного иранского общества. // Труды Института востоковедения РАН. 2019. № 26.
134. Мамедова Н.М. Социальная политика как фактор управления культурно-сложным обществом (на примере Ирана). // Вестник ИВ РАН. № 1 (11), 2020.
135. Матвеев И.А. Сирия в конфликте. Москва: ИВ РАН. 2020.
136. Медников Н.А. Палестина от завоеваний ее арабами до крестовых походов по арабским источникам. 1. Исследование; 2. Приложение. СПб. 1897,1903 [ППС, Т. 17. Вып.2(1)–4].
137. Мелкумян Е. С. Иран и арабские государства Персидского залива: новые тенденции в развитии отношений // Азия и Африка сегод-ня. 2001. № 11.
138. Мелкумян Е. С. Ирано-арабская конкуренция в регионе Ближ-него Востока и Персидского залива. // Вестник РГГУ. Сер.: По-литология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. М., 2015. № 11. С. 139. Митро-фаненкова О.Е. Политика международных акторов по борьбе

- с наркотиками в Афганистане (2001–2019 гг.). // Восточная аналитика. 2020. № 2.
140. Мец А. Мусульманский ренессанс. / пер. с нем. и предисл. Д. Е. Бертельса М.1973.
141. Мирский Г.И. «Третий мир». Общество, власть, армия. М., 1976.
142. Наумкин В.В. Глубоко разделенные общества Ближнего и Среднего Востока: конфликтность, насилие, внешнее вмешательство. // Вестник Московского ун-та. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. 2015. № 1.
143. Наумкин В.В., Кузнецов В.А. Исламский мир и исламские организации в современной мирополитической системе. // Вестник Московского ун-та. Серия 12: Политические науки. 2013. № 4.
144. Наумкин В. В. Конфликты на Ближнем Востоке вышли на первый план в мире. 16.02.2018. URL: <https://ria.ru/interview/20180216/1514794208.html>
145. Наумкин В. В. Курдская головоломка Ближнего Востока (На примере Ирака) // Мировая экономика и международные отношения РАН. 2019. Т. 63, № 5.
146. Новосельцев А.П. Государство Сефевидов в XVI–началеXVII в. Гл. 5. История Востока. Восток на рубеже Средневековья и Нового времени XVI–XVIII вв. Т. III. М.: ИВ РАН. 2000.
147. Новосельцев А.П. Государство Сасанидов в Гл. I. История Востока. // Восток в Средние века. Т. II. М.: ИВ РАН. 2002.
148. Петрушевский И.П. Ислам в Иране в VII–XV вв. Л., 1966.
149. Пигулевская Н.В. Арабы у границ Византии и Ирана в IV–VI вв. М. – Л., 1964.
150. Пир-Будагова Э.П. Сирия (в соавторстве с В. М. Ахмедовым). История Востока в новейший период (1945–2000 гг.). М., 2008.
151. Поида А. А., Юртаев В. И. Исламский фактор в египетско-иранских отношениях. // сб. Африка: поиск идентичности и диалог с миром: Ежегодник — 2018: Сб. ст. Сер.: «Африканские исследования». М., 2018.
152. Полищук А.И. Основные этапы исторического развития Ирана. Курс лекций. М., 2014.
153. Примаков Е. М. Анатомия ближневосточного конфликта. М., 1978.
154. Примаков Е. М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX — начало XXI века). М., 2012.
155. Раванди-Фадаи Л. М. «Исламское коалиционное общество» как основная консервативная партия в Иране. Ислам и общественное развитие в начале XXI века. М., 2005.
156. Раванди-Фадаи Л. М. Этноконфессиональные проблемы в современном Иране. // Сб. Иран при М. Ахмедиенежаде. М., 2013.

157. Раванди-Фадаи Л. М., Филин Н. А. Прошлое и настоящее религиозного наставничества в шиитском исламе. Москва, 2017.
158. *Сажин В. И.* Военная напряженность вокруг Ирана. // Сб. Иран при М. Ахмедиенежаде. М. 2013.
159. *Сажин В. И.* Исламская республика Иран: Власть и Армия. // Сб.: Иран: прошлое и настоящее. Москва, 2018.
160. *Сеиранян Б. Г.* Египет в борьбе за независимость. 1945–1952. М., 1970.
161. *Сеиранян Б. Г.* Британская система косвенного управления на Арабском Востоке // Арабские страны Западной Азии и Северной Африки. Вып. 5. М., 2002.
162. *Скляр Л. Е.* Иран 60–80-х годов: традиционализм против современности. Революция и контрреволюция. М., 1993.
163. *Степанова Н. В.* История Ирака. XX век. М., 2016.
164. *Степанянц М. Т.* Ислам в философской и общественной мысли зарубежного Востока (XIX–XX вв.). М., 1974.
165. *Тоцкая Е. П.* Роль Исламской Республики Иран в региональных политических процессах // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 1(2).
166. *Трубецкой В. В.* Национальная ситуация в Исламской Республике Иран. // Сб. Национальный вопрос в освободившихся странах Востока. М., 1986.
167. *Турадж А., Раванди-Фадаи Л. М.* Жертвы времени: жизнь и судьба иранских политических деятелей и трудовых мигрантов в межвоенный период. Москва, 2020.
168. *Ульченко Н. Ю., Мамедова Н. М.* Особенности экономического развития современных мусульманских государств (на примере Турции и Ирана). М.: Городец, 2016.
169. *Фазильянова Э. М.* Египет: человеческий фактор и развитие. М., 1990.
170. *Федорченко А. В.* Состояние и перспективы национального диалога в Йемене в контексте обострения политического и военного противоборства в стране // Ежегодник Института международных исследований МГИМО (У) МИД России. 2014. № 3–4 (9).
171. *Федорова И. Е.* Отношения США и ИРИ во второй половине 90-х. // Кн. Иран: эволюция исламского правления. М., 1998.
172. *Федорова И. Е.* Элементы паниранизма во внешней политике Ирана // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке. 2015. № 9.
173. *Филин Н. А., Пилюян М. Г.* Аятолла Али Систани: новые возможности старой школы шиитского религиозного наставничества. // Общенациональный научно-политический журнал «Власть». 2015. № 2.

174. Шарипов У.З. Персидский залив: обострение политической и военной ситуации и международных отношений в конце XX — начале XXI в. М., 2010.
175. Юртаев В. И, Краснов К.Г. Внешняя политика Ирана на Ближнем Востоке и американская стратегия «системного сдерживания» // Вестник РУДН. Сер.: Международные отношения. 2016. Т. 16, № 4.
176. Яковлев А.И. Модернизация Саудовской Аравии: итоги и перспективы в начале 21 века // Восточная аналитика. Ежегодник 2011: Экономика и политика стран Востока. М., 2011.
177. Abdul Aziz Ad Duri. Arab-Iranian Relations: Historical Background. Arab-Iranian Relations. Ed. Khair El-Din Hasseb. London: I. B. Tauris, 2015.
178. Abdul-Haq, Ithar Mustafa Hamad. Biography of an officer who saved Hafez al-Assad from a hidden coup attempt led by an officer from Deir al-Zour. Zaman al-Wasl, 21.02.2018. URL: <https://www.zamanalwsl.net/>.
179. Abdulrahim, Raja and Faucon, Benoit. Iran Moves to Cement Its Influence in Syria. Wall Street Journal, 26.03.2019.
180. Abdurrahman al-Haj. Salafiya and salafists in Syria: from al-Islam to al-Jihad. Al-Jazeera Special Report. 20.05. 2013 (in arabic).
181. Abrahamian E. A History of Modern Iran. New York: Cambridge University Press, 2014.
182. Abu Jazar Fida Yousef. Saudi-Iranian Relations and Their Effect on Neighboring Countries. Gaza: Al Azhar University, 2014.
183. Abu al-Nour, Muhsen Muhammad. Implications of the Russian Intervention on Iran's Role in Syria, International Politics, 11.05.2016.
184. Aburish Said K. The Politics of Revenge. New York, 2000.
185. A Century of Revolution: Social Movements in Iran. / Ed. by John Foran. Minneapolis [n.pb.], 1994.
186. Ad-Dasuki Aiman. Role of the Foreign and Sectarian Militias in the Syrian Military Organization. Omran for Strategic Studies. 04.06.2019. (in arabic).
187. Adelkhah, Nima. Iran's Revolutionary Guards and Iraq's Security Breakdown // Terrorism Monitor: 2014. Vol. 12, No. 14.
188. Adelkhah, Nima. Iranian Intervention in Iraq Against the Islamic State: Strategy, Tactics, and Impact, Terrorism Monitor, 2015. Vol. 13, No. 2.
189. Advising dispatch rangers from 65th Airborne Brigade to Syria. Ground Force Rangers settled in Syria. Tasnim News. 16,04.2016. URL: [https://www.tasnimnews.com/./\(in pers.\)](https://www.tasnimnews.com/./(in pers.)).
190. Aglionby John and Kerr Simeon. Djibouti Finalizes Deal for Saudi Arabian Military Base // Financial Times, 17.01.2017.

191. *Akhbarzadeh Shahram*. Why Iran Needs Hizbullah // Muslim World, 26.02.2016.
192. *Akhmedov V.M.* Syria Islamists versus Geneva 2. 2012. // URL: <http://www.throwwww.com/>.
193. *Akhmedov V.M.* Syria-Iraq: how could be so wrong about so much? 2014. URL: <http://yallasouria.worldpress.com/>.
194. *Akhmedov V.* Syrian crisis. Special Report. Berlin, 10.04.2019. URL: <https://doc-research.org/wp-content/uploads/2019/04/DOC-expert-speaks-at-a-roundtable-on-Syria.pdf>.
195. *Akhmedov V.M.* Islamic Phenomena of Syrian Uprising. Lambert Publishing. Academic Publishing RU. Berlin-Moscow, 2019 (In Russian).
196. *Akhmedov V.M.* The Syrian Revolution. In J. A. Goldstone et al. (eds.), Handbook of Revolutions in the 21st Century. Springer Nature. Switzerland AG, 2022.
197. Amirahmadi Houshang, and Nader Entessar, eds. Iran and the Arab World. New York: St. Martin's Press, 1993.
198. Al-Assad's strategy to avoid becoming a puppet of Russia and Iran. Special Assesement.Syria: Security Services. 11. 03. 2021. URL: <https://newlinesinstitute.org/>.
199. *Al-Bashir M. W.* Islamic Sufism: Origins, influences and rules. Kan Historical Periodicals. 2017. 33. URL: [https://platform.almanhal.com/,\(in arabic\)](https://platform.almanhal.com/,(in arabic)).
200. *Al-Dib F.* Abdel Nasser and the Revolution in Iran. Al-Ahram Center for Political and Strategic Studies. Cairo. 2000.
201. *Al-Dagher, Munquith.* Iran's Influence in Iraq Is Declining: Here's Why // Washington Post, 16.11.2018.
202. *Al-Falahy Hatim.* The role and perspectives of Iraqis' militias in Syria. Al-Jazeera Center for Studies and Analysis. 01.04.2019 (in arabic).
204. *Alfoneh, Ali.* Using Syria as a Training Ground: The Case of the Pakistani Zeinabiyoun Brigade. Arab Gulf States Institute in Washington, 17.07.2018. URL: <https://agsiw.org/>.
205. *Alireza, N, Scotten, Ali G, Rahmani, Ahmad, Stewart, Robert and Mahnad, Leila.* Iran's Influence in Afghanistan: Implications for the U. S. Drawdown, Santa Monica, Calif.: RAND Corporation, RR-616, 2014. URL: <https://www.rand.org>.
206. Alireza, Nader. Iran's Role in Iraq: Room for Cooperation? Santa Monica, Calif.: RAND Corporation, PE-151-OSD, 2015. URL: <https://www.rand.org/>.
207. *Al-Lahibi Badria Lafi.* The Impact of the Persian Science on the Arab Sciences. Starting from the Islamic Conquest until the End of the Abbasid Age. Mecca. Saudi Arabia: Um ul Qur'a University, 2015.

208. *Almukhtar, Sarah*. Most Chemical Attacks in Syria Get Little Attention. Here Are 34 Confirmed Cases // New York Times. 13.04.2018. URL: <https://www.nytimes.com/>.
209. *Al Samawi M. T.* The Shi'a: The Real Followers Of The Sunnah. Translated by Hassan M Najafi. Ansariyan Publications. 2007. URL: <https://www.scribd.com/document/48784142/>.
210. *Al-Saud Faisal bin Salman*. Iran, Saudi Arabia and the Gulf: Power Politics in Transition 1968–1971. London: I. B. Tauris, 2003.
211. *Al-Tamimi A. J.* Administrative Decisions on Local Defense Forces Personnel: Translation & Analysis. 03.05.2017. URL: <https://goo.gl/ngXYKc> (in arabic).
212. *Al Zahed S.* Hatred of Arabs Deeply Rooted in Persians, Says Iranian Intellectual // Al Arabiya News. 10.09.2011. URL: <https://www.alarabiya.net/>.
213. *Amanat Abbas and Vejdani Farzin*. Iran Facing Others: Identity Boundaries in Historical Perspective. New York: Palgrave. McMillan, 2012.
214. An Expert: By these reasons, Iran leaves its militias in Syria for a long time. 03.04.2018 (in arabic).
215. *Ansari A. M.* Iran, Islam and Democracy. The Politics of Managing Change, London: Chatam House, 2016.
216. *Ansari, Ali*. Understanding Iran's Role in the Syrian Conflict. London: Royal United Services Institute, 2016.
217. *Antonius, George*. The Arab Awakening. The Story of the Arab National Movement. Safety Harbor, FL.: Simon Publications, 2001.
218. *April R. Summit*. For a White Revolution: John F. Kennedy and the Shah of Iran. Middle East Journal: 2010. 58, no.4.
219. Arab-Iranian Relations / Edited by Haseeb Khair el-Din. Center for Arab Unity Studies. Beirut. 1998.
220. *Arango, Tim, and Thomas Erdbrink*. U.S. and Iran Both Attack ISIS, but Try Not to Look Like Allies. New York Times, 03.12.2014, URL: <https://www.nytimes.com/>.
221. *Arango, Tim*. Iran Dominates in Iraq After U. S. Handed the Country Over // New York Times, 15.07.2017. URL: <https://www.nytimes.com/>.
222. *Arango, Tim, James Risen, Farnaz Fassihi, Ronen Bergman, and Murtaza Hussain*. The Iran Cables: Secret Documents Show How Tehran Wields Power in Iraq // New York Times, 18.11.2019.
223. Artesh and Sepah (IRGC) have the best level of interaction. 18.04.2018. URL: <http://jamejamonline.ir/> (in pers.).
224. *Asghar Zargar Ali*. A Historical Review of British Role in Iran-Iraq Dispute on the Shatt al-Arab Dispute // International Journal of Political. Summer-Fall 2011. Science 1, no 2.

225. *Ashraf Ahmad*. Iranian Identity iii: Medieval Islamic Period. Encyclopedia Iranica, URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/iranian-identity-iii-medieval-islamic-period>.
226. *Atabaki Touraj*. Recasting Oneself: Rejecting the Other: Pan-Turkism and Iranian Nationalism. Identity Politics in Central Asia and the Muslim World: Nationalism, Ethnicity, and Labour in the Twenty First Century / ed. Willem Van Schendel and Erik J. Zürcher. London: I. B. Tauris, 2001.
227. *Ayatollah Ali Khamenei*. Syria and Iran are forming strategic depth for each other. 18.02.2007 (in arabic).
228. *Azizi, Hamidreza*. The Concept of Forward Defence: How Has the Syrian Crisis Shaped the Evolution of Iran's Military Strategy? The Geneva Centre for Security Policy, 2021.
229. *Badawi, Tamer*. Iran's Economic Leverage in Iraq // Carnegie Endowment for International Peace, 23.05.2018. URL: <https://carnegieendowment.org/>.
230. *Badeeb, Saeed M*. Saudi-Iranian relations 1932–1983. London: Center for Arab and Iranian Studies, 1994.
231. *Banani Amin*. The Modernization of Iran. Standford, Calif.: [n.pb.], 1961.
232. *Barzani, M*. Declaration of Independent Kurdish State. We will fight for our goals. BBC (Persian). 24.09.2017. URL: [http://www.bbc.com/persian/.\(in pers.\)](http://www.bbc.com/persian/.(in pers.)).
233. Bassam, Laila, Assad Allies, Including Iranians, Prepare Ground Attack in Syria: Sources. Reuters, 01.10.2015. URL: <https://www.reuters.com/article/>.
234. *Bayat Assef and Bakhtiari Bahman*. Revolutionary Iran and Egypt. Iran and the Surrounding World: Interactions in Culture and Cultural Politics / Ed. Nikkie R. Keddie and Rudi Matthee. Seattle: University of Washington Press, 2002.
235. *Bazzi Mohammad*. Saudi War in Yemen Is Disastrous: America Is Only Making Things Worse. Guardian, 11.06.2018.
236. *Bialer, Uri*. The Iranian Connection in Israel's Foreign Policy, 1948–1951. Middle East Journal. Spring 1985. Vol. 39.
237. *Black, Ian*. Iran Confirms It Has Forces in Syria and Will Take Military Action If Pushed // The Guardian, 16.09.2012. URL: <https://www.theguardian.com/world/>.
238. *Balanche, Fabrice*. Sectarianism in Syria's Civil War. Washington Institute for Near East Policy, 05.02.2018. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/sectarianism-syrias-civil-war-geopolitical-study>.

239. Bombing ISIS in Iraq and Syria with army drones. 21.11.2018. URL: <https://www.tabnak.ir/> (in pers.).
240. Borzon Daragahi. Iraq Conflict Is a Battle for Identity. Los Angeles Times. 16.04.2007.
241. Bosworth C.E. Arab i, Arabs and Iran in the Pre-Islamic Period. Encyclopedia Iranica. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/arab-i>.
242. Bosworth C.E. The History of the Saffarids of Sistan and the Maliks of Nimruz. Costa Mesa. C. A.: Mazda Publishers, 1994.
243. Browne Edward G. A Literary History of Persia. Cambridge: Cambridge University Press. 1951.
244. Bruce Maddy-Weisman. The Berber Identity Movement and the Challenge to North-African States. Austin: University of Texas Press, 2011.
245. Brown, Matt. Islamic State: Julie Bishop Brokers Intelligence Sharing Deal with Iran on Australians Fighting in Iraq. Australian Broadcasting Corporation, April 19, 2015. URL: <https://www.abc.net.au/news/>.
246. Byman, Daniel. Unlikely Alliance: Iran's Secretive Relationship with Al-Qaeda. IHS Defense, Risk and Security Consulting, July 2012.
247. Charbonneau, Louis. Exclusive: Iran Flouts U.N. Sanctions, Sends Arms to Syria: Panel // Reuters, May 16, 2012. URL: <https://www.reuters.com/>.
248. Charboneau, Louis. Exclusive: Iran Steps Up Weapons Lifeline to Assad // Reuters, 13.03.2013. As of 03.12.2020: URL: <https://www.reuters.com/article/>.
249. Chubin, Shahram and Zabih, Sepehr. The Foreign Relations of Iran: A Development State in a Zone of Great Power Conflict. Berkeley: University of California Press, 1976.
250. Clarke, Colin and Phillip, Smyth. The Implications of Iran's Expanding Shi'a Foreign Fighter Network. CTC Sentinel: 2017. Vol. 10, No. 10.
251. Clawson P. Iran's Vulnerabilities to U.S. Sanctions (Part 1): Finding the Weak Spots. URL: <http://www.washingtoninstitute.org/>.
252. Cohen, Norman. Cosmos, Chaos and the World to Come: The Ancient Roots of Apocalyptic Thought. New Haven, CT: Yale University Press, 1993.
253. Coles, Isabel. Iran Supplied Weapons to Iraqi Kurds; Baghdad Bomb Kills 12 // Reuters, 26.08.2014. URL: <https://www.reuters.com/article/>.
254. Coles, Isabel. Iranians Play Role in Breaking IS Siege of Iraqi Town. // Reuters. 01.04.2014. URL: <http://www.reuters.com/article/>.
255. Contemporary Syria. Liberalization Between Cold War and Cold Peace. L., 1994.
257. Cooper, Tom. Air Power in Decline. Key.Aero, 18.05.2017.

258. *Cooper, Tom*. How Fighter Pilots Made Modern Syria. Key.Aero, 18.05.2017.
259. *Cordesman, Anthony H*. Israel and Syria: The Military Balance and Prospects of War, CSIS, 15.08.2007.
260. *Dagher Sam and Fitch, Asa*. Iran Expands Role in Syria in Conjunction with Russia's Airstrikes // Wall Street Journal, 02.10.2015.
261. *Dawisha Adeed*. Egypt in the Arab World: The Elements of Foreign Policy. London: Macmillan, 1976.
262. *Dawish A*. Syria Under Asad, 1970–1978. The Centers of Power. Government and Opposition. 1978. Vol. 13, n. 3.
263. *Dawisha Abeed*. Arab nationalism in the Twentieth Century: From Triumph to Despair. Princeton. NJ: Princeton University Press, 2003.
264. *Dawisha, Adeed*. Saudi Arabia's Search for Security. Adelphi Paper no. 158, London: International Institute for Strategic Studies. 2008.
265. *Dawn C. Ernest*. From Ottomanism to Arabism. Urbana: University of Illinois Press. 1973.
266. *De Lacy O'Leary*. Arabia before Muhammad. London: Rutledge, Trench Trubner & Co, 1927.
267. Details of the clash between the green helmets of the army and the terrorists in Aleppo. Killing 200 Takfiris. 12.04.2016. URL <https://www.tasnimnews.com/> (in pers.).
268. Details of the Guards Corps exercise in the western borders of the country. 24.09.2017. URL: <https://www.tasnimnews.com/> (in pers.).
269. *Devlin J.F*. The Ba'th Party. A History from its Origins to 1966. Stanford, 1976.
270. *DeYoung, Karen, and Joby Warrick*. Iran, Hezbollah Build Militia Networks in Syria in Event That Assad Falls, Officials Say // Washington Post, 10.02.2013.
271. *Diplock, James*. Assad's enemies from within', Macleans, 22.02.1982. URL: <https://archive.macleans.ca/>.
272. *Dourian, Kate*. Iran and Oman Sign Oil, Gas Cooperation Agreement. Platts Oilgram. 18.05.2007.
273. *Drysdale, Alasdair*. The Syrian Political Elite, 1966–1976: A Spatial and Social Analysis // Middle Eastern Studies. 1981. Vol. 17, № 1.
274. *Drysdale, A. Hinnenbush R*. Syria and the Middle East. Process. N.Y. 1991.
275. *Dusen Van M*. Political Integration and Regionalism in Syria // The Middle East Journal. 1972. № 2.
276. *Ehteshami Anoushiravan and Hinnebush A. Raymond*. Syria and Iran. Middle powers in penetrated regional system. London, New York. 1997.

277. *Eisenstadt, Michael*. Iran and Iraq. In Robin Wright, ed., *The Iran Primer: Power, Politics, and U.S. Policy*. Washington, D.C.: United States Institute of Peace, 2010.
278. *Eisenstadt, Michael, Michael Knights, and Ahmed Ali*. Iran Influence in Iraq: Countering Tehran's Whole-of-Government Approach. Washington, D. C.: Washington Institute for Near East Policy, April 2011. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/>.
279. *El-Ghobashi Tamer*. The US and Iran are Competing to Shape Iraq's Next Government: Both Are Failing // *Washington Post*, 25.09.2018.
280. *Elgood Cyril*. *A Medical History of Persia and the Eastern Caliphate*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010, first published in 1951.
281. *Enayat Hamid*. Iran and the Arabs. Arab nationalism and a Wider World / ed. Sylvia Haim. New York: American Association for the Peace in the Middle East. 1971.
282. *Enayat.Hamid*. *Modern Islamic Political Thought*. Austin: University of Texas Press, 1982.
283. *Erdbrink, Thomas*. For Many Iranians, the 'Evidence' Is Clear: ISIS Is an American Invention // *New York Times*, 10.09.2014.
284. *Erdbrink, Thomas, and Mujib, Mashal*. At Least 12 Killed in Pair of Terrorist Attacks in Iran // *New York Times*, 07.06.2017. URL: <https://www.nytimes.com/>.
285. *Esfandiary, Golnaz*. IS Propaganda Increasingly Targeting Iran and Its Sunnis. Radio Free Europe/Radio Liberty, 06.06.2017. URL: <https://www.rferl.org/>.
286. *Esfandiary Dina*. Iran and Egypt: A Complicated Tango. European Union Institute for Security Studies, October 2012, URL: <http://www.iss.europa.eu/content/>.
287. *Esfandiary, Dina and Tabatabai, Ariane*. Iran's ISIS Policy // *International Affairs*, 2015. Vol. 91, № 1.
288. *Estvar, Iftan*. Iranian Foreign Strategy Strengthens its Sectarian Policy When the Political Situation is Looming. Carnegie's Middle East Center. 30.11.2016 (in arabic).
289. Evacuation of Two Pro-Assad Syrian Villages Complete. Reuters, 18.07.2018.
290. *Fadai L.R*. *Russo-Iranian Relations and the Vienna Nuclear Agreement*. Doha: Arab Center for Research and Policy Studies. 2015.
291. *Faksh Mahmud A*. The Alawi Community of Syria: A New Dominant Political Force // *Middle Eastern Studies*, 1984. Vol. 20, № 2.
292. *Farokh, Kaveh*. *Iran at War: 1500–1988*. Oxford: Osprey Publishing, 2011.
293. *Falih Hassan and Rod Nordland*. Surprise: Alliance in Iraq Unites a U.S. Friend and Foe // *New York Times*, 24.06.2018.

294. For how long Iranian army will stay in Syria? 23.04.2016. URL: <https://www.tasnimnews.com/> (in pers.).
295. *Foss, Clive*. Kemal Ataturk: Giving a New Nation a New History // *Journal of Middle Eastern Studies*. 2014. Vol. 50, no. 5.
296. *George Alan*. Syria: Neither Bread nor Freedom. L., NY., 2003.
297. *Gheissari Ali*. Iranian Intellectuals in the 20th Century. Austin: University of Texas Press, 1997.
298. *Girshman Roman*. L'Iran: Des origines a L'Islam. Paris: Payot. 1951.
299. *Gold, Zack*. Al-Qaeda in Iraq (AQI): An Al-Qaeda Affiliate Case Study, Arlington, Va.: CNA, October 2017.
300. *Goodarzi Jubin*. Syria and Iran. London: I. B. Tauris, 2009.
301. *Gordon, Michael R*. Iran Supplying Syrian Military via Iraqi Airspace. New York Times, 04.09.2012. URL: <https://www.nytimes.com/>.
302. *Govett J*. Secret Syria talks speak to a post-US Middle East era. Syrian and Turkish Intel chief meeting in Baghdad is just one of many signals the region's geopolitics are again fast reconfiguring // *Asia Times*. 20.09.2021. URL: <https://asiatimes.com/>.
303. *Grant, R*. The Bekaa Valley War. Airforce Magazine, June 2002. URL: <https://web.archive.org/>.
304. *Guldescu Stanko*. The Background to the Yemeni revolution of 1962. *Dalhousie Review*. 1965. Vol. 45, no.1, URL: <https://dashspace.library.dal.ca/bitstream/>.
305. *Haddad, A*. If Iran didn't fight in Iraq Syria would fall in the handsofISIS.23.04.2019. URL: <https://www.tasnimnews.com/> (in pers.).
306. *Haddad, G*. Revolutions and military rule in the Middle East, N.Y., 1971. Vol. 2.
307. *Halliday Fred*. The Middle East, the Great Powers and the Cold War. The Cold War and the Middle East / ed. Yazid Sayigh and Avi Shaim. Oxford: Claredon Press,1977.
308. *Halliday Fred*. Arabs and Persians beyond the Geopolitics of the Gulf. *Cahiers d'Etudes sur la Mediterranee Orientale et le Monde Turco-Iranian*, 22.07.1996.
309. *Hamou, A*. Five Years after the Russian Military Intervention Iran's Influence in Syria is Growing. 10. 05. 2020. URL: <https://syriadirect.org/> (in arabic).
310. *Hartoch, Noam*. A History of the Syrian Air Force 1947–1967, July,2015. URL: <https://kclpure.kcl.ac.uk/portal/>.
311. *Heller Jeffrey and Kalin Stephen*. Israel Has Held Secret Talks with Saudi Arabia // *Independent*, 20.11.2017.
312. *Hanley, Delinda C*. UAE Seeks Regional Stability.Warns against War on Iran. Washington Report on Middle East Affairs. 2007. Vol. 26, no. 8.

313. *Heras, Nicholas A, Bassam Barabandi, and Nidal Betare*, Deir Azzour Tribal Mapping Project. Center for a New American Security. September, 2017.
314. *Hicham Bou Nassif*, 'Second-Class': The Grievances of Sunni Officers in the Syrian Armed Forces // *Journal of Strategic Studies*. 2015. Vol. 38. Issue 5.
315. *Hinnebusch R.A.* Asads Syria and the New World Order: The struggle for regime survival. *Middle East Policy*, 1995.
316. *Hiro Dilip*. Iran under the Ayatallohs. London: Routledge&Keegan Paul, 1985.
317. *Hiro, Dilip*. The Longest War: Iran-Iraq Military Conflict. New York: Routledge, 1991.
318. *Hof F.C.* Syria: Is the Revolution Finished? MENA Source (blog), Atlantic Council, 15.05.2014, URL: <http://www.atlanticcouncil.org/blogs/>.
319. *Hoodbhoy Pervez*. The Saudiazation of Pakistan: How Pakistan Is Changing and What it Means for South Asia and the Rest of the World. New Line, January, 2009.
320. *Hooglund Eric*. Factions behind US Policy in the Gulf // *Middle East Report*. 1988. Vol. 18, no 2.
321. *Hourani Albert*. Arabic Thought in the Liberal Age. Cambridge: Cambridge University Press, 1966.
322. *Hourani Albert*. From Jabal 'Amil to Persia. In *Distant relations: Iran and Lebanon in the Last 500 Years*, ed. H.E. Chehabi. London: I.B. Tauris, 2006.
323. *Houwaidi Fehmi*. Iran from the Inside. Cairo. Al-Ahram Center for Translation and Publication, 1987.
324. How far is ISIS from Iran's borders? Map and pictures. 30.03.2016. URL: <https://www.yjc.ir/> (in pers.).
325. How Iranian Militias are Integrated into Regime Forces. Al-Modon // Newspaper. 05.04.2018 (in arabic).
326. *Hubbard, Ben*. Iran, Deeply Embedded in Syria // *New York Times*, 19.02.2018. URL: <https://www.nytimes.com/>.
327. *Humud, Carla, Christopher Blanchard, Jeremy Sharp, and Jim Zanotti*. Iranian Assistance to Groups in Yemen, Iraq, Syria, and the Palestinian Territories. Memorandum to Senator Mark Kirk, Washington, D.C.: Congressional Research Service, 31.07.2015.
328. *Hunter Shireen T.* U. S. Allies Won't Like Detente with Iran. *Los Angeles Times*, 10.08.1989.
329. *Hunter Shireen T.* Iran And The World: Continuity in a Revolutionary Decade. Bloomington: Indiana University Press, 1990.

330. *Hunter Shireen T.* Iran after Khomeini. Washington DC: Center for Strategic and International Studies. Praeger, 1992.
331. *Hunter Shireen T.* Iran and Syria: From Hostility to Limited Alliance. Iran and the Arab World, eds. Houshang Amirahmadi and Nader Entessar. New York: St. Martin's Press, 1996.
332. *Hunter Shireen T.* Reformist Discourse in Iran: Proponents and Prospects. In reformist Voices of Islam: Mediating Islam and Modernity/ ed. Shireen T. Hunter. Armonk, NY. M. E. Sharpe, 2008.
333. *Hunter Shireen T.* Iran, Islam and the Struggle for Identity and Power in the Islamic Republic of Iran. The Prince Al Waleed bin Talal Center for Muslim-Christian Understanding. Georgetown University. Occasional Paper. July, 2014.
334. *Hunter, Shireen T.* Iran Divided: The Historical Roots of Iranian Debates on Identity. Culture and Governance in the 21st Century. Lanham, MD: Rowman & Littlefield. 2014.
335. *Hunter, Shirren T.* Ahvaz Attacks: Is Saudi Arabia Taking the War Inside Iran? // Lobelog, 24.09.2018. URL: <https://lobelog.com/ahwaz-attacks-is-saudi-arabia-taking-the-war-inside-iran/>
336. *Hunter, Shireen T.* Arab-Iranian Relations. Dynamics of Conflict and Accommodation. London–New York, 2019.
337. *Hunter, Shireen T.* Are Iran and Iraq Headed to Another Conflict? // Lobelog, 11.09.2018, URL: <https://lobelog.com/are-iran-and-iraq-headed-toward-another-conflict/>.
338. *Hunter, Shireen T.* Iran's Foreign Policy in the Post-Soviet Era: Resisting the New International Order. Santa Barbara. California: Praeger, 2010.
339. *Hunter Shireen T.* OPEC and the Third World: The Politics of Aid. Bloomington: Indiana University Press, 1984.
340. *Huntington S.P.* The third wave: Democratization in the late twentieth century. Norman; L.; Univ. Of Oklahoma press, 1991.
341. *Huntington S.P.* The Soldier and the State: The Theory and Politics of Civil-Military Relations. New York: Random House, 1957.
342. *Hussain Tom.* No Money in Pakistan Budget for Iranian Gas Pipeline // Miami Herald, 12.06.2013.
343. *Iddon, Paul.* Iran Bombarded Iraq Throughout the 1990s // War Is Boring, 23.07.2018. URL: <https://warisboring.com/>.
344. International Crisis Group, Golan Heights and South/West Syria, URL: <https://www.crisisgroup.org/> (accessed: 12.06.2019).
345. *Itani F.* Losing Syria and Iraq to Jihadists. Issue in Focus // Atlantic Council, 27.06.2014.
346. Iranian President Starts Landmark Visit to Saudi Arabia // Deutsche Presse-Agenture. 15.05.1999.

347. Iran is in serious danger. ISIS has to be controlled in Syria and Iraq. 01.06. 2015. URL: <https://www.mashreghnews.ir/news/423479/> (in pers.).
348. Iran and Iraq's military capabilities contra America. 14.03.2019. URL: <https://www.javanonline.ir/> (in pers.).
349. Iran Raids Takfiri Lair in Tehran // Press TV, 22.06.2016. URL: <http://www.presstv.com/>.
350. *Jafri Hussain M.S.* Origins and Early Development of Early Islam. London: Longman, 1979.
351. *Jones, Toby Craig.* Rebellion on the Saudi Perephery: Modernization, Marginalization and the Shia Uprising of 1979 // International Journal of Middle East Studies. 2006. Vol. 38, no. 2.
352. *Jones K.* US Lacks Responsible Foreign Policy To Deal With ISIS // News Blaze, 01.09.2014.
353. Journal of Strategic Studies. 2015. 38.5. P. 626–649. Published online: 04.08.2015. URL: <https://www.tandfonline.com/>.
354. *Juhi Bushra.* Iraqi Shiites Decry Sunni Crackdown in Bahrain // Washington Post. 18.03.2011.
355. *Juneau Thomas.* No, Yemen's Houthis Aren't Actually Iranian Puppets // Washington Post, 16.05.2016.
356. *Juneau T. and Sam R.* Iranian Foreign Policy since 2001. Routledge Studies in Middle Eastern Politics, 1ed, 2017.
357. *Juneau, Thomas.* Iran's Costly Intervention in Syria: A Pyrrhic Victory // Mediterranean Politics. 2020. Vol. 25, No. 1.
358. *Kagan, Kimberly.* Iran's Proxy War against the United States and the Iraqi Government. Institute for the Study of War. 20.08.2007.
359. *Kamrava, Mehran.* Qatar: Small State, Big Politics. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2013.
360. *Katz N. Mark.* Yemeni Unity and Saudi Security. Middle East Policy. 1992. Vol. 1, no. 1.
361. *Katzman K.* Iran's Foreign and Defense Policies. Washington, D.C.: Congressional Research Service, 2019.
362. *Katzman, Kenneth.* Oman: Reform, Security, and US Policy. Washington, DC: Congressional Research Service, 2017.
363. *Karsh E.* The Soviet Union and Syria. The Asad Years. L., 1988.
364. *Kaylani N.M.* The Rise of the Syrian Ba'th, 1940–1958: a Political Success, Party Failure // International Journal of Middle East Studies, 1972. № 1.
365. *Kelidar A.R.* Religion and State in Syria. Asian Affairs, 1974. Vol. 61, part I.

366. *Keddie R. Nikkie*. An Islamic Response to Imperialism: Political and Religious Writings of Sayyad Jamal al Din al-Afghan. Berkeley: University of California Press, 1983.
367. *Kermani Agha Khan*. Encyclopedia Iranica. URL: <https://www.iranicaonline.org/article/aga-khan-kermani/>.
368. *Kerr Malcom*. The Arab Cold War. Gamal 'Abd al-Nasir and His Rivals. Oxford: Oxford University Press, 1971.
369. *Khadduri Majid*. Political trends in the Arab World: The Role of Ideas and Ideals. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1977.
370. *Khamenei, Ali*. The Selected Speeches. 25. 06. 2016 (in pers.).
371. *Khesroshahi Hadi*. Mutual Awareness between Arabs and Iranians. Arab-Iranian Relations / ed. Khair El-Din Hasseb. London: I. B. Tauris, 2015.
372. *Kia Mehrdad*. Mirza Fath Ali Akhundzadeh and the Call for Modernization of the Islamic World // Middle Eastern Studies. 1995. Vol. 31, № 3. July.
373. *Kienle E*. Ba'th against Ba'th. L., 1990.
374. *Kinzer Stephen*. Iran's Nuclear Deal // Guardian, 17.05.2010.
375. *Kirdar, M.J.* Al Qaeda in Iraq. Washington, D.C.: Center for Strategic and International Studies, 2011. URL: <http://www.understandingwar.org/>.
376. *Kramer Martin*. Syrias Alawis and Shiism. The Dayan Center for Middle Eastern and African Studies. Tel-Aviv University, 1984.
377. *Kumar Pradhan Prasanta*. Post-Morsi Egypt: Saudi Maneuvering and Iranian Dilemma. Institute for Defense Studies and Analyses. New Delhi, 27.09.2013, URL: <https://idsa.in/issuebrief/>.
378. *Landis Joshua*. Syria and the Palestine War: Fighting King Abdullah's Greater Syria Plan. In The War from Palestine / ed. Eugene Rogan and Avi Shaim, second edition. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
379. *Laqueur Walter*. The Soviet Union and the Middle East. New York: Frederick A. Praeger, 1959.
380. *Law Bill*. The Most Dangerous man in the World? Independent, 08.01.2016.
381. *Lefebvre Jeffrey*. Iran in the Horn of Africa: Outflanking U.S. Allies // Middle East Policy. 2012. Vol. 19, № 2, URL: <https://www.mepc.org/>.
382. *Light, M*. Foreign Policy Analysis. Contemporary International Relations. A Guide, ed. A. J. R. Groom and Margot Light. London: Print Publishers, 1994.
383. *Litvak S. Robert*. Detente and the Nixon Doctrine: American Foreign Policy and the Pursuit of Stability, 1969–1976. Cambridge: Cambridge University Press, 1984.

384. *Levi R.* Persia and the Arabs. The legacy of Persia / ed. A. J. Arbery. Oxford: Clarendon Press. 1953.
385. *Liz Sly.* The Hidden Hand behind the Islamic State's Militants? Saddam Hussain's // Washington Post, 04.04.2015.
386. Location of the raid. Wikimapia.org. URL: <http://wikimapia.org/m/#lat=36.2631&lon=37.255325&z=11&l=36&m=b>.
387. *Long, David E.* US-Saudi Relations: Evolution, Current Conditions, and Future Prospects. Mediterranean Quarterly. Vol. 15, № 3. 2004.
388. *MacDonald W. Robert.* The League of Arab States: A Study on the Dynamics of Regional Organization. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1966.
389. *Macdonald Brad.* A Nightmare Alliance. Trumpet, March, 2008. Mubarak's Shias Remarks Stir Anger // Al-Jazeera, 10.04.2006, URL: <http://www.aljazeera.com/archive/>.
390. *Madhavi Al Rasheed.* Xenophobia, Tribalism and Imagined Enemies. Mohammed bin Salman's Brand of Saudi Nationalism // Middle East Eye, 05.09.2018, URL: <https://www.middleeasteye.net/columns/>.
391. *Mamedova N., Obukhova A.* Iran's foreign Economic Relations in the Region/. Vostok. Afro-Aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost. 2019. № 5.
392. Mamluk and Fidan between two meetings. al-Idrak for Studies and Consultations. Istanbul. Special Assessment. August, 2021. URL: <https://www.idraksy.net/> (in Arabic)
393. *Makieh, Kinda.* UAE Reopens Syria Embassy in Boost for Assad // Reuters, 27.12.2018.
394. *Mansharof Y.* Despite denials by Iranian regime, statements by Majlis member and reports in Iran indicate involvement of Iranian troops in Syria fighting // The Middle East Media Research Institute. 4.12.2013. URL: <http://www.memri.org/report/en/>.
395. *Ma'oz M.* Modern Syria: From Ottoman Rule to Pivotal Role in the M. E. Brighton, 1999.
396. Mapping Militant Organizations. The Islamic State. Stanford University. Updated June 2018. URL: <https://cisac.fsi.stanford.edu/>.
397. *Marr Phoebe.* The Modern History of Iraq. Boulder, CO: Westview Press, 1985.
398. Mashaei Opened the Tasks of Ahmadinejad's Mission: to Bring the Regime to a Revolutionary Situation. URL: <http://www.tabnak.ir/> (in pers.).
399. *Mathew M. William.* The Balfour Declaration and the Palestine Mandate: British Imperial Imperatives // Middle Eastern Studies. 2013. Vol. 40, № 3.
- 400 *McCants, William,* "Who Is Islamic State Leader News, 08.03.2016. As of 04.12.2020. URL: <https://www.bbc.com/>.

401. *Glinchey S. and Murray W.R.* Jimmy Carter and the Sale of AWACS to Iran in 1977 // *Diplomacy and Startecraft*, 2017. Vol. 28, № 2, URL: <https://www.tandfonline.com/>.
402. Kernan Bethan. Iran Says Saudi Arabia 'Murdered Pilgrim' during the 2015 Stampede // *Independent*, 06.09.2015.
403. *Michael G. Findley and Tze Kwang Teo.* Rethinking Third-Party Interventions into Civil Wars: An Actor-Centric Approach // *Journal of Politics*, 2006. Vol. 68, No. 4.
404. *Milani, Mohsen.* Why Tehran Won't Abandon Assad (ism) // *Washington Quarterly*. 2013. Vol. 36, No. 4.
405. *Miller, Judith and Laurie, Mylroie.* Saddam Husein.and the Crisis in the Gulf. New Haven, CT: Yale University Press, 1990.
406. *Millward William.* Egypt and Iran: Regional Rivals at Diplomatic Odds. Commentary 22.05.1992.
407. *Mishali Ram Meirav.* The Syrian War and the Foreign Fighters from the Muslim World // *Oxford Research*, 07.04.2017, URL: [https:// sustainablesecurity.org/](https://sustainablesecurity.org/).
408. *Morgenthau Hans J.* The Decline of Democratic Politics. Vol. I. The University of Chicago Press. Chicago, Illinois, USA, 1962.
409. *Morgenthau, Hans J.* To Intervene or Not to Intervene// *Foreign Affairs*. 1967. Vol. 45, № 3.
410. *Mottahedeh Roy.* The Shu'ubiyah Controversy and the Social History of Early Islamic Iran. *International Journal of Middle East Studies*. 1976. Vol. 7, № 2.
411. *Mohammad D.* Al Mustafa Wald Al Bashir. Islamic Sufism: Origins, influences and rules. *Kan Historical Periodicals* Vol. 33. 2017. URL: [https://platform.almanhal.com/.\(in arabic\)](https://platform.almanhal.com/.(in arabic)).
412. *Moore Jack.* Kissinger Warns Trump: ISIS Is Keeping Iran in Check // *Newsweek*. 08.08.2015.
413. *Moussawi I.* Shi'ism & The Democratisation Process in Iran with a Focus on Wilayat al-faqih, London, UK: Saqi Books, 2015.
414. *Mungaj Christian.* Sudan, Somalia and Djibuty Cut Ties with Iran: Tehran Laughs. *Mail & Guardian Africa*, 08.01.2016.
415. *Murray, Williamson, and Kevin Woods.* The Iran-Iraq War: A Military and Strategic History, New York: Cambridge University Press, 2014.
416. *Nasr, S.* Roots of the Shi'i Movement // *MERIP Reports*, 1985. Vol. 133.
417. *Nehme D.* Top Saudi Cleric says Iran Leaders Not Muslims as Haj Row Mounts // *Reuters*, 07.09.2016, URL: <https://www.reuters.com/article/>.
418. Niarchos Nicolas. How is US Is Making the War in Yemen Worse? // *New Yorker*, 22.01.2018.
419. *Nordlinger Eric A.* Soldiers in Politics. Military Coups and Governments. by Prentice-Hall, Inc., Englewood Clifs, New Jersey. 1977.

420. *Olivier Roy*. Islam and Resistance in Afghanistan. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
421. *Olmert, J.* The Shi'is and the Lebanese State. In Martin Kramer (ed.) Shi'ism, Resistance, and Revolution, Boulder, Colo: Westview Press, 1987.
422. *Parasiliti, A. T.* Iran and Iraq: Changing relations and Future Prospects. In Amirahmadi Houshang, and Nader Entessar, eds. Iran and the Arab World. New York: St. Martin's Press. 1993.
423. *Pasha A. K.* Saudi Arabia and the Iran Nuclear Deal // Contemporary Review of the Middle East. 2016. Vol. 3, № 4.
424. *Phillips, Christopher.* Sectarianism and Conflict in Syria // Third World Quarterly. 2017. Vol. 36, No 2.
425. *Perera Judith.* Together against the Red Peril: Iran and Saudi Arabia, Rivals for Super Power Role. The Middle East. 1978. Vol. 43.
426. *Picard Elizabeth.* Lebanon: A Shattered Country, Myths and Realities of the Wars in Lebanon. New York: Holmes& Meir, 1996.
427. *Pickering Jeffry.* British withdrawal from East of Suez. London/New York: Palgrave Mac Millan, 1998.
428. *Pollack, Kenneth M.* Iran in Iraq. Washington, D.C.: Atlantic Council, December 2017.
429. *Quilliam N.* Syria and the New World Order. London, 1999.
430. *Ramazani R. K.* The Foreign Policy of Iran 1500–1941: A Developing Nation in Word Affairs. Charlottesville: University of Virginia Press. 1966.
431. *Ramazani R. K.* Iran and the Arab-Israeli Conflict. Middle East Journal. 1978. Vol. 32.
432. *Raskin J.* Alissa, Barnard Anne and Peltier Eliane. After Mysterious Saudi Stay Hariri Meets Macron // New York Times, 18.11.2017.
433. *Reich, Bernard.* Political Leaders of the Contemporary Middle East and North Africa: A Biographical Dictionary. Greenwood Publishing Group, 1990.
434. *Rezamand, Ardalan.* Use of Religious Doctrine and Symbolism in the Iran-Iraq War // Journal of the Centre for Studies in Religion and Society Graduate Students Association, 2010. Vol. 9, no. 1.
435. *Rieff, David.* The Shiite Surge // New York Times, February 1, 2004. URL: <https://www.nytimes.com/>.
436. *Robbins-Early Nick.* What is really behind the War in Yemen // Huffington Post, 04.11. URL: <https://www.huffingtonpost.com/>.
437. *Rogen L. Eugene and Shalim Avi.* The War for Palestine: Rewriting the History of 1948. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
438. *Rubin, Alissa J.,* Militant Leader in Rare Appearance in Iraq // New York Times, 05.07.2014. URL: <https://www.nytimes.com/>.

439. Saban, Navvar. Factbox: Iranian Influence and Presence in Syria. Atlantic Council, 05.11.2020.
440. *Sadeghi, S. Sh., Kamran, L.* The Analysis of the Islamic Republic of Iran's Implication towards the Syrian Crisis. The Institute of Contemporary Political Studies. Humanitarian and Cultural Studies. Tehran. 2014. Vol. 6. № 1. (in pers.).
441. *Salah Nayouf.* Political Islam in Syria: a Knowledge Map in The Muslim Brotherhood in Syria: The Resistance of the Sect and the Violence of the Movement. Dubai: Al Mesbar Studies & Research Center, Second edition, February, 2001.
442. Sardar Soleimani's appearance alongside the Fatemiyoun fighters' desert frontline in Syria. 28.03. 2018. URL: <https://www.yjc.ir/fa/> (in pers.).
443. *Saul, Jonathan, and Parisa Hafezi.* Iran Boosts Military Support in Syria to Bolster Assad. Reuters, 20.02.2014. URL: <https://www.reuters.com/article/>
444. *Scheller Benet.* The Wisdom of Assad's Waiting Game. London: Hurst & Company, 2013.
445. *Seale Patrick.* The Struggle for Syria: A Study of Post-War Arab Politics, 1945–1958. Oxford: Oxford University Press, 1965.
446. *Seale Patrick.* The Struggle for the Middle East. Berkley: University of California Press, 1988.
447. *Seth, Jones, G., Dobbins, James Byman, Daniel. Chivvis, Christopher S., Connable, Ben, Martini, Jeffrey, Robinson, Eric and Chandler, Nathan.* Rolling Back the Islamic State, Santa Monica, Calif.: RAND Corporation, RR-1912, 2017. URL: <https://www.rand.org/pubs/>.
448. *Shaffer, B.* Partners in Need. The Strategic Relationship of Russia and Iran. Wash., 2001.
449. *Shama Nael.* Egyptian Foreign Policy from Mubarak to Morsi: Against the National Interest. London: Routledge, 2013.
450. *Shapiro B. Daniel.* Why the Khashoggi Murder Is a Disaster for Israel. Haaretz, 18.10.2018.
451. *Sharafedin, Bozorgmehr.* "Death Toll Among Iran's Forces in Syrian War Passes 1,000 // Reuters, 22.11.2016. URL: <https://www.reuters.com/article/>
452. *Shariati Susan Pour.* Decline and Fall of Sassanian Empire: The Sassanian-Parthian Confederacy and Arab Conquest of Persia. London: I. B. Tauris, 2008.
453. *Sharifi-Yazdi Farzad Cyrus.* Arab-Persian Rivalry in the Persian Gulf. London: I. B. Tauris, 2015.
454. *Sherlock, Ruth.* Iran Boosts Support to Syria // The Telegraph, 21.02.2014.

455. *Shuja, Jamal Ahmad*. The Fatemiyoun Army: Reintegration into Afghan Society. Washington, D. C.: United States Institute of Peace, March 2019.
456. *Sinan, H.* 03. 08.2019. Russia and Iran: Economic Influence in Syria, London: Chatham House, 2019. URL: <https://syria.chathamhouse.org/research/>.
457. *Smal Islands, Big Problems*. Amirahmadi Houshang, ed. New York; St. Martin's Press, 1966.
458. *Snyder S.* Saudi and UAE Boots on the Ground Intensify the Yemen War // The World, PRI, 12.08.2015, URL: <https://www.pri.org/stories/>.
459. *Sohbani Sohrab*. The Pragmatic Entente: Israeli-Iranian Relations: 1948–1988. Westport. CT: Praeger, 1989.
460. *Soufan, Ali, Qassem Soleimani and Iran's Unique Regional Strategy* // CTC Sentinel, 2018. Vol. 11, No. 10.
461. *Stavridis James*. Are we entering a New Cold War? // FP, 17.02.2016. URL: <https://foreignpolicy.com/>.
462. *Stein, Ewan*, Ideological Codependency and Regional Order: Iran, Syria, and the Axis of Refusal // PS: Political Science & Politics, 2017. Vol. 50, No. 3.
463. *Stern S.M.* Yaqub the Coppersmith and Persian National Sentiment. In Iran and Islam / ed. Bosworth C.E. Edinburgh: Edinburgh University Press., 1971.
464. *Steven R. Ward*. The Continuing Evolution of Iran's Military Doctrine // Middle East Journal, 2005. Vol. 59, No. 4.
465. *Stork Joe and Lesch V. Ann.* Background to the Crisis: Why War? // Middle East report. 1990. Vol. 167.
466. Syrian partition // URL: http://suriyedenhaber.blogspot.ru/2014/11/readings_10.html
467. *Tabatabai, Ariane M.*, ISIS Hits Iran: Terror Comes to the Islamic Republic // Foreign Affairs, 04.07.2017.
468. *Tabatabai, Ariane M.* and Esfandiary, Dina. Cooperating with Iran to Combat ISIS in Iraq // Washington Quarterly, 2017. Vol. 40, No. 3.
469. *Takeyh, Ray*. Iran, Israel and the Politics of Terrorism // Survival, 2006. Vol. 48, No. 4.
470. *Tarzi, Amin, and Darby Parliament*, Missile Messages: Iran Strikes MKO Bases in Iraq // Nonproliferation Review, Summer 2001.
471. *Tehrani J.* Shu'ubiyya: Independence Movements in Iran. Persian Edition. Create Space Independent Publishing Platform, 2014 (in pers.).
472. *Tisdall, Simon*, Iran Helping Syrian Regime Crack Down on Protesters, Say Diplomats // The Guardian, 08.05.2011. As of 09.12.2020. URL: <https://www.theguardian.com/world/>.

473. The Change in Iranian Military Doctrine during the Syrian War. 01.07.2018. (in pers.).
474. The Iran-Iraq War: The Politics of Aggression. Rajaei Farhang. ed. Gainesville: University Press of Florida, 1993.
475. The Fifth Corps and the State of the Syrian Army.Syria Deeply, Analysis: Newsdeeply.11.01.2017. URL: <https://www.newsdeeply.com/syria/articles/>.
476. The Russian-American «Hamburg Agreement» on Syria: Its Objectives and Implications. 11.07. 2017. URL: <https://goo.gl/hW4GAR>.(in arabic).
477. The Scope for Wider relations with Syria. Keyhan International. 28.12.1975.
478. The untold story of bombing ISIS positions by army fighters. 21.09.2017. URL: <https://www.tasnimnews.com/>.(in Iranian).
479. *Toby Matthiessen*. The Other Studies: Shiism, Dissent and Sectarianism. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.
480. *Tripp Charles*. A History of Iraq. Cambridge: Cambrige University Press, 2000.
481. Ulrichsen. Christian Coates. Israel and the Arab Gulf Statets: Drivers and Directions. Center for Middle East Policy. Rice University's Baker Institute for Public Policy, September, 2016, URL: <https://www.bakerinstitute.org/media/files/>.
482. U. S. Army, The U. S. Army in the Iraq War: Vol. I, Invasions, Insurgency, Civil War 2003–2006, Carlisle Barracks, Pa.: U. S. Army War College Press, 2019.
483. U. S. Army, The U. S. Army in the Iraq War: Vol. II, Surge and Withdrawal 2007–2011; Carlisle Barracks, Pa.: U. S. Army War College Press, 2019.
484. *Uskowi, Nader*. The Evolving Iranian Strategy in Syria: A Looming Conflict with Israel. Atlantic Council. September, 2018, 485. *Vakil Sanam*. Iran-GCC Relations: Heading Pragmatism and Opportunism. London. Royal Institute of International Affairs, September 2018.
486. *Van Dam, N*. Destroying a Nation: The Civil War in Syria, I. B. Tauris, 2017.
487. *Vasiliev, A*. Russia's Middle East Policy: From Lenin to Putin, Routledge, 2018.
488. *Vaziri Mostafa*. Iran as Imagined Nation: The Construction of National Identity. New York: Paragon House, 1993.
489. *Volker Perthes*. The Political Economy of Syria under Assad. L., 1997.
490. *Volker Perthes*. The Political Economy of the Syrian Succession // *Survival*. 2001. Vol. 43. № 1.
491. *Walt, Stephen M*. International relations; One World, Many Theories // *Foreign Policy*. 1998. No 110.

492. *Waltz K.* Theory of International Politics. Reading. (Reading, MA; Addison-Wesley Publishing Company, 1979.
493. *Ward, Steven R.* The Continuing Evolution of Iran's Military Doctrine. *Middle East Journal*, 2005. Vol. 59, no. 4.
494. We have not sold soldiers in Syria. ISIS has been formed against Iran in Syria. Iranian Students News Agency. 05.10.2016. URL: <https://www.isna.ir/news/95071409366/> (in pers.).
495. *Weinraub Bernard.* Iran says McFarland and 4 Others Went to Tehran on a Secret Trip // *New York Times*, 04.11.1986.
496. *Williamson, Murray and Woods, Kevin.* The Iran-Iraq War: A Military and Strategic History, New York: Cambridge University Press, 2014.
497. *Wilson T. Arnold.* The Persian Gulf: From the Earliest Times to the Beginning of the Twentieth Century, 1928: reprinted New York: Hyperion Press, 1981.
498. World Public Opinion. Iran Poll Shows Rouhani Comes Out of Election with Broad-Based Support. 31.03.2016.
499. *Worth, Robert F., and Nazila Fathi.* Protests Flare in Tehran as Opposition Disputes Vote // *New York Times*, 13.06.2009. URL: <https://www.nytimes.com/>.
500. *Wright Denis.* The English amongst the Persians. London: William Heinemann, 1977.
501. *Wright, Lawrence,* ISIS's Savage Strategy in Iraq // *New Yorker*, 16.06.2014. URL: <https://www.newyorker.com/news/>.
502. *Yarshater Ehsan.* The Persian Presence in the Islamic World. Ed. *Richard Hovannesian Richard, and George Sabagh*, Cambridge: Cambridge University Press. 1998.
503. *Yossef, Amr.* Upgrading Iran's Military Doctrine: An Offensive 'Forward Defense' // *Middle East Institute*. 10.12.2019.
504. *Youseef Ibrahim M.* Saudi Rebels Are Main Suspects in June Bombing of a U.S. Base // *New York Times*, 15.08.1996.
505. *Zabih Sepehr.* The Communist Movement in Iran. Berkley: University of California Press, 1966.
506. *Zaireg Reda.* The Truth behind Morocco's Diplomatic Crisis with Iran. *Middle East Eye*. 11.05.2018, URL: <https://www.middleeasteye.net/columns/>.
507. *Zarrinkub Abd Al Husain.* The Arab Conquest of Iran and Its Aftermath. *Cambridge History of Iran*. 1974. Vol. 4.
508. *Zarrinkoub Abdolhossein.* Two Centuries of Silence (Do Qarn Sokut). Santa Ana, C. A: Mazda Publishers, 2017.
509. Zogby Research Services. Today's Middle East: Pressures and Challenges, Washington, D.C. November, 2014.

510. *Абади Али, Абади Мохсен.* От Хашеми до Рухани. Обзор внешней политики Ирана. Тегеран. 2016 (на перс. яз.).
511. *Абдельхей Самах.* Умная сила во внешней политике. Исследование инструментов внешней политики Ирана в отношении Ливана (2005–2013). Беirut. 2014 (на араб. яз.).
512. *Абдерразак, С., Карам, Ф.* Ускоренное иранское размещение на земле Сирии..., и под землей. 04.07.2022. URL: <https://awsaat.com/home/article/3577076/>. (на араб. яз.).
513. *Абдерразак, С.* Эрдоган разворачивает упреждающую борьбу за возвращение Стамбула и устранение имама Оглу. 03.01.2022. URL: <https://aawsad.com/home/article/3392176/> (на араб. яз.).
514. *Аль-Амин, Х.* Российское пренебрежение интересами Дамаска. 13.06.2022. URL: <https://www.al-akhbar.com/Syria/338969/> (на араб. яз.).
515. *Аль-Ани Т.* В чем значимость роли Турции-Катара в поддержке политического решения в САП? 30.10.2021. URL: <http://khaleejonline.com/30BeBo> (на араб. яз.).
516. *Аль-Джарида* раскрывает досье главы Моссад для Дж. Байдена по Ирану. Редакционная статья. 07.12.2021. URL: <https://www.aljarida.com/articles/163881328997575600/> (на араб. яз.).
517. *Аль-Ганжа Хишам.* Доктринальный фактор и его роль в руководстве внешней политикой Ирана в отношении Ирака 2003–2013. Амман. 2016 (на араб. яз.).
518. *Аль-Джази Махмуд.* Влияние Ирана в арабском регионе в свете изменений в политике США в отношении региона 2003–2011. Амман. 2012 (на араб. яз.).
519. *Аль-Каземи...* готовый выбор на пост премьера в случае решения о провале «крупнейшего блока большинства» // Анализ. 2021.10.07. URL: <https://www.aa.com.tr/2385114/> (на араб. яз.).
520. *Аль-Мусалля Мухаммед.* Статистика сирийских сект. 12.02.2006. URL: https://www.amude.net/Nivisar_Munteda_deep.php?newsLanguage=Munteda&newsId=4431 (на араб. яз.).
521. *Аль-Факих И.* Станет ли Ближний Восток свидетелем новых союзов далеких от Вашингтона. Стамбул. 05.04.2022. URL: <https://www.aa.com.tr/ar/2555368/> (на араб. яз.).
523. *Ан-Нахас, С.* Аль-Мамлюк и новое руководство спецслужб: Россия берет долю Асада. 08.07.2019. URL: <https://bit.ly/2JpNnfM>. (на араб. яз.).
524. *Ахмейдан Хасан.* Иранская позиция в отношении йеменских событий. Иранская перспектива. Доха, 2015. (на араб. яз.).
525. *Аятолла Занджани, Мохаммад Тавакколи.* Религиозные принципы как основа внешней политики Исламской Республики Иран //

- Ежеквартальный исследовательский журнал. 2012. Т. 42. No 2. (на перс. яз.).
526. Встречи представителей сил безопасности САР и Турции в Иорданской Акабе при посредничестве ОАЭ // Редакционная статья. 31.12.21. URL: <https://www.raialyoum.com/> (на араб. яз.).
527. *Дараби А.* Политические течения в современном Иране. Тегеран: Исследовательский центр культуры и научной мысли, б. г. (на перс. яз.).
528. *Зияде Р.* Ас-султа ва-ль-истихбарат фи сурия (Власть и спецслужбы в Сирии). Beirut, 2013 (на араб. яз.).
529. Иран опасается присутствия израильской «Хезболлы» на своих северных границах // Редакционная статья. 10.07.2021. URL: <https://alarab.co.uk/> (на араб. яз.).
530. *Исса Т.* Куда ударят израильтяне? 01.12.2021. URL: <https://www.aljoumhouria.com/ar/news/625693/> (на араб. яз.).
531. *Иссам В.* Сирия: при поддержке Ирана милиции меняют названия мечети «аль-Фарук Омар» в пригороде Дейр эз-Зора. 11.24.2021. URL: <https://www.alquds.co.uk/> (на араб. яз.).
532. *Иссам В.* Откуда «ИГ» осуществляет операции в Сирии? 23.06.2022. URL: <https://www.alquds.co.uk/> (на араб. яз.).
533. *Карам Ф.* Иран расширяет присутствие своих милиций и вооружений в Сирии. 06.04.2022. URL: <https://aawsat.com/home/article/3577221/> (на араб. яз.).
534. КСА возобновляет расчеты в отношении Пакистана в противодействии Ирану // Редакционная статья. 11.07.2021. URL: <https://alarab.co.uk/> (на араб. яз.).
535. *Маджид М.* Беспилотники проникли в воздушное пространство Ирана. 08.12.2021. URL: <https://www.alqabas.com/article/5870214/> (на араб. яз.).
536. *Мохаммад Наджи.* 40 лет иранской революции. Внешняя политика между идеологией и прагматизмом. Центр политических и стратегических исследований Аль-Ахрам. No 292. Каир, 2019 (на араб. яз.).
537. *Мохаммед Селим.* Анализ внешней политики. Библиотека египетского ренессанса, Каир. 2013, (на араб. яз.).
538. *Муса Мухаммед Хейр.* Объявление шейха Усамы ар-Рифаэи муфтием Сирии: ответственность и последствия. Рассказ о борьбе за сирийский муфтият с времен Г. А. Насера до Башара аль-Асада. 21.11.2021, URL: <https://mubasher.aljazeera.net/opinions/> (на араб. яз.).
539. *Нааме А.* После «Аль-Имам Али»... Иран строит вторую базу на востоке Дейр эз-Зора в САР. 28.10.2021. URL: <https://www.arabi21.com/story/1394178/> (на араб. яз.).

540. *Нааме А.* Иран объявляет о возобновлении «религиозного паломничества» в Сирию. Почему сейчас? 2021.11.13. URL: [https:// www.arab_21.com/story/1397691/](https://www.arab_21.com/story/1397691/).(на араб. яз.).
541. Примирие с Асадом и расчеты на уход Ирана // Редакционная статья. 11.25.2021. URL: <https://www.alsouria.net/> (на араб. яз.).
542. *Рашид Басем.* Конфессиональная проблема внешней политики Ирана // Эр-Рияд.2017 (на араб. яз.).
543. Саудовская Аравия и Иран в преддверии открытия консульств и закрытия страницы войны в Йемене // Редакционная статья. 13.10.2021. URL: <https://alarab.co.uk/> (на араб. яз.).
544. *Салих Ясин Аль-Хадж.* Несуществующие меньшинства Сирии. 22.02.2006 URL: [www. ahewar.org/debat/show.art.asp?aid=57826](http://www.ahewar.org/debat/show.art.asp?aid=57826) (на араб. яз.).
545. *Сиржави А.* Ничего нового в 18-м раунде конференции в Астане кроме осуждения Израиля и части копии (материалов) 17-го раунда... подробности. 19.06.2022. URL: <https://awtanpost.net/post/48672/> (на араб.яз.).
546. *Талаа Маан.* Роль Ирана в сирийском кризисе, позиция, альянсы и будущее. Доха, 2019 (на араб. яз.).
547. *Хаджесарви Г.* Политика и власть в Исламской республике Иран. Тегеран, б. г. (на перс. яз.).
548. Турция не нуждается в «Братьях-мусульманах», чтобы закрыть суннитский вакуум в Ливане // Редакционная статья. 11.17.2021. URL: <https://alarab.co.uk/>.(на араб. яз.).
549. *Хамуд Ю.* Превратится ли Бахрейн в новую площадку борьбы между Израилем и Ираном? 13.07.2021. URL: <https://alkhaleejonline.net/> (на араб. яз.).
550. *Халаф К.* Просил ли Хаккан Фидан о встрече с Асадом в Дамаске? 16.09.2021. URL: <https://www.raiaalyoum.com/> (на араб. яз.).
551. *Хамуд Ю.* Повлияет ли кризис между Эр-Риядом и Бейрутом на саудовские переговоры с Ираном? 11.06.2021. URL: <http://khaleej.online/9DWdj3> (на араб. яз.).
552. *Хамуд Ю.* «Неминуемое соглашение». Наступит ли в сложных саудовско-иранских отношениях новый период нормализации. 10.12.2021. URL: <http://Khaleej.online/MDkVKB>.(на араб. яз.).
553. *Хейралла Х.* Регион кипит.13.06.2022. URL: <https://alarab.co.uk/> (на араб. яз.).
554. Что означает ожидаемое решение об отставке начальника разведки КСИР? Признание упадка или подготовка к наращиванию убийств в войне с государством-оккупантом? Станет ли месть за убийство К. Сулеймани основной задачей нового начальника раз-

- ведки КСИР? // Редакционная статья. 06.23.2022. URL: <https://www.raialyoum.com/>. (на араб. яз.).
555. Что скрывается за визитом министра ОАЭ в Дамаск? // Редакционная статья. 11.12.2021. URL: <https://www.raialyoum.com/>. (на араб. яз.).
556. *Шадлу А.* Фракционизм в исламском течении. 1360–1380. Тегеран. 2003 (на перс. яз.).
557. «Шпионская война» Ирана и Израиля в Турции // Редакционная статья. 06.23.2022. URL: <https://www.alquds.co.uk/>. (на араб. яз.).
558. Вызовы для сирийской оппозиции после потери Алеппо и Мо-сковской Декларации. 26.12.2019. URL: <https://goo.gl/2ZwVda>. (на араб. яз.).
559. Сегодня соседние Сирии государства вынуждены говорить с Ираном. Мы распространили наше победоносное влияние по всей стране. 21.10.2016. URL: [https://www.tasnimnews.com/fa/news/1395/07/30/\(in Iranian\)](https://www.tasnimnews.com/fa/news/1395/07/30/(in%20Iranian)).

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ И ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ

560. Азия и Африка сегодня. М.
561. Аналитические записки. М.
562. Вестник Института востоковедения РАН. М.
563. Восток: афро-азиатские общества: история и современность.
564. Дипкуррьер НГ. М.
565. Институт Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/>.
566. ИТАР ТАСС.
567. Мировая экономика и международные отношения. М.
568. Agence France Press. Paris.
569. Al-Markaziya News Agency. L.
570. Cahiers de l'Orient contemporain. Paris.
571. Current History. N.Y.
572. Daily Star. Lebanon.
573. Elaph. London.
574. Etudes Mediterannees. Paris.
575. Foreign Affairs.
576. Foreign Policy.
577. Gumhuriyet. Turkey.
578. IraNews, Tehran.
579. IRNA. Tehran.
580. Islamic Review and Arab Affairs. L.
581. Jordan Times. Amman.
582. Mehr. Tehran.

- 583. Keyhan International. Tehran
- 584. Middle Eastern Studies. N. Y.
- 585. Nobelnews. Lebanon.
- 586. SANA, Damascus.
- 587. Syria Times. Damascus.
- 588. Teheran Times. Tehran.
- 589. The Middle East Journal. Wash.
- 590. The National.
- 591. Tishrin, Damascus.
- 592. Абъяд ва Асад. Дамаск.
- 593. Ад-Дустур. Амман.
- 594. Аз-Заман. Турция.
- 595. Аль-Ахбар. Бейрут.
- 596. Аль-Ахрам. Каир.
- 597. Аль-Баас. Дамаск.
- 598. Аль-Васат. Лондон.
- 599. Аль-Джазира. Катар.
- 600. Аль-Джарида. Саудовская Аравия.

Об авторе

Ахмедов Владимир Муртузович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. Ахмедов Владимир Муртузович, родился в 1960 г., в Москве. В 1983 г. окончил ИСАА при МГУ, в 1986 г. там же — аспирантуру. Продолжительное время работал в советских / российских загранпредставительствах в Йемене, Саудовской Аравии, Сирии. Был в кратких командировках в Ливане, Египте, Турции и ряде стран Западной Европы. Свободно владеет арабским и английским языками. В Институте востоковедения работает с 2001 года. Специализируется на изучении новейшей истории Ближнего Востока с упором на военную, общественно-политическую и исламскую проблематику арабских стран. Особое место в исследовательской деятельности В.М. Ахмедова занимает сирийский кризис — его генезис, динамика, роль военных, Ирана, исламистских движений, перспективы преодоления. По этому направлению он обоснованно может быть признан одним из лучших экспертов не только в РФ, но и на международном уровне. Участник многочисленных отечественных и международных конференций и симпозиумов. Автор и ответственный редактор 23 монографий.

Основные работы:

- Армия и власть на Ближнем Востоке: от авторитаризма к демократии / Отв. ред., автор статей. М., 2002.
- Сирия при Башаре Асаде. Региональный опыт модернизации в условиях внешней нестабильности. Москва, 2005.

- Социально-политические процессы в арабских странах Ближнего Востока. Москва, 2008.
- Современная Сирия: история, политика, экономика. Москва, 2010–2011.
- Сирийское восстание. История. Политика. Идеология. Москва, 2018.
- Исламистский феномен сирийского восстания. Lambert Publishing. Academic Publishing. Берлин–Москва, 2019.
- Основные направления политики ИРИ в арабских странах Ближнего Востока (1990-е — начало 2020-х годов). Москва, 2021. [В соавторстве с Л. М. Кулагиной].
- Vladimir M. Akhmedov. The Syrian Revolution. In J. A. Goldstone et al. (eds.), Handbook of Revolutions in the 21st Century. The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change. Handbook of Revolutions in the 21st Century, Societies and Political Orders in Transition. Springer Nature Switzerland AG 2022.

About the author

Akhmedov V.M. (PhD) — is a Russian scientist, orientalist, Middle East political analyst, senior research fellow at the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences specializing in modern history of Arab countries. He received his PhD from the Institute of Asian and African Studies of Moscow State University. He has served in positions the Russian diplomatic missions in Arab countries and traveled extensively in the Middle East. He is fluent in Arabic and English. He worked as a professor in the Military University, Russian Ministry of Defense (2001–2003), in the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (2004–2007). The subjects of his scientific studies include the contemporary history of the Middle East enfacing on military, political, social, and Islamic dimensions in Arab countries. The special part of his scientific studies focuses on the Syrian Crisis; its origins, dynamics, role of the military, Iran's politics, Islamite's movements, and perspectives of its solution. In view of the evident scientific results in investigating above mentioned questions, Akhmedov V.M. could be objectively recognized as one of the best experts not only in Russia, but on the International level. He is participant of multiple international and local conferences and symposium. He is an author and editor (redactor) of 23 books on contemporary Arab politics and international relations in the Middle East. (ORCID ID: 0000-0002-4952-2964).[E-mail: shamyarabist@gmail.com.]

His well-known publications (in Russian&English) include:

- Army and Power in the Middle East (as editor and author of “Armed Forces and Politics in modern Syria”). Moscow. 2002.
- Syria under Basher Assad. Regional experience of modernization under the conditions of external instability. Moscow. 2005.
- Socio-political processes in the Arab countries of the Middle East. Moscow. 2008.
- Contemporary Syria: History, Politics, Economic. Moscow. 2010–2011.
- The Syrian Uprising. History. Politics. Ideology. Moscow. 2018.
- Islamic Phenomena of Syrian Uprising. Lambert Publishing. Academic Publishing. Berlin-Moscow. 2019.
- Основные направления политики ИРИ в арабских странах Ближнего Востока (1990-е — начало 2020-х гг.). Москва. 2021. [В соавторстве с Л. М. Кулагиной].
- The Syrian Revolution. In J. A. Goldstone et al. (eds.), Handbook of Revolutions in the 21st Century. The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change. Handbook of Revolutions in the 21st Century, Societies and Political Orders in Transition. Springer Nature Switzerland AG 2022.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

Ахмедов Владимир Муртузович

СИРИЙСКИЙ КРИЗИС И БОРЬБА ИРАНА ЗА БЛИЖНИЙ ВОСТОК (1990–2020-Е ГОДЫ)

Монография

В авторской редакции
Корректор *М.Я. Колесник*
Технический редактор *Д. С. Лялюева*
Верстальщик *Н.А. Кильдишева*
Оформитель *П.А. Трошина*

Общероссийский классификатор продукции ОК 034-2014 (КПЕС 2008):
58.11.12 – Книги печатные профессиональные, технические и научные

Подписано в печать 12.12.2022 г. Формат 60×90/16.

Усл. печ. л. 17. Уч.-изд. л. 14. Тираж 500 экз. Заказ №3911

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук (ФГБУН ИВ РАН).
Научно-издательский центр, заведующий *А. О. Захаров*
107031, Россия, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12

Архив-каталог книг ФГБУН ИВ РАН – на сайте <https://book.ivran.ru>

Сообщения об опечатках, ошибках и неточностях, обнаруженных в книгах,
изданных ФГБУН ИВ РАН, отправлять на адрес электронной почты izd@ivran.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в типографии издательства «ПРОБЕЛ-2000»

Адрес: 109544, г. Москва, ул. Рабочая, д. 91, стр. 4

Тел.: (495) 287-06-19; e-mail: probel-2000@mail.ru